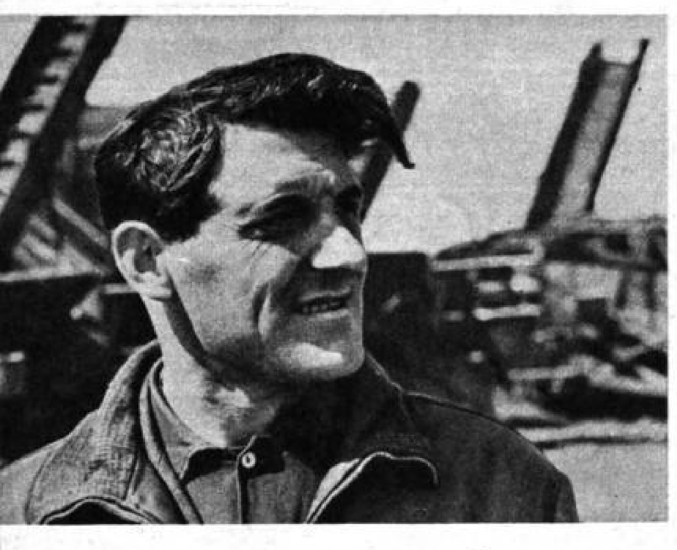

ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

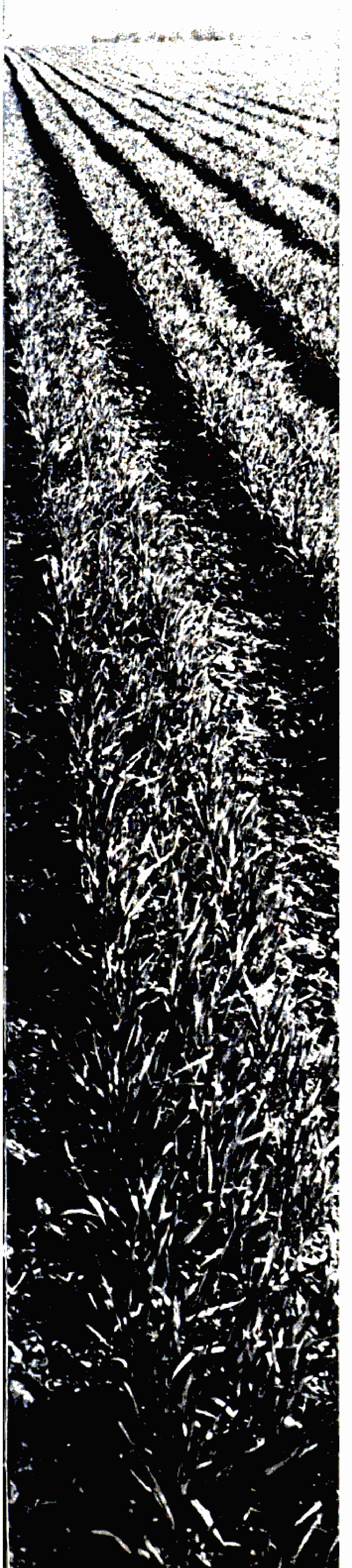
Правление колхоза «Червоный партизан».

Герой Социалистического Труда помощник бригадира из колхоза имени Щорса Иван Несмашный.

Старая партизанская землянка. Федосей Елисеевич Титов вспоминает минувшее.

Степь пшеничная...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (2139)

22 ИЮНЯ 1968

МОЛОДОЕ ЛЕТО

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» Н. БЫКОВ и М. САВИН ПРОДОЛЖАЮТ РАССКАЗ О КОММУНИСТАХ НОВОМОСКОВСКОГО РАЙОНА *

На выгоне, подальше от коровника, стоят как вкопанные два бугая, а вокруг них резвятся телята-малолетки. Все мастью в закольцованных папаш. Телячьи радости заходят так далеко, что нет-нет да какой-нибудь малыш подскочит в приливе чувств и любопытства к одному из бугаев. И тогда тот... Нет, не успевает ничего: ни боднуть, ни дать шлепка,— озорник на тонких ногах, взмыкнув от сладкого ужаса, стремглав летит прочь, а за ним его сверстники пластают врассыпную, криво и напряженно задрав хвосты. Потом снова, осмелев, вприскачку возвращаются к намертво стоящим широколобым папашам...

Самое начало лета, трава незаметно поднялась, тяжелые пчелы добирают последний нектар отцветающих садов. И уже, сдается, в скворечниках крепнет писк лупоглазых птенцов. Им еще долго кормиться из клюва родителей... И у телят, что столь восторженно разглядывают мрачных производителей, жизнь вполне беззаботная. А вон жеребенок уже, считай, в деле. Потому, что у людей много забот, столько, что и на машине их не переделаешь. Мать хомутают на рассвете, и жеребенок встает с матерью чуть свет. Мохнатые ресницы сами собой закрывают глаза, но он уже стоит, тянется к теплу сосков и едва снова не засыпает. Но мать поспешно доедает все, что брошено в кормушку, ее уже взнуздали, ее уже ведут, толкают в оглобли. Надо догонять! А на дворе звон и зелень и длинные дороги дня, и все мимо самого интересного: мимо телятника, мимо школы, мимо криницы... А зеленое поле! Рванул бы до самых облаков, но мать зовет, ей и так нелегко, а он о своих глупостях. Нет, совсем другое начало лета у жеребенка, не то что у тех, пегеньких, с телячьими восторгами на уме...

В село Вольное мы приехали рано. У калитки небольшого дома скакала с мячом Тоня, младшая дочь председателя сельсовета. Завидев машину, бросилась в дом: «Едут!» Вышел Федосей Елисеевич Титов, поздоровались. Он спросил, есть ли местечко еще? Для Тони? Конечно! И вот мы уже едем вдоль Самары, через древнюю дубраву, посаженную еще запорожцами, в партизанский лес. Отец Тони, Федосей Елисеевич, был здесь командиром партизанского отряда. Дорога в лесу даже для «газика» нелегкая, и все же Титов успевает многое рассказать:

— А Тоня моя ни разу еще не была в нашей землянке. А тут говорит: возьми да возьми. Когда, мол, умрешь, я буду экскурсии водить. Они, пионеры, нынче много делают по части таких походов. Ищут. А тут и я жив и ничего искать не надо, а вот не была еще ни разу... Ну, вот он, тридцать третий квартал!

...Где же землянка? Отец велел искать самой. Молчат сосны. Старые и молодые. А вот и сосенки совсем маленькие. А вот...

— Папа, а почему дверь в земле?

Нашла. И не сразу догадалась, что эти ступени ведут в ту самую землянку.

Внутри просторно, сыро, темно. «Сейчас ставню выну». В окно ворвались свет и запахи леса. По левую и правую руку — нары. «Папа, а где же ты спал?» Федосей Елисеевич показал. Прошло почти 27 лет. На столике — шкатулки с надписями: «Земля с братской могилы села Вольного», «... села Всесвятского», «...села Ивано-Михайловки», «...села Песчанки», «...села Знаменовки»...

— Папа, а вы на подушках спали?

— Конечно, дочка, на подушках... из лапника!..

Зажгли керосиновую лампу... Землянку восстановили в прошлом году. Это Титова дело. Надо же, а то люди забывают. И детям полезно... На бревенчатой, тронутой белым пушком вредного грибка стене укреплен железный лист, напоминающий о том, что здесь в сентябре 1941 года проходила подпольная партийная конференция. Собрал тогда коммунистов секретарь райкома Архип Андреевич Свичеренко. Мы уже видели в Губинихе памятник ему...

— Лось, лось, лось!

Это кричит наверху Тоня. Выскочили: солнце, сосны, и совсем рядом лось. Красавец! Смотрит спокойно. Не пуган...

— Тут и козы дикие есть и кабаны...

Чудесная земля — Присамарье! От Днепропетровска рукой подать. Город Новомосковск знаменит своим металлургическим заводом, старинным красавцем собором, что без единого железного гвоздя поставили деды-запорожцы, и речкой Самарой. Ну, и, конечно, теми, кто

---

* См. «Огонек» № 25 «Раздумья Леонида Харченко».

живет в этих местах. Мы успели побывать в нескольких колхозах. Бросилось в глаза, что люди как-то иначе, чем еще совсем недавно, стали относиться к земле, к полям, друг к другу. Долгожданное чувство хозяина пробилось, дало добрые всходы. Уже, рассказывали, не просто сеют, абы сеять, абы райкому к сроку отрапортовать, а добывают семена лучших сортов у самых знаменитых селекционеров! Все поля опаханы — ни соринки на межах! И так не только у дороги, где начальство ездит, а во всем районе, во всех хозяйствах. Значит, не напоказ, а для себя, по собственному глубокому убеждению. Неопрятный вид земли, безликость поля еще в недавние времена (так же, как и заколоченные избы) говорили: махнул рукой мужик на землю... А тут, в Новомосковском-то районе, и все лесополосы ухожены, прорублены, просветлены. А вырубленная поросль и хлам сожжены. И миллионы гнездовий сельскохозяйственных вредителей вместе с ними сожжены. Ибо клоп-черепашка, жук-кузька замучили хлеборобов, отняли в предыдущие годы тысячи пудов хлеба.

Знаете, чем гордятся ныне в Новомосковском райкоме партии, какую цифру чаще всего приходилось нам слышать от секретарей райкома А. А. Щудро и Б. И. Соколенко? 11 000! Всюду здесь в начале весны были поразвешаны скворечники — 11 тысяч скворечников по району! Вдоль шоссе Москва — Симферополь, вдоль полей, в селах, на акациях у школ, но особенно в садах и лесополосах. Да здравствуют скворцы, не знающие забот о жилплощади! А это великое дело, когда птица после дальней дороги не тратит сил на драчку из-за жилья, а сразу же приступает к уничтожению вредных насекомых. Что и говорить, моральный фактор — он не только людей поднимает на крыло. «Одиннадцать тысяч»,— не уставали напоминать нам в Новомосковском райкоме, и радостно было, что здесь отныне не хвастают, как бывало, тем, сколько гектаров кукурузы «дожали» и за сколько дней отсеялись (нынче, как и всегда, весна была очень тревожной, и сроки сева яровых диктовали небо, мужицкий опыт и агротехника, а не райком).

Этому бы и удивляться не следовало: первый секретарь — агроном по образованию; кто как не он должен понимать, что эпоха «командиров» на пашне прошла. А секретарь по пропаганде Борис Иванович в свое время был прислан на село с завода, и он-то уж отлично помнит, что командование сверху стоило большого напряжения голосовых связок, а результативным никогда не было... И вот наконец это лето райкомовцы, все колхозники встретили иначе: чудесными участками размножения элитных семян лучших сортов советской селекции и ощутимой, заметной даже для постороннего глаза культурой земледелия. И скворечниками! «Логично!» — так любит кончать любую фразу секретарь райкома Борис Иванович.

А и вправду иначе не скажешь о таком повороте жизни — логично!

Как и когда рождается хлеб? Великое таинство. В колхозе имени Щорса хранится — и будет храниться вечно — юбилейное Памятное знамя Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС. За хлеб. Но это хоть и славный, но итог, это, обобщенно говоря, признание успехов усердия не только щорсовцев, хотя и в первую голову именно их, но и в какой-то мере награда всем колхозам района. Итог — да, в чем исток? Рождение хлеба — это не только утро, когда появились всходы, и не минута налива, и не святая минута сева, а нечто иное, более раннее. Пахота? Или пробуждение тракториста, спешащего в поле? Или еще раньше, когда детство тракто[illegible]чет от первых мозолей? Или в первой самостоятельной мысли того студента, которому еще предстоит когда-то стать селекционером? Или еще раньше, когда пришел солдат с фронта (с той, с германской еще!) и начал делить землю по едокам, как обещали большевики?

Как, когда хлеб рождается? Сегодняшний хлеб?

Председатель колхоза имени Щорса Иван Федорович Христюк — полный кавалер солдатских орденов Славы. Но для него война в прошлом — он перегружен заботами о сегодняшнем хлебе. Хозяин, он легко, как-то отрешенно улыбается самой последней «указивке» из района, требующей пересева нескольких сот гектаров плохих озимых да еще кукурузой. Их, этих плохих озимых, у него в колхозе нет. Так вот и нет. Они с агрономом еще осенью видели, что в сухую землю нечего загонять добрые семена, и тогда же решили они поступить иначе, применительно к сложившимся условиям. А в районе осталась, видно, какая-то цифра... Всем шлют совет: «Пересевать!» Ну, и колхозу имени Щорса под копирку прислали... Иван Федорович думает совсем о другом: затянулись заморозки, ячмень кое-где поник, трудно скот из зимы вышел, не весь еще жмых заводы отдали...

— Вот мы участники ВДНХ, вся наша артель. И что же? Получили диплом. Приятно, очень. Спасибо,— говорит негромко председатель,— но только какая же разница между хозяйством, имеющим диплом и такового не заслужившим? За диплом, за признание спасибо, но было бы разумно и материально поощрить наш колхоз! Как считаете? Диплом московский — на стенку в рамочке, а на склад колхозный — лес отгрузить, шифер, шлакоблоки для строительства. Вроде приложения или подтверждения заслуг. Тогда и сосед бы видел: обогнали мы его, нам за наше старание государство больше занарядило, чем ему, в чем-то старания не проявившему. Как думаете? Взять погорельца, ему помогают построиться. Взять градобитие — пострадавшему обязательная государственная помощь. Любое стихийное бедствие не остается без внимания. А мы вот надоили больше всех или намолотили больше всех — нам аплодисменты. Спасибо за них, но кроме, так сказать, индивидуальных премиальных механизаторам и дояркам, кроме повышенной оплаты за сверхплановую продукцию, надо бы нам отгрузить вне очереди самое дефицитное — строительные материалы! За наши деньги. Как считаете?

Иван Федорович даже и не нас спрашивал, просто человек вслух размышлял. В райкоме очень хвастали тем, что первой доярке, надоившей 3 тысячи килограммов молока в среднем от каждой коровы, дали возможность купить мотоцикл с коляской. Не денег ей дали, нет, деньги теперь у животноводов есть, а возможность купить вне очереди. По просьбе райкома. И вот тогда-то мужики в селах зашумели на своих жен: «Ты чуяла, як робит Ганна? Мотоцикл с коляской привела домой!..» А вот председатель Иван Федорович думает: а что если бы так же «весомо, грубо, зримо» поощрили всю передовую артель? То-то было бы шуму среди соседей!.. Да, когда-то так же вот трудно думали люди о несправедливо низких заготовительных ценах, а еще раньше о «палочках» вместо оплаты... Теперь же мечтают получать под продукцию новые машины, а главное, строительные материалы.

В Николаевке хата горит, а никто не спешит с водой. И председатель Николай Игнатович Самилык, молодой, улыбчивый человек, спокойно смотрит на огонь, вылизывающий рамы, солому на крыше... Палят старую хату. Расчищают место для новой. Уже на следующее утро мы не увидели и следа старого двора. Бульдозер выровнял место, начали класть фундамент нового дома, который уж и хатой никак не назовешь. Так родилась новая улица в Николаевке. Нелегко было уговорить на такое правленцам и председателю первую семью, и не всех еще они уговорили на той старой улице распрощаться со стареньким жильем, но начало есть! Улица родилась. А может быть, именно в этот момент и родился новый хлеб, хлеб будущего или более дальнего года. Потому, что вместе с нами видели рождение дома на новой улице и дети.

Школа в Николаевке старенькая. А в центре села, которое тянется на несколько километров, в котором даже по нынешним временам два колхоза, здесь, в Николаевке, строится новая десятилетка. Большое двухэтажное здание с огромными окнами, с залом и кабинетами... Стал над абрикосами и яблонями настоящий городской кран! И ребятишки любят смотреть, как он поднимает целый воз кирпичей, и они любят наблюдать семью галок, которая устроила гнездо на самом конце стрелы, там, где красный флажок, и как это гнездо то плывет вправо, то плывет влево, а галки-родители слетают на плетюшку гнезда на полном ходу, и тогда галчата пищат от радости, что их все время катает крановщик. Дети в Николаевке тоже радуются — и крану, и необыкновенной своей будущей (совсем как в городе!) школе, и тому, что старую хату запалили, и тому, что будет совсем новой их старая партизанская Николаевка. Наверное, так вот и рождается хлеб — вместе со всякой новизной на земле и в сердце.

Мы стояли посреди пшеничного квадрата, огражденного лесополосами. Раскустившаяся озимь ждала дождя. Председатель колхоза «Украина» Владимир Тарасенко рассказывал, что здесь собраны лучшие творения П. П. Лукьяненко, Ф. Г. Кириченко, В. Н. Ремесло. Этих сортов еще почти не знает наше сельское хозяйство. Пшеница «ранняя-12», «юбилейная-50», «степова»... Они, дающие по 50 и по 70 центнеров с гектара, придут завтра на все поля страны, а новомосковцы позаботились о себе чуть-чуть раньше других и вместе с такими же нетерпеливыми хозяевами, которые всегда найдутся и на Кубани и в других местах, из рук в руки от селекционеров получили новые семена, поспешили размножить их в производственных условиях. Ювелирное это дело! Но

Счастья тебе, Эржика!

Эржику я встретила с мамой у входа в грот с подземным озером. Есть такой в городе Тапольца. Мы приехали из Будапешта туда на экскурсию. Был большой для венгров день — праздник освобождения от фашизма.

Узнав, что мы русские, мадьярка показала нам фотографию и спросила, не знакомы ли нам эти наши соотечественники. К сожалению, ни я, ни мои спутники не встречали их. Ничего не говорили нам и фамилии, указанные на обороте снимка: М. Лобанов, М. Михеев и И. Кот.

Тогда мать Эржики рассказала мне следующее. Девочке было около года, когда она тяжело заболела. Двустороннее воспаление легких. Ее могли спасти лишь в больнице.

Больница была километрах в сорока от села Копольчи, где они жили. Стояла зима. В тот день разыгралась буря. Наметало сугробы выше человеческого роста. Транспорт не работал. Санитарная машина, высланная из Веспрема, вынуждена была вернуться: не пробилась сквозь снежную мглу.

Как помочь ребенку?

В доме Кербелов собрались соседи.

— М-да, буран небывалый! — произнес кто-то с отчаянием.— В такую пору пробьется лишь танк...

— А может быть, и правда?..

Отец Эржики, Реже, вспомнил: накануне за селом остановились машины с красными звездами. На ходу набрасывая тулуп, он выбежал из дому.

Наши воины охотно откликнулись на просьбу друзей.

Через две-три минуты танкисты вышли на спасение девочки. Крепко держал в руках рычаги механик-водитель рядовой Кот.

— Трасса трудная,— тревожно произнес офицер Лобанов, который вместе с капитаном Михеевым был в машине.

— Все будет в порядке,— ответил рядовой Кот.

Наконец добрались до дома Кербелов. Намного труднее было пробираться к больнице. Каждое сотрясение могло погубить девочку.

И вот больница. Там удивлены до крайности: как это удалось пробиться сквозь такую вьюгу? Ведь и «санитарка» и вертолет не смогли. Доктор Иштване Хеди немедленно обследовал больную.

— Состояние тяжелое,— проговорил он,— но не безнадежное. Если бы чуть позже...

— Значит, Эржика будет жить? — вскрикнул отец и стал обнимать русских солдат.

Так началась дружба между семьей Реже Кербела и советскими воинами. Они внимательно следили за выздоровлением девочки. А когда Эржику выписали из больницы, пошли навестить ее.

Приезд советских воинов в село был большим праздником для всех жителей. Гостям жали руки, крепко, от души обнимали. Особенно взволнованы были Реже и Эржебет Кербел.

Эржике сейчас седьмой год. Она бережет подарки, привезенные ей русскими солдатами.

Спасители Эржики Лобанов, Михеев, Кот, завершив службу за рубежом, возвратились на Родину. Связь с ними у Кербелов прервалась. И теперь Эржика вместе с мамой просят советских туристов передать слова благодарности этим людям. Я охотно согласилась сделать это.

Н. ПОЛОВКО

На снимке: Вот какая стала теперь Эржика!

Фото автора.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Однажды утром в середине марта 1918 года — я был тогда красноармейцем 4-го латышского полка, расположившегося в кремлевской казарме,— к великой моей досаде, командир взвода назначил меня в караул. С полудня до позднего вечера стоять на карауле у Троицких ворот! А в шесть часов меня будет ждать Машенька в фойе кинотеатра «Арс»...

Пришлось все-таки заступить на пост.

В то время, как я ломал голову, каким образом смогу встретиться с Машенькой, у будки остановилась легковая машина. Из нее вышли двое мужчин в штатском. Один подошел к будке, я узнал его по фотографиям, которые видел раньше: это был Владимир Ильич Ленин. Он спросил у сидящего в будке служащего, как идут дела, много ли желающих попасть в Кремль и т. д. Потом подошел ко мне, протянул руку к винтовке.

— Скажите, товарищ, приходилось вам тут винтовкой пользоваться? — с лукавой улыбкой спросил он.

— Нет. Пока моя винтовка здесь не была нужна...

— Пусть так будет и дальше! Но уж если дела так повернутся, что нужна будет ваша винтовка, покрепче ее держите! — Он дружески улыбнулся, пожелал мне доброго здоровья.

И еще об одном случае тех лет я хотел бы рассказать Это было летом 1918 года на фронте в районе Средней Волги. В наспех сколоченной канцелярии части толпились солдаты, возвратившиеся из боев.

Внезапно среди них появился человек в потрепанной, грязной одежде. Сильно хромая, он протолкался поближе, и мы увидели, что правая нога у него деревянная.

Перекрывая шум, он спросил:

— Где тут командир?

Арсен Арсенович (это был псевдоним нашего командира, настоящего его имени я и сейчас не знаю) поднял взгляд от лежащих перед ним бумаг.

— Ну, чего тебе?

— Я спрашиваю, кто тут командир? Может, ты?

— Я, чего тебе?

— Хочу воевать.

— Да ты спятил! Воевать на деревянной ноге! Иди-ка подобру домой, руки у тебя целы, работай, сейчас очень нужны рабочие руки,— ответил командир.

— Послушай, командир! Я был хорошим пулеметчиком на войне и в революцию. И тут хорошим бойцом буду. Определи меня куда-нибудь. Надо выбить белых, снова господа нам на шею сядут!

— Я уж сказал, что ты спятил. Пулеметчик с деревянной ногой! Где это слыхано! Иди домой!

Теперь уже все присутствующие прислушивались к разговору. Одноногий солдат явно вызывал симпатию.

— Эх, какой же ты командир, коли не знаешь, что с пулеметом не ногами, а руками управляться надо! Определи меня хоть куда...

Пулеметчиком он все-таки стал. Да еще каким! На него можно было положиться в самых трудных военных положениях. Командиры не переставали его хвалить. Но Тимофей — так звали одноногого солдата — принимал это холодно. Стрелял он обычно короткими очередями. После трех-четырех очередей делал долгую паузу, которая часто вводила врагов в заблуждение, заставляла открываться, а тогда он снова стрелял.

Я его видел редко. Однажды в день затишья я слонялся по участку нашей роты и заметил Тимофея. Он сидел и чистил пулемет. Потом погладил ствол и ласково сказал:

— Эх, голубок, хорошее ты орудие!.. Поусердствуй за Советскую власть!

С тех пор прошло много лет. Тимофея, наверное, уже нет в живых, он был старше меня на несколько лет. Но во мне живут слова Ленина, и дела тысяч таких Тимофеев всегда служат для меня примером.

Енё НАДЬ,
ветеран рабочего движения,
председатель Венгеро-Советского общества
VI района Будапешта
Будапешт.

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

БРАТСКАЯ ДРУЖБА

TESTVÉRI BARÁTSÁG

поле Владимира Степановича как на картинке. К нему обещали приехать академики ВАСХНИЛ Ф. Г. Кириченко и В. Н. Ремесло. «Молодец!»— говорит секретарь райкома о молодом председателе «Украины», а ведь сам же еще недавно не очень верил, что из начинающего зоотехника Тарасенко выйдет добрый голова. Но люди избрали Владимира Степановича, и он неторопко, но твердо ведет пока не самое лучшее в районе артельное хозяйство. И вот уже первый секретарь, как-то возвратившись из колхоза в райком, сказал: «А из Тарасенко, кажется, получится хозяин!» Получился. Да он им и был, наверное. Ведь никто не может сказать: как именно и когда рождается хлеб? А человек? Рождение человека, хозяина земли — таинство еще более великое!

Ох, до чего же вкусны обеды на полевом стане! А молоко какое! Звеньевой механизированного звена Иван Малиенко налил нам сначала по кружке, потом по другой... И третью Иван предложил, да разве осилишь?.. Иван с тревогой поглядывал в степь. Ветер на глазах сушил землю. Кончали сеять кукурузу — ждать дольше нельзя. Где-то ворчал гром, словно трактор, который никак не заводился. Теперь вся надежда на гром...

Иван рассказывал о буряке — о сахарной свекле. Любит он ее, потому и рассказывал, как поэт! Это он только коммунист молодой, а механизатор старый: давно сел на трактор да и в детстве все вокруг машины крутился. Сейчас их в звене трое на машинах и десять женщин для тонкой работы по уходу за всходами.

— Четвертый год так работаем. Первый год дуже богато было работы, а с оплатой было неважно. Техники у нас богато, есть технологична карта, а урожай вот какой: сначала двести девяносто центнеров, а потом и четыреста пятьдесят, и четыреста шестнадцать центнеров с гектара копали.

— Так это же чудо, Иван!

— Стараемся. Если женщины не успеют прорвать, мы и тут на машинах, сами такие ножи поделали — и в борозду! Риск, конечно... Буряк — это такая культура, что нельзя его одной машиной взять, а вот пишут, что мы только втроем его выращиваем. Неверно это. Нам дуже женщины помогают. О них напишите обязательно. Конечно, мы и пашем, и навоз возим и аммиачную воду, и сеем, и бороним, и подкармливаем, и корень копаем — все на машинах! Но взять прорывку, на нее дается три-четыре дня, а у нас почти сто гектаров. И тут без женщин никак не обойтись, человек пятьдесят приходят. Рано еще от их рук отказываться, да и то сказать — заработать им тоже требуется, людям нужны и деньги и сахар. Затраты? Да они меньше, чем думают те, кто пишет. Дополнительный урожай, какой нам женщины делают, все лишние затраты покрывает. Они же каждое растение пальцами переберут! А уборка? Мы копаем на комбайне, и дуже сорно получается, а ведь по четыре гектара в день копаешь! И тут женщины снова все выходят нам на помощь: их дело — доочистка плантации, до последнего корня. А это сколько дает, ведь завод приплачивает за качество! И еще насчет оплаты. Почему нам за стаж не платят в нашем колхозе? В соседнем селе, например, в Перещепине, механизаторы и доярки уже второй год за стаж получают. Есть у них интерес в колхозе дольше работать. А у нас все в куче — и те, что без году неделя в колхозе, и те, что ветеранами называются. И профсоюз молчит, а у полеводов так его вовсе нет...

Он смотрит в степь, там волнами ходит раскустившаяся озимь. Он, наверное, и не думает, какие они молодцы, что берут более 400 центнеров свеклы с гектара, что такое редко встречается даже на благословенных землях Присамарья и Заднепровья, нет, он думает о другом — о новом хлебе, о правах тех, кто поднимает новый хлеб, о своих правах хозяина земли. И о своих обязанностях коммуниста перед землей, перед тем, кто вместе с ним работает из года в год в этой степи. Вот такой он, Иван Малиенко.

Рождение хлеба — самое святое дело на земле! Хорошо приобщиться к нему.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ДРУЖБЫ

В Советский Союз с неофициальным визитом прибыл Президент Финляндской Республики Урхо К. Кекконен. Президент У. К. Кекконен вылетел в поездку по стране. Поездки финских руководителей, как и визиты советских государственных деятелей в Финляндию,— наглядное свидетельство тех прочных дружеских отношений, которые уже много лет связывают наши страны и народы.

На снимке: в Кремле состоялась беседа Л. И. Брежнева, Н. В. Подгорного, А. Н. Косыгина с Президентом Финляндской Республики Урхо Калева Кекконеном.

Фото ТАСС.

ВПЕРВЫЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 17 июня в Москву с официальным визитом прибыл Президент и Председатель Совета Министров Республики Чад Франсуа Томбалбай. Президент Ф. Томбалбай приезжает в нашу страну впервые.

Хотя дипломатические отношения между Советским Союзом и Республикой Чад установлены сравнительно недавно — в 1965 году, советско-чадские отношения успешно развиваются. СССР оказывает помощь Республике Чад в деле подготовки национальных кадров. Визит Франсуа Томбалбая в Советский Союз явится новым шагом в развитии дружеских связей между нашими двумя странами.

На снимке: во Внуковском аэропорту высокого гостя встречает Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

Фото А. Канашевича.

Генерал Абрамс ищет выход

Александр СЕРБИН

КАНКАН НА ПАНИХИДЕ

Осенью прошлого года в Ханое я слышал передачу сайгонского радио. Из радиоприемника неслась бравурная музыка. Шел репортаж о военном параде в главном городе Южного Вьетнама. В числе тех, кто принимал парад, был и командующий американской агрессией в Юго-Восточной Азии генерал Уильям Уэстморленд. Диктор выкрикивал в микрофон слова о мощи южновьетнамской армии и доблести американских войск. Голос его звучал уверенно и торжественно.

Наверное, таким же голосом в ноябре 1967 года генерал Уэстморленд предсказывал победу Соединенным Штатам во Вьетнаме в недалеком будущем. Он барабанными словами говорил тогда: «...Мы подошли к такому важному моменту, когда уже проглядывает конец».

«Бум! Бум! Бум!» — гремел сайгонский военный оркестр.

«Бум! Бум! Бум!» — вторил ему американский генерал...

Уэстморленда больше нет во Вьетнаме. В бурном потоке мировых событий его уход с поста командующего прошел как-то незамеченно. Но Уэсти не упустил возможности пробарабанить очередную порцию воинственных заявлений и розовых прогнозов.

На последней пресс-конференции в Сайгоне он заявил, что сейчас военные позиции США в Южном Вьетнаме «самые прочные со времени начала войны». В прощальном послании войскам генерал, не заикнувшись, объявил, что «наша сторона становится все сильнее, в то время как противник становится все слабее».

Бедный Уэсти! Он так и остался верен своей слабости — хвастать. От этой привычки его не смогли отучить даже бесчисленные синяки, полученные в Сайгоне и Гуэ, под Кхесанью и Плейку и в десятках других мест, где американским агрессорам пришлось на себе испытать доблесть и военную мощь южновьетнамских патриотов.

Настолько неуместными — как канкан на панихиде — были последние заявления Уэстморленда, что даже «Нью-Йорк таймс»,— конечно, очень тактично — решила поставить генерала на место. Газета писала: «Во время своего четырехлетнего пребывания на посту командующего вооруженными

силами во Вьетнаме генерал Уэстморленд неоднократно давал оптимистические оценки, не оправдываемые ходом событий».

Неоправданный оптимизм или хвастовство — в конце концов небольшая разница.

ГЕНЕРАЛ, ИГРАЮЩИЙ В ПОКЕР

Уэстморленда сменил на посту командующего его заместитель генерал Крейтон Абрамс.

Профессиональный военный, Абрамс получил образование в известной военной академии в Уэст Пойнте, где он прославился главным образом на футбольном поле и в манеже. По успеваемости будущий преемник Уэстморленда занимал в своем выпуске скромное 185-е место, что, впрочем, не помешало ему в дальнейшем делать карьеру в оккупационных войсках в Германии, на полях Кореи, в стенах Пентагона. Эту часть биографии Абрамса американская печать описывает подробно. Более скупо говорят о том периоде его жизни, когда он в 1962—1963 годах во главе федеральных войск усмирял расовые волнения в Миссисипи и Бирмингеме. Но так или иначе, «инстинктивное мастерство и необычное усердие» (так охарактеризовал журнал «Тайм» основные черты Абрамса) были замечены, и в течение года он находился на посту заместителя Уэстморленда. В этом качестве он полностью делит со своим шефом лавры бесславных авантюр и горечь поражений.

Военная ситуация, оставленная Абрамсу его предшественником, не вызывает оптимизма даже у убежденных сторонников продолжения войны. Само вступление нового командующего в должность происходило под аккомпанемент ракетного обстрела Сайгона, предпринятого патриотами.

Потери США в грязной войне растут. Число американцев, убитых и раненных в боях за первые 23 недели этого года, вдвое больше, чем средняя недельная цифра убитых за прошлый год. Еще в марте этого года вооруженные силы США теряли за неделю во Вьетнаме больше убитыми, чем за такой же период во время войны в Корее. Американские корреспонденты предсказывают, что при таком темпе общие потери США на вьетнамской земле превысят к концу года американские потери за все время корейской авантюры.

«Инициатива во многих районах страны по-прежнему принадлежит противнику»,— уныло заметила «Нью-Йорк таймс».

Что же будет делать в этих условиях Крейтон Абрамс? По сообщениям американской печати, он великолепно играет в покер. Его назвали «агрессивным» игроком. Как известно, никакого особого искусства для этой азартной игры не требуется: надо лишь обладать толстым карманом и вовремя повышать ставки. Возобладает ли психология картежника на новом этапе грязной войны Соединенных Штатов во Вьетнаме над здравым смыслом? Во всяком случае, известна карта, на которую Абрамс собирается сделать свою ставку.

ЛОШАДЬ, ЦЕНОЙ В ПЯТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ

Эта карта — южновьетнамская армия.

На заре агрессии в Юго-Восточной Азии США предполагали довольно легко укрепиться в этом районе с помощью наемников. Считалось, во-первых, что незачем лить кровь американцев, когда это могут сделать за доллары их марионетки, а во-вторых, прямое участие американских войск в войне принесет Соединенным Штатам политическое поражение, разоблачив их как колониальную державу.

Угроза полного краха своей политики во Вьетнаме заставила руководителей Соединенных Штатов забыть эти деликатные обстоятельства.

Сейчас на вьетнамской земле воюют 533 тысячи американских солдат и офицеров. Они взяли на себя ведение всех военных операций. 700-тысячная марионеточная южновьетнамская армия считается ненадежным союзником в борьбе за американские цели. Но и кадровая армия США оказалась неспособной одержать военную победу.

И теперь стратеги американской агрессии решили вернуться к старой идее: воевать чужими руками. Когда генерала Абрамса назначили заместителем Уэстморленда, ему вменили в обязанность заняться боевой подготовкой южновьетнамской армии.

Один американский генерал (имя его журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» не называет), говоря о том, почему в 1965 году США приняли решение вмешаться своей армией и перестали форсировать подготовку марионеток, не церемонясь, сказал: «Мы не собирались надевать стодолларовое седло на пятидесятидолларовую лошадь». «Лошадь» с тех пор не улучшила своей породы. Коррупция, разъедавшая все институты южновьетнамского режима, включая армию, не перестала существовать. Армия по-прежнему ненадежна, и после побед патриотических сил, как сообщает «Нью-Йорк таймс», дезертирство из нее «резко увеличилось».

И это после целого года усилий Абрамса! Игрок в покер выбрал неудачную карту.

По южновьетнамскому радио давно не передают веселой музыки.

Американские агрессоры нашли широкое применение вертолетам в своей грязной войне против Вьетнама. Они используют вертолеты как средство транспорта, как летающие полицейские машины, как ракетоносцы. Но все чаще агрессорам приходится превращать их в летающие катафалки.

ТРЕХЦВЕТНАЯ ПАУТИНА

Артем ПАНФИЛОВ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА.

В одном из районов Мюнхена, на улице Энглишер-гартен, спрятавшись за аккуратно подстриженными деревьями, словно за спинами подтянутых солдат, стоит невысокое бледно-молочное здание, означенное номером 1. Над входом в здание свисает полосато-звездный американский флаг. По обеим сторонам входа укреплены скромные таблички с названием учреждения, в нем помещающегося. Одна табличка — на немецком языке, другая — на английском. Название учреждения состоит всего из трех слов: «Радио «Свободная Европа». Каждому, кто входит в это здание, с первых шагов становится ясно, что хозяева тут — американцы.

Но из-за простого любопытства сюда доводилось входить немногим. Немногие честно рассказывали о том, что там происходит. Впрочем, об этом учреждении написано несколько книг самими американцами. Однако правды в них читатель не найдет. О деятельности этого учреждения в мире широко известно. Меньше известно о подоплеке этой деятельности. Но, как известно, шила в мешке не утаишь. В мае 1966 года, например, чехословацкие граждане Мирослава Смоликова и Игорь Горский устроили в Праге пресс-конференцию, на которой рассказали журналистам о том, что в действительности происходит на Энглишер-гартен, 1. Об этом же рассказывал в серии репортажей, помещенных на страницах белградской газеты «Вечерне новости» весной этого года, югославский журналист Ненад Пётрович, который около полугода являлся сотрудником РСЕ — американского пропагандистско-диверсионного центра в Мюнхене.

Возможно, что организаторам американской пропаганды может не понравиться определение радиостанции «Свободная Европа» как шпионско-пропагандистского центра и они снова повторят заявление, что «РСЕ — организация частная, не имеющая ничего общего ни с США, ни с американским правительством».

Так ли это? Что ж, давайте попробуем разобраться...

ТЕОРИЯ ОБМАНА

В мире после войны, по мнению заправил Соединенных Штатов, стало твориться что-то невообразимое: социализм не только доказал свою жизнеспособность, но и бросил капитализму решительный вызов! Бряцание оружием, к чему любили прибегать творцы американской внешней политики, не помогало. Тогда они делают вывод, отчетливо сформулированный сенатором Фэсселом:

«Чтобы ответить на брошенный нам вызов, слова и идеи имеют такое же важное значение, как хлеб и пушки. Исход борьбы, происходящей сейчас в мире, будет в конечном счете решен победой над умами людей».

Однако речь шла вовсе не об открытой битве идей, а об идеологической диверсии, о том, как ловчее и незаметнее внедрить в сознание других народов идеи, выгодные заправилам империалистической Америки.

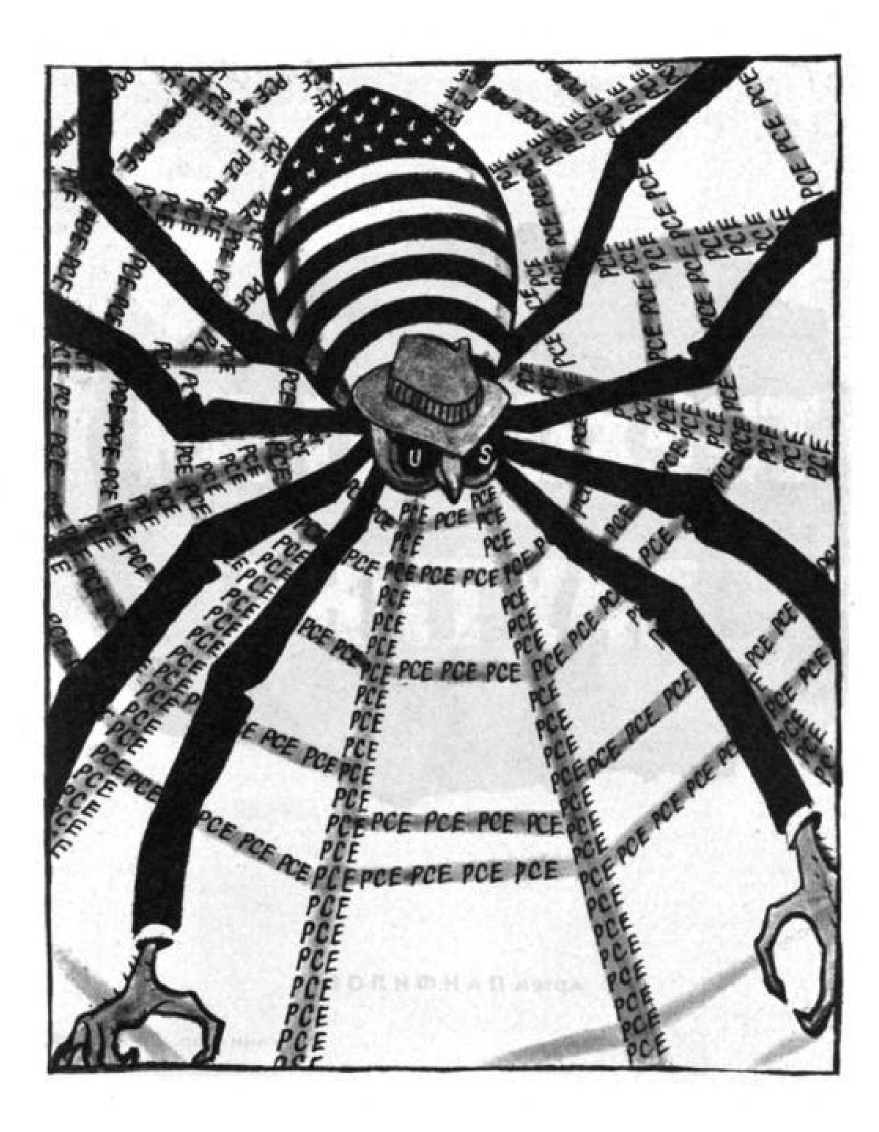
Одним из теоретиков этого нечистого дела стал некий профессор Поль Лайнбарджер, специалист по подрывной пропаганде еще со времен второй мировой войны, использовавший свой опыт во время американской агрессии в Корее и ставший консультантом Министерства обороны США по вопросам психологической войны. Он заявлял:

«В настоящее время самым массовым средством пропагандистского воздействия является радио. Радио удобно. Его можно слушать нелегально... В расчете на душу населения радио, несомненно, наиболее дешевое средство распространения информации среди миллионов людей».

Лайнбарджер предложил систему так называемой «трехцветной пропаганды». Обобщив опыт ведения подрывной пропаганды от Чингисхана до Геббельса включительно, не отказываясь от заимствования у своих многочисленных коллег, Лайнбарджер следующим образом излагает ее принципы, а вернее, ее беспринципность.

Пропаганда, заявляет он, — это «планомерное использование любой формы воздействия (заметьте: «любой!») с определенной целью на ум, чувства и поведение данной группы людей». Давая такое определение пропаганде, Лайнбарджер солидаризировался с Геббельсом, который утверждал, что «пропаганда сама по себе не имеет фундаментального метода. У нее есть только цель: завоевать массы. Любые средства,— говорил Геббельс,— которые служат этой цели, хороши». Заметьте: опять «любые»! Какое трогательное единодушие!

Лайнбарджер в своем труде под заглавием «Психологическая вой-

на» подробно излагает, какие трюки следует применять для ведения подобного рода работы.

В официальных сообщениях правительственных, военных или общественных органов, пишет он, выгодные сведения должны излагаться подробно, а невыгодные — бегло. Комментаторы должны делать вид, что их точка зрения отличается от официальной правительственной точки зрения. Если официальное радио передает фальсифицированные программы, то в этом случае нужно ссылаться на вымышленные источники противника. Передавать материалы, выдуманные от начала до конца, по мнению Лайнбарджера, конечно, тоже можно. Ведь главное, что «слушатели не всегда», а главное, «не сразу» могут разобраться в этом.

Но всем ли можно позволять себе такую роскошь — лгать без стеснения и без оглядки? Оказывается, нет. Тут должно быть четкое разграничение обязанностей, в соответствии с которыми пропаганда разделяется на «белую», «серую» и «черную».

Официальным органам — правительству, например,— нужно проявлять в этом щекотливом деле изобретательность и известную осторожность. Больше раздумывать над приемами и методами введения людей в заблуждение. Это и есть «белая» пропаганда.

Другое дело, скажем, какая-либо «частная» пропагандистская организация, на деле поддерживаемая правительством. Здесь уже можно ссылаться на пресловутую «свободу слова в свободном мире» и — в случае, когда ложь будет разоблачена,— правительство может всегда заявить, что оно-де никакой ответственности за «частные» высказывания не несет. Это и есть «серая» пропаганда.

И, наконец, «черная» пропаганда. Здесь уже источник не только не указывается, но и тщательно скрывается. Или в крайнем случае является абсолютно вымышленным. Здесь позволительно прибегать к любым методам воздействия на аудиторию, даже к таким, как убийства. Такого рода пропаганду американские теоретики окрестили еще как «пропаганду плаща и кинжала». Такова теория «трехцветной пропаганды» — теория обмана масс.

Один из прогрессивных американских философов, Чарлз Сили, так говорил об американской внешнеполитической пропаганде:

«Для эффективного распространения дискредитированных и устаревших идей, на которые опирается капитализм... необходима исключительно искусная техника пропаганды, рассчитанная на возбуждение сильных эмоций, чтобы таким путем ввести в заблуждение и запутать невежественных людей... Без этой техники капитализм вскоре был бы побежден».

ОТ СЛОВ К ДЕЛУ

17 февраля 1947 года правительственная, или, другими словами, «белая», радиостанция США «Голос Америки», существовавшая уже пять лет, начала передачи на русском языке из своего мюнхенского филиала. В течение предыдущих пяти лет «Голос Америки» бросил в эфир немало слов и обещаний: «говорить только правду», содействовать созданию «атмосферы доверия» между народами, «откровенно показывать лицо Америки за рубежом».

Многие из американских политиков морщились от этих красивых слов. В частности, сенатор Карл Мундт. И когда корреспонденты спросили его, что ожидает «Голос Америки» от своих русских слушателей, он без обиняков ляпнул:

«Мы считаем, что они должны... саботировать производство в области обороны, задерживать выполнение программы пятилетнего плана, призванного увеличить выпуск продукции в области сельского хозяйства и промышленности. Мы ожидаем, что время от времени они будут ускользать из России... и затем приезжать в США с тем, чтобы мы могли узнать от осведомленных русских, какие сооружения оборонного значения они строят за Уралом и в оборонных центрах России».

Официальные руководители «Голоса Америки» были шокированы такой откровенностью. Все дело могло пойти насмарку! Высказывание Мундта не получило широкой огласки. Лишь на запылившихся от времени страницах приложения к официальному бюллетеню американского конгресса — «Конгрешнл рекорд» можно найти сейчас это высказывание.

Откровенность была действительно излишней, потому что в это время в США полным ходом велась работа над созданием таких органов пропаганды, которые могли бы с меньшим моральным ущербом для авторитета Соединенных Штатов вести подрывную пропаганду на зарубежные страны, особенно на страны социализма. Речь шла о создании филиалов правительственного радио с тем, чтобы у каждого из них был, так сказать, свой профиль и свой участок в психологической войне.

Чтобы придать видимость законности созданию такого рода органов «серой» и «черной» пропаганды, в январе 1948 года конгресс Соединенных Штатов принимает так называемый закон Смита — Мундта. Того самого Мундта, который столь неосторожно выразился о задачах передач «Голоса Америки» на русском языке. Существо закона сводилось к тому, что он гарантировал частным предпринимателям соблюдение их финансовых интересов, если они пожелают принять участие в ведении пропаганды на зарубежную аудиторию. Само собой разумеется, что эта пропаганда должна была носить определенный характер: можно было лгать и клеветать, но все это должно быть скрыто за вывеской «частной организации».

Закон был одобрен.

На рубеже 1948—1949 годов в Вашингтоне по инициативе правительства США были проведены секретные совещания высокопоставленных чиновников, представителей Центрального разведывательного управления и крупных бизнесменов. Обсуждается вопрос, как привести в действие органы «серой» и «черной» пропаганды. О дискуссиях на этих совещаниях не известно общественности ничего или почти ничего — известен лишь результат: 11 мая 1949 года в Нью-Йорке была зарегистрирована новая «частная» организация под названием «Национальный комитет Свободной Европы». Некоторое время спустя, в июле 1950 года, в эфире над пятью европейскими социалистическими странами раздаются позывные новорожденной радиостанции под претенциозным названием «Свободная Европа», и дикторы на польском, чешском, словацком, венгерском, румынском и болгарском языках с явным американским акцентом произносят одну и ту же лживую фразу: «Передаем известия — хорошие или плохие,— но всегда правдивые».

Не прошло и года, как в США появилась новая «частная» организация — «Координационный центр борьбы против большевизма». Его задачей было вести подрывную пропаганду на население Советского Союза. 1 марта 1953 года «Координационный центр» начал передачи на Советский Союз по радиостанции «Освобождение».

Задачи перед этими станциями ставили весьма видные политические деятели Соединенных Штатов.

Так, еще в 1950 году одним из инициаторов сбора средств в пользу РСЕ явился не кто иной, как генерал Эйзенхауэр. Правда, в то время он не был еще президентом Соединенных Штатов, но его авторитет как бывшего командующего войсками союзников в войне с фашистской Германией был достаточно высок, чтобы к его голосу прислушивались. А он заявил относительно РСЕ: «Нам необходимы мощные радиостанции за рубежом, функционирующие без правительственных организаций». Другой участник этой кампании — генерал Л. Клей — заявил еще более определенно: «Нам нужен другой голос — голос, возможно, в меньшей степени регулируемый статусом государства и, если хотите, жестокий, разящий насмерть голос». Несколько позже Л. Клей сформулирует еще более определенно задачи таких радиостанций, как «Свободная Европа» и «Освобождение»,— «вести безжалостную, ничем не сдерживаемую психологическую войну», имеющую «ясно признаваемую цель: свержение коммунистического режима».

«РАДИОВОЙНА»

Первый урок в осуществлении практической связи радиопропаганды на другие страны с прямой диверсионной работой преподала РИАС — радиостанция в американском секторе Берлина. РИАС является официальным филиалом «белого» «Голоса Америки».

В июне 1953 года американские реакционные круги организовали провокацию в Восточном Берлине, целью которой в конечном итоге являлось свержение народно-демократического правительства ГДР. Подготовка провокации велась длительное время, и в плане, который был разработан, важное место отводилось РИАС.

Еще задолго до событий 17 июня 1953 года американская газета «Чикаго дейли ньюс» давала РИАС следующие инструкции: «Мы должны всеми средствами создать в советской оккупационной зоне армию мятежников. Их штаб, естественно, должен находиться в Западном Берлине. Вербовка, а также передача приказов до определенного часа являются главной задачей РИАС».

В так называемый «день икс», то есть 17 июня 1953 года, РИАС приняла непосредственное участие в организации контрреволюционного мятежа.

Провокаторы, нанятые РИАС, увлекли за собой группу людей из центра демократического Берлина к американской зоне. Там к ним присоединились фашистские банды, заранее подготовленные организаторами провокации. Американские военные машины, оснащенные радиоустановками, руководили действиями этих групп, направляя их в демократический сектор с заданием осадить правительственные здания. Американские самолеты сбрасывали листовки, в которых содержались призывы к продолжению путча. Все передатчики РИАС работали непрерывно, подстрекая население ГДР к выступлениям против законного правительства. Они передавали ложную информацию о том, что «восставшие жители Берлина уже овладели городом».

Как известно, империалистическая провокация в Берлине полностью провалилась. Некоторое время спустя в ГДР состоялся ряд процессов против уголовных элементов, принимавших участие в беспорядках. Оказалось, что многие из них были прямыми агентами РИАС. Стало ясно, что американская радиостанция, называвшая себя «свободным голосом свободного мира», занимается не только идеологической обработкой своих слушателей в «радиовойне», но и выступает организатором прямых провокаций с оружием в руках против другого суверенного государства, выступает как организатор шпионажа и диверсий.

Впрочем, возмущение мировой общественности деятельностью РИАС не помешало американской диверсионно-пропагандистской машине принять самое активное участие в другой крупной операции «радиовойны» — на этот раз против Венгрии и силами другого, «серого» филиала — радиостанции «Свободная Европа».

О роли, которую сыграла «Свободная Европа» в организации контрреволюционного мятежа в Венгрии в октябре 1956 года, широко известно. Мюнхенская газета «Абендцейтунг», отнюдь не отличающаяся симпатиями к социалистическим странам, писала:

«После трагических событий в Венгрии в редакцию нашей газеты непрерывно звонят по телефону, присылают заявления, письма, телеграммы, в которых содержатся самые резкие высказывания против деятельности радиостанции в

Иван ИСАЕВ

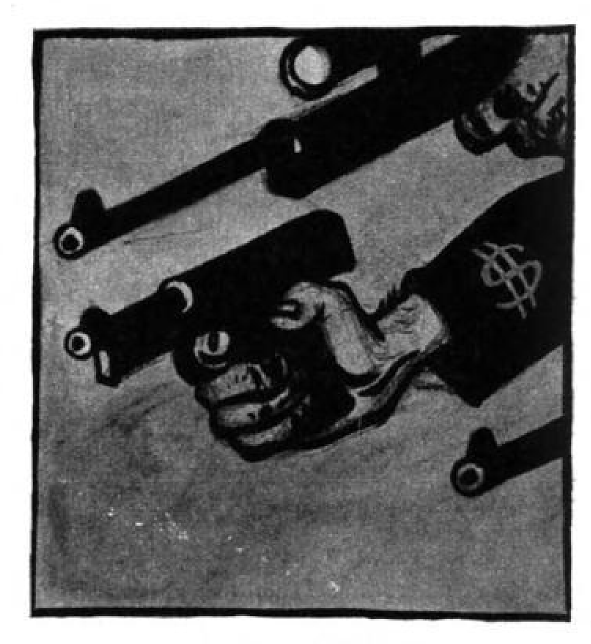
В ТУПИКЕ

«Белая» пропаганда.

«Серая» пропаганда.

«Черная» пропаганда.

Мюнхене... Радио «Свободная Европа» годами разжигало мятеж в Венгрии и в последние недели призывало мятежников держаться стойко. Радио «Свободная Европа»... несет ответственность за кровопролитие в Венгрии. Радио «Свободная Европа» финансируется Америкой, получает указания от американского госдепартамента, которому подчиняются американские сотрудники радиостанции... Если «Свободная Европа» и имела право на существование, то она лишилась его. Федеральное правительство,— указывала газета, имея в виду правительство ФРГ,— должно немедленно информировать Вашингтон о том волнении и возмущении, которые передачи «Свободной Европы» во время кризиса вызвали не только в Германии, но и во всей Европе».

СМЕНА МАСКИ

В феврале прошлого года «Голос Америки» шумно отпраздновал свой двадцатипятилетний юбилей. При оказии президент Джонсон наговорил юбилярам массу комплиментов, а они, в свою очередь, дали обещание, что «к 1970 году на земле не останется уголка», куда бы ни проникал «Голос Америки». Действительно, сто с лишним радиопередатчиков этого органа «белой» американской радиопропаганды разбросаны по всему земному шару. Они стоят и в Гонолулу и в Англии, на Цейлоне и в Греции, в странах африканского континента и в Южном Вьетнаме.

Голос «серой» РСЕ тоже в известном смысле окреп: по официальным данным, общая мощность ее радиопередатчиков лишь с 1950 по 1964 год увеличилась в 166 раз. РСЕ стала несравненно богаче, чем в первые годы своего существования. В начале 1967 года в США опять проходила кампания по сбору средств в пользу РСЕ. При оказии выяснилось, что лишь одна сталелитейная компания «Юнайтед Стейтс стил» отваливает РСЕ по полтора миллиона долларов в год, что весьма активны в этом отношении 70 других промышленных и финансовых корпораций и что, наконец, три четвертых всех расходов РСЕ покрывает Центральное разведывательное управление.

Что касается «Свободы» (такое наименование приняла теперь бывшая радиостанция «Освобождение») и новоявленной «Свободной России», то сведения об этих органах «черной» радиопропаганды весьма скудны. Их финансирование, степень связи с официальными правительственными органами США, организационная структура содержатся в секрете. Лишь время от времени проскальзывают такие сообщения, как в газете «Нью-Йорк таймс» от 27 мая 1966 года:

«В Мюнхене Центральное разведывательное управление оказывает поддержку... таким важнейшим пропагандистским центрам, как радио «Свобода», передачи которого направлены на Советский Союз».

Организаторы американской радиопропаганды на другие страны в последние годы были вынуждены пойти на изменение методов, когда убедились, что прямая лобовая атака на коммунизм и социализм не ведет к успеху. Во внешней политике США по отношению к социалистическим странам на смену доктрине «освобождения» пришла доктрина «наведения мостов». А это повлекло за собой и, как выражается американская печать, «скрытую революцию» в деятельности «Голоса Америки».

В чем суть этой «скрытой революции», весьма доходчиво разъяснил журнал «Нью Рипаблик» в номере от 6 ноября 1965 года. В статье, озаглавленной «Разговаривать с русскими новым языком», в частности, говорилось:

«По каналам «Голоса Америки» уже не раздаются жесткие выражения времен холодной войны. Девизом этой радиостанции стало: «мягко, но неуклонно». От ругани отказались».

Короче говоря, суть «скрытой революции» заключается в новой пропагандистской тактике — на смену лобовой атаке пришел изощренный метод идеологической диверсии.

Суть новых приемов идеологической диверсии в эфире заключается прежде всего в том, чтобы завоевать доверие слушателя. Но даже в интерпретации новостей,— а уж, казалось бы, факт есть факт,— в передачах «Голоса Америки» самое главное заключается лишь в сохранении видимости объективности. Тот же «Нью Рипаблик» писал:

«В интерпретации новостей радиостанцией «Голос Америки» появилась новая нотка. Чувствуется определенное старание выделить то, что редакторы называют «ролью разногласий в американской жизни». Обдуманный упор на вопросы расовой борьбы, трудовых конфликтов, бедности и борьбы с нею — все это, как полагают, содействует созданию правдоподобного представления о нашем обществе...»

Заметьте: «обдуманный упор», а не полное информирование; не правдивого, а «правдоподобного» представления. И наконец:

«Акцент на допустимых разногласиях — вот главное новшество в передачах для широкой русской аудитории».

Понятно, что такого рода «запланированная объективность» не преследует ничего иного, как только завоевать доверие радиослушателя с тем, чтобы легче ввести его в заблуждение.

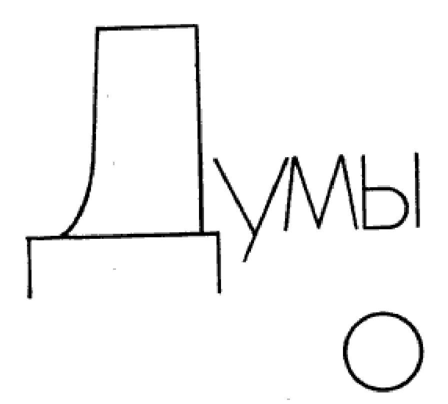
Но вся эта новая тактика отнюдь не означает, что американские радиопропагандисты отказались от лжи и клеветы. Так, например, недавно чехословацкий журнал «Живот страны» писал о том, что американская радиопропаганда «пыталась организовать сопротивление наших трудящихся мероприятиям, проводившимся в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Чтобы вызвать в нашей стране беспорядки, нарушить тесные связи партии с народом и нанести ущерб нашей экономике, буржуазные пропагандисты распространяли различные вызывающие тревогу сообщения о якобы готовящемся прекращении того или иного вида производства. Както они распространили лживое сообщение о предстоящем прекращении производства обуви».

Словом, по-прежнему используются любые методы. Важно для американских радиопропагандистов одно: добиться того, чтобы их передачи слушали, чтобы слушатели верили в их объективность, чтобы им доверяли. Какими методами и ухищрениями это будет достигнуто — не суть важно, лишь бы «идеи из-за границы,— как сказал видный теоретик американской империалистической пропаганды Уильям Дэвисон,— способствовали будущим изменениям». Чтобы осуществить эти будущие изменения в социалистических странах — мечту о реставрации капитализма,— пропагандисты из «Голоса Америки», РСЕ, «Свободы», РИАС и их работодатели готовы на все.

Маску «Голос Америки» сменил, но истинное лицо под новой маской остается по-прежнему столь же неприглядным.

...Каждому известно, что радиоволны распространяются в эфире прямолинейно, подобно свету. Но американская пропаганда пытается сплести из них сети, подобные липкой трехцветной паутине.

Прогресс, прогресс!..
Листок разграфь,
давай-ка факты сопоставим.
Там —
допотопный телеграф.
Здесь —
телевизор с «Телестаром».
Прогресс!
Какие-то сто лет,
а мир зашел вперед настолько!
Там —
завалящий пистолет.
А здесь —
новейшая винтовка.
...Убийца бьет из-за угла,
Что поукромней и потише.
Земля же шар,
Земля кругла,
и выстрел
всеми
всюду слышен.
Он прогремел —
и до сих пор
внимает мир его раскатам.
Позор, Америка, позор!
Позор твоим заштатным штатам.
«Цивилизация»,
«прогресс».
И докатиться до разбоя...
Страна «свобод»,
страна «чудес»,
мне за тебя
такую
больно.
Страна, великая страна,
я знаю,
ты сама страдаешь,
стонешь, бедой потрясена:
куда зашла,
куда же дальше!
Ты в лабиринте.
Мрак и кровь...
А где он, выход на прямую!
Ищи.
Сама в себе
открой,
открой Америку иную!

Думы о добром друге

Морис **ПОЦХИШВИЛИ**

Весна шумит невдалеке —
за окнами, в больничном дворике.
Я, словно рыба на песке,
валяюсь на больничной койке.
Болезнь ползучею змеей
пригрелась на моей тропинке,
схлестнулся я с болезнью той
в опасном смертном поединке.
Но верю я, но верю я:
жизнь не кончается моя.

Жизнь не кончается,
а палата — качается.
Качается, словно каюта белая
тонущего гибнущего корабля.
Каюта белая, онемелая.
С нею маюсь и качаюсь я.

Покажется: уменьшилась земля
до габаритов этой вот палаты,
в которой поселилась боль моя
и требует за прошлое уплаты.

Но рано требует меня
костлявая, косой звеня.

Качается моя каюта белая,
белая, как морская соль,
прохладная,
как саван белая,
а я-то знаю, что такое боль.
Но знаю я еще:
улыбки радуга —
надежда на борьбу и на успех —
меня, больного, и зовет и радует,
и боль уходит, как весною снег.

Уходит боль, как вешний снег,
приходит добрый человек.
Он засмеется, и волшебным деревом
в палате нашей зацветет весна.
Он засмеется, и высокой верою
на гребень жизни вынесет волна.
Высокой верою,
высокой мерою
считаешь дни, считаешь каждый час...

Ты больше исцеляешь,
больше делаешь,
чем все врачи, врачующие нас.
Ты поднимаешь свои руки сильные —
два солнечных
спасительных луча.
Ты понимаешь все слова красивые,
когда они торжественно звучат.
Ты мое сердце лечишь онемелое,
торопишь добротой своей рассвет,
прокладываешь ты каналы светлые
и страждущим несешь высокий свет.
В пустыне жаркой боли и сомнения,
в пустыне серой, где надежды нет,
являет доброта твоя спасение
от неудач, от горестей и бед.

И вновь я загораюсь, как костер,
на пепелище дум полуугасших.
Благодарю. Меня от смерти спасший,
ты руку добрую ко мне простер.
В твою, в людскую веря доброту,
тебя я вижу гордым и высоким,
где нужно мужество
писать простые строки
и где печаль нести невмоготу.

На дальней грани
неба и земли,
на самой грани бытия земного
ты высишься величьем доброты,
живущего начало и основа.
С весами справедливости в руках
ты наша совесть, наше правосудье,
и, что б ни говорили злые люди,
я вижу доброту в твоих глазах.
Тот добрый след,
что оставляешь ты,
наверняка ведет в людские души,
и добрый мир
жестокий мир разрушит
своей могучей силой доброты.

Тот добрый человек всегда со мной.
Я вспоминаю, как в грозе военной
меня от пули он прикрыл собой.
И я остался жить,
пришел домой,
принес о нем печаль воспоминанья
и повторяю, словно заклинанье:
«Ты вечно жив, о добрый спутник мой!»

Мой спутник.
Мой товарищ и сосед.
Какие мы прошли с тобой дороги,
какие испытали мы тревоги,
каких мы только не хлебнули бед!
Я знаю:
первым в бой любой идешь,
и первым
ненависть врага встречаешь,
и в первой битве
первым погибаешь,
но за собой товарищей ведешь.
Когда тропы потерян всякий след
и пасть ущелья путь нам преграждает,
приходишь ты, мой спутник,
и спасаешь —
в мост превращаясь, коль дороги нет!

Не может равнодушие закрыть
от доброты земной
людские души.
Извечно доброте твоей светить
и человечьей клятвы не нарушить.
О, как ты безгранична, доброта!
Достоинства тропинку указуя,
ты не даешь сердцам пропасть впустую —
да отлетают тлен и суета...

Уходит боль,
как вешний снег,
приходит добрый человек.
Вот снова, заглушая все вокруг,
набат могучий
колокола жизни
звучит, звучит по всей моей Отчизне —
он о тебе поет, мой добрый друг.

Жив человек —
мой спутник дорогой,
он к яблоне подходит,
слез не зная,
вокруг лежит земля его родная,
и люди рядом с ним
живут одной судьбой.
Жив человек.
Он яблоко срывает,
как солнце, поднимает над собой,
и, доброты своей не забывая,
он каждый миг
готов на новый бой.

Да, снова мир и голубой простор.
Растут сады под солнцем обновленным.
Как радостны цветущие их кроны,
а доброта земли
превыше гор.
Пусть солнца ветви буйствуют над ним,
над человеком,
по земле идущим.
Сердца поэтов
гулко и зовуще
стучат всегда движеньем с ним одним.

Привет тебе,
высокая душа!
Ты украшаешь города и веси,
ты на ракете мчишься в поднебесье,
ты рождена,
чтоб землю украшать!
И хлебом правды,
хлебом правоты
ты вскормлена,
душа моих народов,
для подвигов живешь —
не для парадов,
в величии суровой простоты.

Перевел с грузинского **В. ДРОБЫШЕВ.**

РУКА ОЧИАУРИ

Молодой, неимущий, безвестный скульптор, не зная, чем удивить свою невесту, вычеканил на маленьком куске металла красивое изображение. Ей понравилось. Она приделала к нему длинную цепочку и стала носить как медальон, поверх платья. Увидели подружки. Им тоже понравилось. На скульптора посыпались заказы. Однако скульптор был художником, а не ремесленником и вслед за маленьким пустячком стал чеканить на больших листах меди и латуни сюжеты и орнаменты. Оказалось, что металл, как фактура, имеет особое своеобразие и хорошо подчеркивает рисунок.

Когда на выставках появились первые чеканные работы Ираклия Очиаури, многие его коллеги стали пробовать себя в этом жанре. И, как это бывает обычно, не все просто подражали, но и вносили свою манеру.

Словом, в минувшее десятилетие в Грузии бурно чеканили, и это было почти открытие в искусстве. Пластические рисунки по металлу украсили интерьеры зданий, салоны на теплоходах. И все-таки это было не открытие, а возрождение. Столетий восемь назад искусство грузинских златоваятелей находилось на высочайшей степени мастерства. Не многое из того, что делали эти мастера, дошло до наших дней. Это рассматривалось с благоговением и грустью, но никогда не договаривались: давайте, мол, дадим всем в руки инструменты, давайте возродим искусство. Началось так, как было сказано,— с пустяка.

Но все равно так должно было случиться в наше время — время расцвета всех национальных культур.

Хотя и городской человек Ираклий Очиаури и ученик знаменитого скульптора Якова Николадзе, а корень его высоко в Хевсурских горах, где его родное село, и детство, и предки. И по сей день Хевсур бережет и хранит кустарную старину. И сегодня еще женщины-хевсурки — мастерицы по художественной вязке, а мужчины — искусные кузнецы. Мать Ираклия в пяти поколениях рода Очиаури насчитывает знаменитых хевсурских кузнецов. И у сына такая рука.

Ия МЕСХИ

Заслуженный художник Грузинской ССР чеканщик-скульптор Ираклий Очиаури за работой.

Фото С. Блохина.

«Человек в космосе». Чеканка. Работа заслуженного художника Грузинской ССР Антимоза Горгадзе.

С. ГЕОРГИЕВСКАЯ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

Три новеллы

ДВОЕТОЧИЕ

В том классе, который был классом моего детства, не топили печей. А после занятий мы бродили по городу: искали ученические тетради.

В те давние времена в нашем городе не водилось ни дров, ни тетрадей. (Год шел двадцать третий, мне минуло десять лет.)

В нашем городе не водилось в те времена ни дров, ни тетрадей. Но у нас был красивый бульвар со знаменитой широкой лестницей. Эту лестницу много раз снимали в кино.

В нашем городе между берегом и бульваром, на ступенях пологой горушки, жил пароход. Как доволокли, дотащили его туда — в такую высь? Это было старое, видавшее виды судно. Бока его обросли ракушками. Казалось, из одних бугров и шероховатостей состоит его проржавевшее, узкое книзу днище.

С моря дуло холодными ветрами. По бульвару бродили заблудшие с осени древесные листки, шелестели протяжно и сухо, черные, как галки,— так крепко их прокалил мороз. В писчебумажных магазинах, пытаясь согреться, плясали продавцы, одетые в стеганки.

— Тетрадок нету... Какие тебе такие тетрадки! Обоев?.. Бери вот эти, нашьешь себе тетрадок — хватит хоть до скончания века.

В эти памятные, холодные дни наш класс занимался знаками препинания. Учительница была у нас удивительная: она, как лоцман, провела нас сквозь точки и запятые.

Мы благополучно доплыли до двоеточия.

— Знаете ли, ребята, что означают две точки — двоеточие?

Мы молчали. Откуда нам было знать?

— Двоеточие — это распахнутое окно... Например, я раскрыла окно и увидела... Что я увидела? Посмотрите в окно... Я увидела: липу, ольху, акацию.

Или — к причалу подходят баржи. Какие? Распахнем окно двоеточия... Пассажирские, грузовые, буксирные и несамоходные.

Мы поняли и принялись энергично распахивать окно двоеточия.

Всем ясно, что окна распахиваются только весной, когда тепло! Нам казалось, что по классу пошли гулять весенние ветры. В окна ворвались: кирха на Новосельской улице, заржавевший, покрывшийся ракушками пароход, бульвар, самый главный и знаменитый памятник на этом бульваре... В раскрытые окна ворвался запах акации.

Вам, может, этого не понять, но если б вы видели акации нашего города! Так, ничего особенного. Грозди, как грозди. Но их запахом, запахом бело-коричневых, вянущих гроздьев, бывает напоен весь город!

Наш город причудлив, он ни на что не похож со всеми своими баржами: пассажирскими, грузовыми, буксирными и несамоходными; со всеми своими листьями, запахами: акаций, платанов, каштанов.

...Акацией пахнет в каждом дворе, в каждом дворовом закутке и закоулке — всюду шибает в нос ее терпким и горьким запахом.

Распахнулись окошечки двоеточия: загудели ветры южного моря; теплые волны забились о теплые берега.

Стало теплее.

И я полюбила окно двоеточия. И с тех пор в припадке сосредоточенной откровенности все распахиваю и распахиваю этот прекрасный знак.

Иногда я опоминаюсь и спрашиваю себя: «А достойна ли я двоеточия?»

Нет. Не всегда я бываю его достойна. Но я очень стараюсь. И то хорошо.

ЮРКО

Длинная белая улица. Дома по сторонам такие маленькие. Крыши низкие, а сугробы такие высокие — до самых окошек. Под окнами протоптаны узкие тропки. А между сугробами тянется широкая дорога, укатанная санными полозьями.

Пахнет зимой. Мороз. Это город Пермь. Посреди улицы едут дровни. На дровнях баба в овчинной шубе. «Но, но»,— говорит баба. И лошадь, вся покрытая инеем, коренастая и волосатая, бежит вперед неторопливо, привычно и угрюмо.

По узкой тропке, взрывая снег валенками, идут два мальчика.

Впереди — высокий, худой, лет десяти, в оленьем длинноухом малахане и в пальто с барашковым воротником. Он тащит за руку меньшого, лет шести, приземистого, круглолицего мальчугана, немного похожего на девочку. На нем странное пальтецо, перешитое из маминой лиловой кофты. Черные глаза удивленно глядят из-под бортов большой, не по голове, кудлатой шапки.

— Юрко,— кричит высокий,— смотри-ка под ноги, Юрашка!

Но Юрашка не смотрит под ноги. Юрашка занят. Он глядит по сторонам.

Только вчера приехал он с мамой из горо-

да Киева. А в Киеве все не такое, как здесь. Дома большие, улицы крутые, а снега совсем мало. И вот теперь ему кажется, что вся эта незнакомая белая улица ненастоящая, и дома здесь не настоящие, а построенные из кубиков, и внутри в них ничего нет — ни столов, ни стульев, ни посуды. Может быть, в этих домиках никто и не живет. Нет, наверно, живут. Вот на подоконнике за окном сидит кошка.

Заглядевшись на кошку, Юрашка спотыкается, падает и молча встает. Он даже не стряхивает снега со своего лилового салопчика.

— Стряхни! — строго говорит старший мальчик.

Юрашка покорно хлопает себя по животу красными, озябшими руками.

— Уже, Андрюша?

— Юраш, отчего ты тащишься, как черепаха?

И, крепко сжав крошечную ручонку Юрко, Андрей волочит его за собой. Тот шагает покорно. Но шаг у Андрея гораздо шире... Юрко запыхался. Он шмыгает носом и вдруг, заглядевшись по сторонам, спотыкается о какую-то горку и падает в снег. Самое подходящее время, чтоб зареветь. Сидя в снегу, он, щурясь, глядит на солнце. Не слышно ни звука— это Юрко набирает в легкие воздуха. Затем раздается протяжный, истошный вопль.

— В чем дело? — удивленно спрашивает Андрей.

Молчание.

— А ты, между прочим, знаешь, что в этой горке?

— Не-е-е,— вопя, отвечает Юрко.

— Клад!

— Врешь.

— Не вру.

Юрко встает и, не мигая, чуть приоткрыв рот, зачарованно смотрит на снежную горку.

— Юрко! Пошли! Живей. Веселей...

Ребята подходят к дверям магазина — булочной. Из булочной валят клубы пахучего, теплого пара. Стукнувшись друг о дружку плечами, мальчики разом переступают порог.

— Что за мальчонка? — улыбаясь, спрашивает продавщица.

— С Украины,— объясняет скороговоркой Андрей.— Его мама нашему папе сестра. А его папу уже убили. Под Керчью... Юрашка, давай-ка пихай в корзину!

— Стало быть, Николая Анатольевича, инженера, племяш? — вздохнув, говорит продавщица.— Сын героя, значит?

— Ага. Сын героя... Юрашка, пошли давай. Ребята на улице.

— Хочешь хлебца? — спрашивает Андрей.

Сегодня Юрашка сыт. Совершенно сыт. Но ему понравилось вкусное слово «хлебец». Он берет довесок, еще горячий, мнет его в кулаке и неторопливо, задумчиво надкусывает горбушку.

...У самых ворот их дома маячит в снежной белизне улицы короткая, приземистая фигурка. Это мама.

— Юрашка,— кричит она,— а где твои варежки?

Мама внимательно разглядывает лиловый салоп своего сынишки, его заплетающиеся ножонки, обутые в разрезанные наверху валенки; она смотрит на его съехавшую набок большую дяди-Колину шапку.

— Юрко,— сердитым голосом говорит мама,— Юрко, ты опять потерял свои варежки?

Не отвечая, он смотрит на нее снизу вверх и щурится от солнца. Юрашка щурится от счастья и вытирает нос посинелой от мороза рукой.

...Темнеет. Из будки выходит дворовый пес, он нюхает воздух и пронзает небо острой, поднятой кверху мордой. Словно надумав что-то мудрое, доброе, пес кладет большую белую лапу на край заржавевшей миски. Он дышит в воздух белым паром.

— Андрей! А скажи, какой такой клад?!

Подобрав какую-то щепку, Юрко присаживается на корточки. Он копает щепкой. А клада нет!

— Не так копаешь! — кричит Андрей, достает из сарая лопату и, упершись в нее валенком, отбрасывает большие пласты притоптанного снега. Юрко весь в снежной пыли...

Лопата у них одна. Юрашка бегает вокруг двоюродного брата, суетится, икает от холода и волнения. Он то заглядывает в яму, то в лицо запыхавшегося Андрея. Шапка съехала на затылок, салопчик расстегнулся.

...Сгущаются сумерки. В тяжелой нежной синеве зажигаются первые огни. Плывет издалека из окон завода белесый свет электричества.

— Юрашка, Андрей,— говорят с крыльца,— сейчас же домой! На дворе ночь.

Клада нет.

Но если бы еще покопать...

* * *

В комнате тепло, ползут по стенам тени.

На столе мигает коптилка. Мальчики едят щи и, обжигаясь, глотают горячий чай.

— Вот,— говорит шепотом Андрей.— Вот оно.— И показывает меньшому жестяную коробку из-под зубного порошка. В ней несколько медных монет.— Золотые, с плесенью, под землей отрыл.

Юрашка верит.

— А знаешь что,— говорит он шепотом,— я, когда рыл внизу, так тоже отрыл копейку, только не взял.

— Безусловно, врешь! И врет и не краснеет.

— Мама, а мама, разве я не краснею? Скажи ему! — плача, кричит Юрко.

Мальчики смотрят друг другу в глаза и не мигают.

Минута — и две раздельные тени на стене: одна, длинная, тощая,— Андрей; другая, короткая и круглая,— Юрашка — становятся одной тенью. Как уши зайца, движутся над слитой тенью их сжатые кулаки.

— Нет копейки! — кричит Андрей.

— Есть! — вне себя говорит Юрко.

— Юрко! Замолчи! Сейчас же! — задыхается мама.— Ты разбудишь соседей.— И она пытается зажать его орущий рот ладонью.

Юрашка плачет. Сгоряча Андрей ударил его кулаком по зубам. Крошечные редкие зубы лопаточкой порозовели. Юрко не то чтоб уж очень больно, но он чувствует во рту солоноватый привкус крови, понимает, что это кровь, и пугается.

— Ой, мама, ой, мамочка, ой, дядя Коля, скажите ему, что копейка есть!

Мама ни разу не видела своего бойкого сына в таком, не идущем к делу отчаянии. Не иначе, как сказалась на нем их долгая, тяжелая дорога в теплушке.

— Сейчас же скажи ему, что копейка есть! — дергая мать за подол, приказывает Юрко.— Дядя Коля, скажи ему, что копейка есть!

— Есть,— раздумчиво и спокойно говорит дядя Коля.— Обязательно есть, малыш.

Николай Анатольевич — дядя Коля — сидит в углу у чертежной доски. Он держит в руках рейсфедер. Чуть обернувшись, внимательно и не без любопытства смотрит он на энергично подпрыгивающего Юрко.

— Копейка есть,— говорит дядя Коля.

Юрко сейчас же подходит к дяди-Колиному столу. Тот откладывает рейсфедер и принимается ласково гладить недавно остриженную под машинку головенку племянника.

— В тридевятом царстве, в тридесятом государстве жила была золотая копейка,— говорит дядя Коля.— Она лежала под белым снегом, в теплой земле. Когда таял снег весной, она зеленела травой и ветками, а летом цвела... Ну, того... ну, скажем, цветами... Ясно, что рожь, и груши, и яблоки — это и есть золотая копейка... Земля цвела... того... арбузами и дынями... Подходящие дыни на Украине, Юраш?

— Мировецкие,— говорит Юрко.

— ...Согретая солнцем, лежит она, твоя золотая копейка, под белым снегом, в черной земле, блестящая, золотая, бесценная, драгоценная. Залитая кровью, гм... гм... (дядя Коля косится на короткие ножонки Юрко) под белым снегом, в черной, в залитой кровью... Она в сердце у человека, вот она где!.. Поэтому, к примеру, доброе слово не медный грош, а?.. Сказал и как рублем подарил, а? Вот оно откуда берется! Ясно... А еще: трудовая копейка. Ну, а ежели трудовая, стало быть, золотая...

Ночь. Погасла коптилка. На стене живут и движутся тени. Свет из кухни — хозяйка ставит тесто на пироги.

Юрашка лежит на кровати, прижавшись к маме, и сквозь прищуренные ресницы смотрит на тени. Одна большущая тень — от дядиной чертежной доски — похожа на лодку. Лодка плывет по снегу. На ней с лопатой сидит Юрашка. Он причалил к берегу и входит в теплушку. В теплушке тесно. «Гражданка, что вы расселись?» — говорят маме.

Мама сейчас же встает и прижимается боком к стене.

«Сядьте, дама, сюда давайте!» — вдруг говорит пожилой солдат.

Печка-времянка, которая посредине вагона, вдруг ярко вспыхивает. (Кто-то открыл заслонку, чтоб прикурить.) В коротком свете печи выступает лицо солдата.

«Небось, в госпиталь, к мужу едете, дама?» — спрашивает у мамы солдат.

«Муж убит!»

«Эх ты, горе! Так что ж... Давайте дитё поближе-то к огоньку. Места хватит».

И, подумав, солдат достает из рюкзака кусочек сахару.

«Хотишь, сынок?»

«Он хочет»,— говорит мама.

«Скусно, пацан?»

И вдруг руки мамы, взлетая, ложатся на плечи чужого солдата. Платок сползает с маминой головы. Беззвучно и страшно переливается что-то в мамином горле.

Сахар, который протягивает солдат, превращается в пряник.

«Сын героя, значит?» — спрашивает у Юрко продавщица из булочной.

«Угу!» — отвечает Юрко и берет у нее из рук большущий пряник, похожий на сверкающую золотую копейку.

СТАРИК

Жил-был в одном из маленьких переулков Москвы художник. Вдовец. Ему было семьдесят лет.

Он жил в том доме, где выросли его дети. Отсюда они ушли на войну...

Иногда старик просыпался посреди ночи и слышал их юные голоса. Тогда он спускал с кровати босые, жилистые ноги и глядел в темноту. Он будто спрашивал у себя: «Как же это могло случиться со мной, как это могло случиться?!»

А случилось страшное: старость и одиночество.

Наступало утро, старик вставал, одевался и ехал в пригород. Он вез с собою краски, складную скамейку и мольберт. Он был художник и не смел умереть, не дошагав своей земной дороги.

Пришла весна.

— Вы бы дачу сняли,— присоветовали старику соседи.— К чему вам себя утруждать, ездить каждый день на трамвае в пригород? Эдак недолго с устатку и заболеть.

Старик удивился, обиделся. От ярости он пожевал ртом. Однако надел старинную-старинную соломенную шляпу и отправился в пригород — дачу снимать.

Перебрался старик на дачу, пересек перрон и стал потихоньку карабкаться вверх по крутой и высокой лестнице железнодорожного моста.

Вот она — его новая комната. Окна и двери балкона, сливаясь, образовывают как бы разрезанную надвое луну. Это чердак. В окошки заглядывало небо.

Гляделось, гляделось большое небо в незнакомую, необжитую комнату старика... Он подошел к столу и вдруг увидел сквозь окна макушки деревьев: вишни в цвету.

Его окно! Он снял его, купил его на три месяца.

Старик распахнул балкон. По комнате пошел гулять ветер.

В полукруг балконной двери принялось тепло и широко вливаться что-то лиловое — еще не успевшее потемнеть небо.

Старик поел. В нетронутой тишине одиночества он слышал, как жует хлеб, как глотает его. Глубоко и сладко вздохнув, он стал думать о том, как славно поработает завтра.

Сквозь старость, усталость и одиночество вспархивало радостное предчувствие покоя, который приносит труд.

Он посидел на краю кровати, покурил свою трубку. Потянулся, зачерпнул из ведерка воды, напился.

Потемнело окно. Во тьме метались какие-то красные точки, кажется, искры...

Старик прилег, но не мог уснуть. Оделся и вышел во двор.

Двор, в котором он жил, стоял, оказывается, не в саду, а на пустыре (снимая комнату, он этого не заметил). Только у самых окон хозяйки росло четыре вишневых дерева.

Вот те и дача! Ни огорода, ни бревнышка, ни скамьи.

Двор был пуст. Старик огляделся и присел на ступеньку. Посидел, посидел, и скучно ему стало. Подобрал щепок, валявшихся на дороге, подумал и хотел обломать ветки с единственного куста. Но не сделал этого из мальчишеской трусости: как бы хозяйка не рассердилась.

Он собрал все вокруг, что может гореть. И разжег костер.

Мгновенно и молодо вспыхнуло пламя. Пошли гулять искры. Они летали сказочно и красно в тишине двора. Художник жадно глядел на огонь и хлопотал, чтоб костер не погас.

И вдруг выбежала во двор маленькая босоногая девочка. Протопала босыми ножонками по земле. На голове у нее была косынка. На руках сидела маленькая собака. Собачья головенка тоже была повязана косынкой — какой-то ситцевой тряпкой.

Озорно, с жадным выражением детского любопытства поглядели на огонь глаза девочки. Сидит старик и жжет щепки. Хороший костер, и летят искры.

Девочка доверчиво подошла к художнику и сунула ему в лицо собачью мордашку. Она улыбнулась беззубым ртом — у нее недавно выпали передние молочные зубы.

— Моя Симка скучает,— сказала девочка.

Художник вздрогнул. Щенячьи вытаращенные глазенки были у самых его глаз.

Он вскочил со ступенек, а девочка глядела на него, и удивлялась, и не понимала, зачем он не рассмеялся, зачем рассердился.

Все ярче и ярче становились искры во тьме. Пламя освещало людей. Девочка разглядывала старика, его подбородок и рот, которые освещало пламя.

Она спросила:

— Дяденька, а зачем вы это палите?

«Дедушка» — хотела она сказать, но прочла в лице художника что-то такое, что не осмелилась сказать ему «дедушка», а сказала «дяденька».

— Палю оттого, что надо палить! — отрезал старик.

Так он ответил и продолжал смотреть в огонь, посасывая погасшую трубку.

Стало уже и вовсе темно, когда девчонка ушла домой. Босенькие ножонки энергично затопали по земле. Собака у нее на руках заскулила (лаять она еще не умела).

Художник остался во дворе совсем один и робко, с сожалением глянул вослед ушедшей девочке.

Костер догорал.

Показалась в окошке хозяйка дачи и строго в темноте, темным лицом обернулась к костру: «Погасил ли угли старик? Что за чад? Зачем? Как бы не быть пожару».

Художник вздохнул, поднялся к себе и лег.

Сквозь двери балкона глядела ночь — тьма и звезды.

Он лежал и думал о том, что надо бы поскорей уснуть. Будет утро. Утром он станет работать. Он должен работать. Он хочет работать. А для этого надо выспаться.

Надо было уснуть, а ему не спалось.

В полумесяц балкона шагнула заря.

Старик оделся, спустился во двор, к рукомойнику.

Внизу в окне тотчас же показалась беззубая девочка.

Неожиданно и быстро она выставила в окно навстречу старому дяде морденку собаки Симы.

— Симка уже не скучает, дядя,— смеясь и ликуя, сказала девочка.

— Она гениальна! — ответил старик.— Экая маленькая, а отрастила себе усы. И усы. И брови... Торчком!

Умывшись, старик взял мольберт и побрел в лес. Земля меж деревьями была припорошена хвойными, пожелтевшими иглами. Деревья тянулись ввысь, к небу. Однако словно запамятовали, что были когда-то могучими: лес пригородный, повытоптанный, московский... И все же ветки дышали и жили. От них шел пряный дух смоляной свежести. Рядом с большими деревьями жили их дети — маленькие елочки — зеленые насаждения. Каждое величиной с ладошку, кукольные, молодые, серьезные деревца.

— Привет,— прищурившись, сказал им старик. (Ведь тут никто не мог услыхать, что он разговаривает как бы с самим собой.)

Старик работал до четырех часов, до тех пор, пока не начало уплывать солнце.

— А не помочь ли делом, отец? — увидев, как пожилой человек с трудом волочит на себе мольберт и складную скамейку, спросил проходивший мимо подросток-железнодорожник.

— Чего? — останавливаясь, грозно спросил старик. И сердито, как показалось мальчику, взмахнул седыми бровями над чернотою пристальных, острых глаз.

— Да я ж по-хорошему! — растерялся ремесленник...— Я хотел подмогнуть, отец.

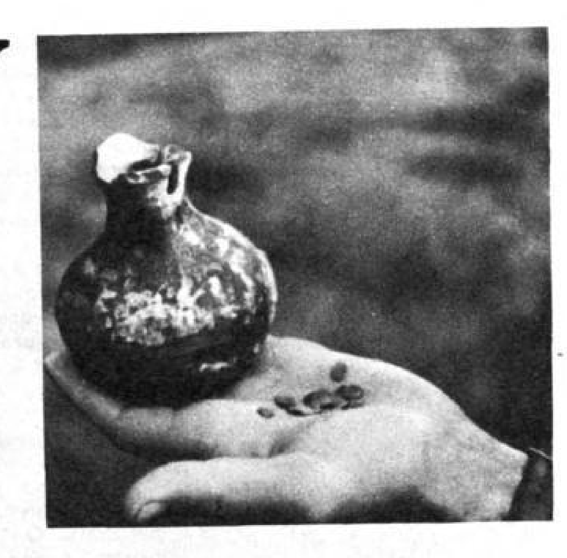
Хороша была дорога из лесу домой, вся в ухабах и вмятинах, исхлестанная шагами, избитая колесами грузовых машин.

Солнце медленно уходило за полотно железной дороги.

Прямой и строгий, старик пересек двор. Он был удивительно моложав в своей старой широкополой шляпе с опущенными полями.

СТО ТЫСЯЧ ПОЧЕМУ ? ? ?

Попадаются ли клады?

С этим вопросом обратились к нам читатели В. Величко из Брянска и Н. Иващенко из Донецка. «Какие монеты обнаруживаются в них?»

Ответы нам прислали наши же читатели из Воронежской области и Литовской ССР. «Осенью 1962 года колхозница села Щучье, Аннинского района, Воронежской области, Пелагея Степановна Азарных, когда рыли погреб на ее усадьбе, нашла на глубине около одного метра кувшин. Он был крепко закрыт и просмолен, в нем оказалось около трех тысяч маленьких хорошо сохранившихся русских серебряных монет семнадцатого века. Этот клад, наверное, был оставлен служилыми людьми, которых по царскому указу 1686 года посылали селиться по реке Битюгу, чтобы охранять границу от ногайских татар. Узнав об этой интересной находке, я съездил в село Щучье, принял клад и передал его в Воронежский краеведческий музей»,— поделился с нами учитель поселка Анна, Аннинского района, Григорий Иванович Конюшин.

Другой клад был обнаружен в 1965 году в деревне Трокой, Швенченского района, Литовской ССР. «Когда пахали землю, плуг зацепил глиняный горшок, который лежал в земле на глубине около полуметра. Из горшка посыпались монеты. Об этом происшествии узнал местный житель Кайрис Пранас. Он собрал найденные монеты, которые уже разошлись по рукам; часть из них затерялась. Собранные монеты были переданы в краеведческий музей города Швенченеляй. Бóльшая часть клада состоит из русских серебряных копеек семнадцатого века. Здесь же оказались и польские монеты, а также шведские, прусские и бранденбургские. Очевидно, клад был зарыт во время войны между Речью Посполитой и Россией в 1654—1656 годах. Находка клада в деревне Трокой дала новые сведения о денежном обращении в Литве в первой половине семнадцатого века»,— рассказал нам в своем письме литовский нумизмат Дукса Зенон.

АРОМАТ КАКТУСОВ

«Третий год подряд расцветает у меня в комнате эхинопсис трубкоцветный — цветки его белоснежные, с изумрудным донцем, изумительно красивы. Однажды я поставила этот кактус на балкон под теплый дождь, а когда внесла его снова в комнату, то цветки стали источать очень тонкий, нежнейший запах»,— пишет нам о своих наблюдениях В. Е. Соловьева из Брянска.

Мы попросили рассказать о том, как цветут кактусы, научного сотрудника отдела тропических растений Главного ботанического сада Академии наук СССР Бориса Сергеевича Цыплакова. «Когда кактусы зацветают,— сказал он,— то невольно привлекают внимание контрастом суровых колючек и нежных цветков. Цветки некоторых кактусов обладают и ароматом. Например, насекомые легко находят в темноте снежно-белые цветки ночецветущих кактусов, ориентируясь по их тонкому аромату, напоминающему запах ванили или белой лилии. В мае — июне открываются чудесные белые и розовато-фиолетовые цветки эхинопсисов — этих похожих на ежей, обычных комнатных кактусов. Утром их аромат постепенно убывает, цветки увядают. Мелкие же белые цветки рипсалисов — невиданных кактусов из влажных тропиков Южной Америки — цветут и днем, радуя долго свежим ландышевым ароматом. Крупные лимонно-желтые цветки долихотеле длиннососочковой издают нежный медово-клеверный запах. Они раскрываются утром и цветут в течение трех-четырех дней.

Цветки кактусов не содержат в себе нектара: ведь на образование его надо потратить часть драгоценной влаги. Бережливые кактусы привлекают насекомых-опылителей своими яркими цветками, обилием сытной пыльцы и, конечно, своеобразным ароматом».

Фото В. Соловьевой.

В грибную пору

«Летом прошлого года шофер совхоза имени Ильича, Шуйского района, Ивановской области, Виктор Мольков нашел в кустарнике большой белый гриб-дождевик весом почти в пять килограммов. Съедобен ли такой гриб?» — спрашивает П. Бабайкин из города Шуи.

Письмо было направлено нами в Ленинград, где его прочитал старший научный сотрудник Ботанического института имени В. Л. Комарова кандидат биологических наук Борис Павлович Васильев. Он разъяснил: «Это дождевик гигантский, его можно варить и жарить только в молодом возрасте, когда внутренняя часть его еще не пожелтела».

Фото П. Бабайкина.

НА ПАЛЬМЕ—СОСНА

«Во время экскурсии в Кобулетском районе, Аджарской республики, я увидел около дома отдыха «Наука» сосну, растущую на пальме. Этой сосне уже семь лет»,— пишет читатель М. Гинзбург из города Батуми.

«Поэтажное размещение одних растений на других — явление интересное, оно заслуживает изучения,— сказал, ознакомившись с письмом, профессор Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева Валентин Григорьевич Нестеров.— Как видно, на пальме накопились почвенные частицы и собирается влага, что и позволило сосне прижиться в таком необычном месте. Долго расти, конечно, она не сможет. Мне хочется высказать свое удовлетворение, что пытливый читатель не прошел мимо занимательного факта».

Фото М. Гинзбурга.

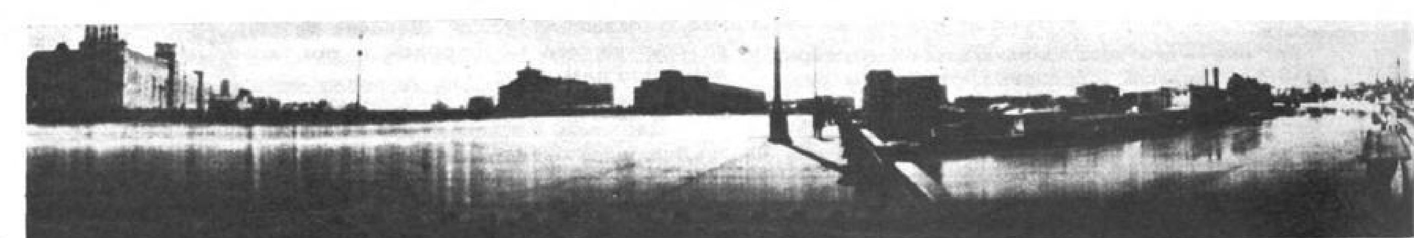
Знакомьтесь: фотокругозор!

«Существует ли такой фотоаппарат, которым можно было бы сразу снять все вокруг на одном снимке?» — спрашивает читатель К. Нефедов из Новосибирска.

Мы нашли этот интересующий читателя фотоаппарат, пока существующий, к сожалению, только в одном экземпляре, и побеседовали с изобретателем-любителем кандидатом физико-математических наук Константином Николаевичем Шистовским.

— Смотрите,— сказал он,— этот снимок сделан с Устинского моста в Москве, при ярком солнечном свете, с выдержкой в две с половиной секунды. Снимок доказывает, что новый аппарат обладает кругозором в триста шестьдесят градусов. Он может сделать сколько угодно круговых снимков, в зависимости от длины пленки. Такой фотопанорамный аппарат незаменим в туристических походах, особенно в высоких горах.

Фото К. Н. Шистовского.

Помидоры — загляденье!

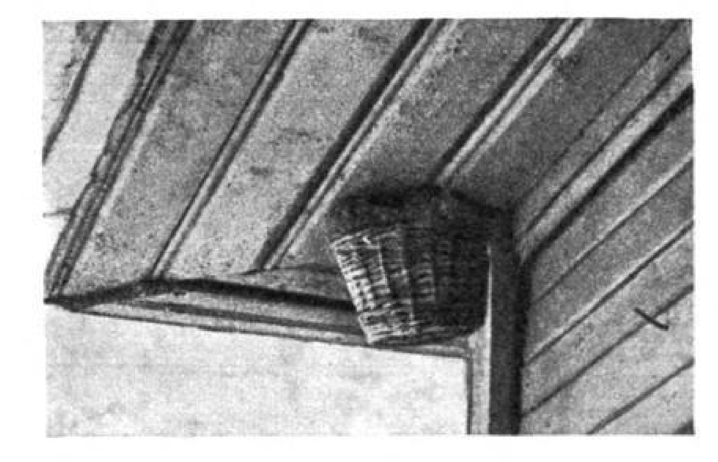
«На площади в пять квадратных метров я вырастил в позапрошлом году шесть кустов помидоров бразильского сорта «де Барао»,— сообщил нам А. П. Александров из города Телеханы, Брестской области.— Высота этих кустов — около четырех метров, и собрано с них очень много вкусных плодов. Правда, не все плоды созрели. Но мне кажется, что опыт мой заслуживает внимания».

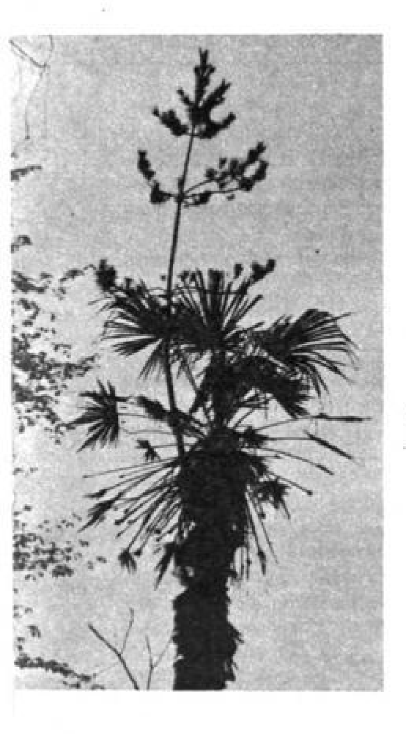
С письмом ознакомился доцент Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева Герман Иванович Тараканов. «К сожалению, этот сорт позднеспелый, его лучше всего выращивать в южных районах нашей страны. Еще один его недостаток, как ни странно, заключается в его огромном росте,— по этой причине затрудняется уход за растениями и не совсем удобно собирать плоды. Сорт «де Барао» очень хорош как весьма увлекательное наглядное пособие на пришкольных участках, а также в небольших садах как экзотически красивое декоративное растение».

Фото С. Щукина.

Ласточкин домик

«Несколько лет назад под крышей дома № 88 по Алексеевскому проспекту, в поселке Мельничий ручей, Ленинградской области, было обычное ласточкино гнездо, слепленное из ила. Но однажды в ненастный день это гнездо вместе с находившимися в нем беспомощными птенцами упало на землю. Тогда один из дачников взял маленькую корзинку, положил в нее остатки гнезда и вместе с птенцами прикрепил ее гвоздями на старое место. Прилетели ласточки, не узнали своего нового жилища и стали кружиться около него, но, услыхав писк птенцов, поспешили к ним. Птенцы к осени выросли в этой корзинке и улетели с родителями на юг, а на другой год ласточки вернулись, отремонтировали гнездо и с тех пор по-прежнему живут в нем». Поделился этими наблюдениями в письме к нам Г. Г. Платонов из Североморска.

«Случай очень интересный,— отметил известный орнитолог, главный хранитель Дарвиновского музея в Москве Петр Петрович Смолин.— Он показывает, что мы можем приучать певчих зерноядных и насекомоядных птиц к пользованию искусственными гнездовьями. Ведь птицы, как правило, вьют гнезда, и только незначительная часть их пользуется дуплами. Опыт же поселения ласточек в искусственном гнезде, словно в скворечнике, как видно из письма, вполне удался, и это следует, безусловно, приветствовать».

Фото Г. Платонова.

ЧИТАТЕЛИ ОТКЛИКНУЛИСЬ

СНОВА ОБ ОРЛАХ

Из Магадана нам сообщили, что житель поселка Сеймчана Жердев держит в неволе орлицу. Теперь птица отобрана у него и передана временно юным натуралистам Сеймчанской школы.

В селе Соколовке, Винницкой области, пионеры средней школы взялись выходить подбитого орла, чтобы он снова летал на воле.

●

О КОЗОДОЕ

— Как же охотится козодой ночью? — заинтересовались многие читатели. Им отвечает кандидат биологических наук М. Вакутин из Улан-Удэ: «Все летние ночи козодой охотится на крупных жуков, ночных бабочек, не брезгуя и всяким гнусом. Клюв у него, как у стрижа, раскрывается «до самых ушей» и обрамлен волосовидными перышками, словно радаром. Благодаря этому птица может кормиться ночью на лету».

●

«ОПАСНА ЛИ ЭТА ВСТРЕЧА?»

Под таким заголовком было опубликовано письмо читателя С. Карбушева в № 21 «Огонька». На него откликнулась Центральная лаборатория охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР:

«В последние годы в медицине широко используется змеиный яд, из которого изготовляют различные лекарственные препараты (випратокс, вираксин, випросал и др.). Спрос на змеиный яд постоянно повышается. Так в 1967 году медицинской промышленности нашей страны требовалось около 9 килограммов сухого яда, а в 1970 году потребность в нем возрастет более чем вдвое. Заготовительные организации нашей страны в настоящее время получают всего лишь около 1 килограмма сухого яда в год.

Змеиный яд получают в специальных змеепитомниках. Такие питомники у нас существуют в Ташкенте, во Фрунзе, в Кушке и на Дальнем Востоке. Для этих змеепитомников специальные бригады змееловов ежегодно отлавливают тысячи змей. Интенсивный отлов ядовитых змей ведется в Средней Азии, Азербайджане, Белоруссии и других районах. Однако большое количество змей повсеместно уничтожается населением, что приводит к резкому сокращению численности этих пресмыкающихся в природе, к уничтожению отдельных очагов ядовитых змей.

В настоящее время возникла опасность того, что в некоторых районах нашей страны ядовитые змеи могут полностью исчезнуть.

В январе 1968 года на заседании ученого совета Центральной лаборатории охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР был заслушан доклад доктора биологических наук профессора А. Г. Банникова «К вопросу об охране рептилий», в котором было, в частности, изложено состояние охраны и эксплуатации в Советском Союзе ядовитых змей.

Было принято решение создать при Центральной лаборатории группу герпетологов для изучения и охраны ядовитых змей нашей страны.

В целях прекращения бессистемного вылова ядовитых змей и их охраны ученый совет Лаборатории рекомендовал следующие мероприятия:

отлов ядовитых змей поручить только «Зоообъединению» Главохоты РСФСР и его отделениям в союзных республиках, отлов производить только осенью;

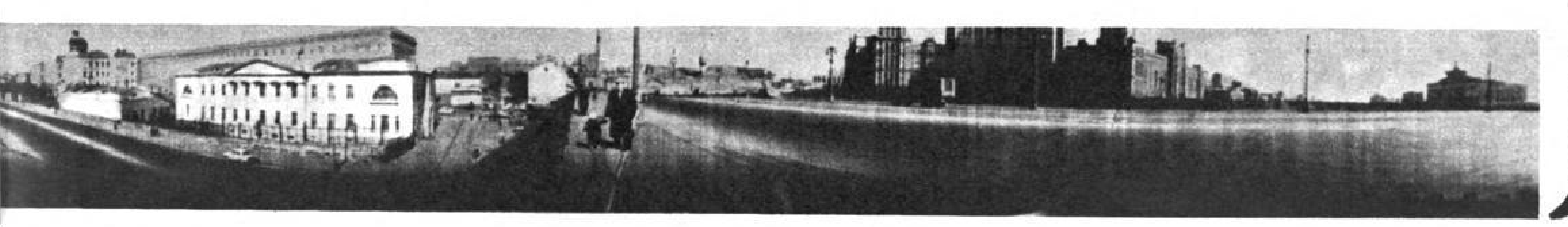
«Зоообъединению» совместно с научно-исследовательскими организациями разработать на научной основе правила отлова и заготовок ядовитых змей;

организовать в змеепитомниках научную работу по изучению методов разведения змей в неволе, создать змеепитомники с полувольным содержанием змей; Главному управлению по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству МСХ СССР осуществлять общий контроль за рациональным использованием запасов змей и других рептилий.

Герпетологи нашей страны проводят большую разъяснительную работу с населением о пользе ядовитых змей и их охране.

Готовится закон об охране ядовитых змей в Туркмении. Надо надеяться, что такой закон будет рассматриваться и в других республиках нашей страны.

Руководитель герпетологической группы Центральной лаборатории охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР, кандидат биологических наук З. В. БЕЛОВА».

Всеволод **ВИШНЕВСКИЙ**

В БОЯХ ЗА ТАЛЛИН

13 августа 1941 года. Таллин... Мы на морских подступах к Ленинграду. Наша задача — сдерживать противника, наносить ему контрудары, выигрывать сутки за сутками... Потом это скажется в общем балансе войны.

Солнечный, хороший день, балтийское нежно-голубое небо, много цветов в садах и парках. Рядом с клумбами окопы, блиндажи, щели, разверстая земля, немо кричащая о войне... В сводках: «На всем фронте ничего существенного»... Значит, существенное будет впереди. Сегодня 53-й день войны. Немцы уже вполне убедились, что поход на Восток будет коренным образом отличаться от их датских, голландских и прочих прогулок. Сегодня немецкое радио передавало сладкие обращения к нашим партизанам. Призыв «одуматься» и сдаться к 21 августа, причем обещается «прощение» и «вознаграждение». Ясно, что 21 августа партизаны нанесут особо жестокие визиты в немецкие штабы, комендатуры и пр. Населению оккупированных районов фашисты обещают по 3 тысячи рублей за партизана; за Иудино предательство 3 тысячи фальшивых рублей, напечатанных в Германии.

С раннего утра работаем над вопросами обороны. Днем поездка на фронт в одну из морских разведывательных чекистских групп. Спутники молодые, оживленные, делятся последними впечатлениями разведок. На днях нос к носу на этой же машине наскочили на группу мотоциклистов. Приняли бой; один из наших автоматчиков уложил 13 немцев: шофер тем временем развернул машину... Ребята тут боевые, оснащенные... Живут суровой лесной жизнью, ходят по вражеским тылам, часами слушают немецкие разговоры.

В современной войне события приобрели характер борьбы на измор, борьбы затяжной... Гитлеру не удался удар по Англии; не удался удар в Атлантике; не удался удар в направлении Суэца — Ирака; не удается, как мы ощущаем, чувствуем, самый грандиозный удар — против СССР. Пока только 53-й день операций, а подобные операции могут идти — вспомним опыт 1914—1918 годов — сотни дней.

Сопротивление и решимость СССР предопределяют исход.

14 августа. Пока тихо... Был на подводной лодке «Н». Товарищи сделали большой поход, не раз попадали в тяжелейшие переплеты. Были пикировки «юнкерсов», лодку бомбили катера, лодка влезала в сети. Все обошлось. Утопили одну лодку противника. Рассказ свой командир тов. Петров ведет просто, очень точно, не прибегая к записям,— настолько остры все переживания.

Весьма интересны письма, взятые у пленных и убитых немцев. Тоска покинутых женщин, тревога, страх... «В прошлом году вы быстро вернулись, были в отпуску, убрали урожай. Сейчас все эти надежды рухнули...» ...Главный мотив писем — страх перед затяжной войной. Все чаще и чаще описания бомбежек Западной Германии, лаконичные признания: «Англичане сбросили листовки о том, что будут бомбить Кельн шесть недель подряд, а затем возьмутся за Берлин. Что-то будет?..» — Что будет, немка?— Будет упорная, долгая борьба, в которой Германия последовательно испытает и страшные бомбежки, и обостренный голод, и крах иллюзий, и смятение... (О таких вещах написано у Келлермана в романе «Девятое ноября».)

18 августа. На аэродроме у друзей — в балтийской эскадрилье Шодина. Это замечательные ребята, участники войны 1939—1940 годов. За ними, с 22 июня, десятки вылетов. Это истребители-штурмовики, отменные летчики. В первых боях за Таллин (в июле) летчики Шодин, Кулашов, Кузнецов, Байсултанов, Васильев, Плешаков показали мастерскую работу. Они выныривали из лесов, буквально били винтами по колоннам мотоциклистов, обгоняя их, расшвыривая в канавы. Вот и сейчас летчики рассказывают: «На днях «мессершмитт» обстрелял две наши автомашины... Раненым помогли эстонские крестьяне. Сегодня представился случай дать фашистам ответ. Встретили их автогруппу — 5 больших машин. Зашли и дали залп. Фашисты вылетали мордами в грязь, ползли в лес. Машины остались стоять без стекол, без моторов, в щепки продырявленные... По девизу действовали — «два ока за око»...

Непрерывно идут оборонительные работы. Всюду работники Пубалта — действуют, ободряют, инструктируют.

До ночи рассказывали приехавшие из Ленинграда о тамошних делах. Блестяще работают заводы,— люди во имя фронта делают все, что в человеческих силах.

19 августа. Обстановка все серьезнее. Пришла весть о бомбежке фашистами госпитального транспорта «Сибирь».

Днем в городе, на оборонительных работах. В газетах даю большой материал об опыте обороны Царицына, Петрограда и др. Литераторы Балтфлота работают сплоченной группой и активно.

Вечером выступал в батальоне моряков. Смеркалось. Огромный гимнастический зал с большими окнами. Полно наших балтийцев. Встречаются люди старших возрастов. Атмосфера боевая, приподнятая... До невероятия остро этот сбор напомнил мне сборы наших отрядов в 1917—1918 годах. В выступлении коснулся вопросов обороны, тактики противника и нашей тактики, остановился особо на традициях балтийских моряков. Настроения в батальоне отличные, люди идут в бой целеустремленно. Каждый час стремятся отдать доподготовке, полевым занятиям, хотя времени у нас в обрез. Было почти совсем темно, когда кончилось собрание...

Энергия масс, неиссякаемые глубинные источники народного духа, выносливость, организация, учет нового опыта и труд должны дать нам победу в этой небывалой, исключительной войне. Мы хотим этой победы всей своей волей, всем существом, мы думаем о ней денно и нощно, мы трудимся для нее. Перспектива «тысячелетнего» рабства,— о чем нагло кричит народам Гитлер,— вызывает в наших людях злобу, отвращение и решимость биться упорно, до конца.

20 августа. Пока тихо... В городе новая мобилизация... В какой раз приходится мне это видеть и вновь и вновь дышать трагизмом времени... Уже в одно, сплошное сливаются для меня и впечатления 1914—1918 годов и гражданской войны, и Испании, и Дальнего, и Финляндии, и Прибалтики... В крови, слезах и муках рождает человечество новый порядок... О, он не будет гитлеровским. Не будут два миллиарда людей шагать по-прусски и орать «Хайль!». ...Не будет!.. Но решение вопроса потребует времени, сил, больших жертв. Глядишь в будущее и путь видишь дальний... Ничего, мы сумели выдержать семь лет в мировую и гражданскую войны... Мы выдержим и ныне,— столько, сколько будет нужно.

Пришли письма из Москвы — их доставляют герои-почтовики и летчики с риском для жизни. И каждая строка этих писем поэтому особенно остра, значительна... Каждое слово, написанное с фронта и на фронт, имеет углубленный, напряженный смысл. Признания имеют тысячекратную силу и ценность; чувствуешь, что вся история, весь смысл бытия могут быть вложены в немногие слова и понятия, написанные дорогой рукой. Эти слова: «Родина, дружба, любовь»...

Письма из Москвы и Ленинграда честные,— в них и горе, и твердость, и юмор. Так, как бывает в жизни... О, как глубоко поймут теперь миллионы людей диалектику бытия, сложность его, прелесть и тягость...— Читаю эти письма и не могу удержаться — даю в газету «Советская Эстония» полосу, очерк, цитируя голос Родины, смелый, заочно знакомя эстонцев с москвичами и ленинградцами.

Тревоги, заботы, дела... И в недолгие часы отдыха и перерыва читаю Ленина, тома о 1917—1920 годах. Хочется заново все вспомнить, пережить, продумать...— Бьют зенитки, разрывы высоко.

Вечером записи о подводной лодке «С». Лодка была в одном из районов настигнута немецкими катерами. Глубинные бомбы рвались 12 часов, методично. Лодка упорно молчала. В абсолютной, смертной тишине иные подводники играли — беззвучно!— в «козла» (домино)... Немцы бомбят, наши ждут, терпят... Лодку затем нащупали щупом, стали заводить сети. Лодка была действительно в лапах смерти. Не дрогнул никто. Все на местах. Дисциплина, упорство. Взяли, готовясь к всплытию, ручное оружие. Готовы были подедовски на абордаж... Всплыли ночью так стремительно, что немцы ошалели... Ушла русская лодка! ...— Хорошие ребята!

Ночью обход города, постов. Краткие беседы, наставления. Во мраке слабые огоньки при проверках, дыхание машин, скрип тормозов...

События все ближе.

23 августа. Уже роют окопы у могил балтийских моряков 1918 года — героев «Спартака» и «Автосилы». Это у окраины города. Опять на фронте... В дело вступают корабли. Слышны тяжелые залпы с рейда...

Огонь на участке все сильнее. Противник подтягивает к Таллину до 4 дивизий. Бои будут трудными.

Добиваюсь радиосвязи с «Правдой», местные эстонские связисты дали эту связь.

В редакциях идет обычная работа: отлично работает «КБФ» и «Советская Эстония», где действуют правдисты Д. Руднев, Н. Михайловский, Я. Гринберг и др. Газеты в последние дни боевые, в них пороховой дым. Главной пружиной всей этой работы является Военный совет и Политуправление КБФ. В оборону Таллина моряки вкладывают всю душу.

Тяжелая железнодорожная морская батарея своими залпами уничтожила уже до 600 немцев. На Т-ском шоссе дерутся моряки Костикова,— о нем уже слава на участке... Еще через день-два, прорывая окружение, Костиков был тяжело ранен; дал указания, все обеспечил; зарыл партбилет, попрощался, сказал: «Бейте фашистов, победа за нами!» — и стоически покончил с собой...

...Снаряды начали рваться в го-

роде. Морские учреждения продолжают работать. Готовится номер «КБФ». Редактор озабочен получением материала. Материал будет! Готовим листовку к балтийским морякам, приводим примеры героизма. Весь Пубалт в непрерывной работе. Пубалтовцы на баррикадах и в окопах.

Батальон, о котором я написал выше,— отражает атаки. Немцы виснут на проволоке. На другом участке была «психическая атака»: по-спортивному обнаженные фашисты шли на позиции моряков олимпийским шагом... Олимпиада? Моряки подпустили фашистов метров на 200 и скосили. Некоторых раненых немцев рвало... Они были пьяны...

Рабочее население Таллина продолжает оборонные работы. Газетчики несутся со свежими но-

Выдающийся советский драматург Всеволод Вишневский до конца своих дней был связан с военно-морским флотом. Первые дни Великой Отечественной войны застают его на Балтике, где он участвует в ожесточенных боях за Таллин.

Дневниковые записи той поры мы и предлагаем вниманию читателей.

мерами — там мой материал о Балтфлоте, портрет патриота Бринько, корреспонденции с участков.

Артогонь все интенсивнее. Снаряды рвутся у Пиритского и Нарвского шоссе. Корабли отвечают. Начались первые пожары. Погода переменная... Дважды была радуга... Потом небо затянуло тучами. Грохот канонады...

Встречаю члена ВС КБФ дивизионного комиссара Н. Смирнова. Он говорит: «Борьба на последнем рубеже. Будем стоять».

25 августа. Бой продолжается. Еду в город. Был в ТАССе. Работники на месте. Взял сводки за 2 дня — для Пубалта, для распространения в морских частях, в боевых листках и устно. В редакции делают газету. На фронт пошли десятки политработников. В армейских частях работают моряки-делегаты. Наши батареи бьются по-бородински и севастопольски, бьются в упор, выпуская весь боезапас, затем люди идут в штыки...

На компункте временами нет света. Разрывы тяжелых снарядов. Моряки контратакуют немцев. В четырех пунктах немцев погнали. Флот бьет частым огнем. Корректировщики работают в передовой линии.

Наши контратаки сказываются. Немцы начали подбрасывать к фронту группы диверсантов в форме краснофлотцев. Не выйдет это! Дано предупреждение... Немцы бьют агитснарядами, разбрасывают листовки. Видно, как, блестя на солнце, падают сотни листовок. Моряки замечают: «Ага, Геббельс опорожнился...» А за этим новая контратака. Погнали немцев на аэродром, километров на 7—8...— В этих схватках произошел такой эпизод: был окружен один краснофлотец. Ему кричат фашисты: «Рус, сдавайся!»— «Ну-ну!» и краснофлотец рванул «лимонку». Погиб сам и уничтожил восьмерых фашистов. Имя балтийца осталось неизвестным...

В контратаках на окраине города увидели мы и такое: пригвожденный, распятый, с пробитыми штыком ладонями, выколотыми глазами, обнаженный лежал труп нашего бойца. Рядом бескозырка... «Вперед!»— и моряки шли в новый, неукротимый бросок...

У окраины, к озеру, бился героический бронепоезд. Как немцы хотели его захватить! Не вышло.

Еду с материалом в «Советскую Эстонию». Редакция по-прежнему на месте, делают номер. Воздушная тревога. «Не обращать внимания: номер делать!» ...Правильно, тов. Руднев.

На корабль! На рейде разорвалось несколько шестидюймовых снарядов. Обстановка стала сложней. Корабли бьют. Крейсеру «Киров» объявлена благодарность за стрельбу. Бьют с рейда эсминцы, маневрируя среди разрывов шестидюймовых снарядов. В 17 часов со стороны солнца стремительный налет пикировщиков... Ага, вот они, темные «юнкерсы»... Несколько секунд жестокой стрельбы, вой моторов, взрывы пяти бомб... Крейсер цел... Привозят несколько раненых. Все очень быстро...

Сегодня солнечно... На шоссе встречные потоки машин, бойцов, раненых. Пахнет бензином... Шоферы водят машины — какие уже сутки!— без смены. Лица бледные, небритые... Окна многих кабин пробиты. Подножки машин в крови...— Прогоняют стадо, чтобы не досталось противнику... По рейду тянутся дымозавесы, они заволакивают и наш участок... Опять идут машины с моряками. Моряки кричат: «Можно немцев гнать!» Можно, это доказано в эти дни,— нужно действовать решительно.

Идут раненые... «Немцы делают вид, что сдаются. Подошли,— а они залп».— Ответим!— Начинаются вблизи, в парке, очереди автоматчиков. Ага,— вот этот немецкий прием, который должен вызвать крики: «Обошли, окружили». Моряки в ответ прочесывают местность... На крышах и на чердаках сняли до десятка «кукушек» и наблюдателей. Расстрел на месте.

К ночи пожары, ракеты... Моряки продолжают держать свои рубежи. За нами Ленинград, великий Ленинград!

27 августа. Артогонь с утра. Опять «кукушки»... Борьба идет за кварталы, за дома. Морские батальоны и роты опять кидаются в контратаки... У немцев был приказ: «Взять Таллин 24-го». Не вышло...— Пубалтовцы, политработники бросаются в голове частей, уничтожают точки немцев... Увозят раненых... Гул разрывов, дымы... Немцы в остервенении...

До трех тысяч таллинцев продолжают работать на оборонительных работах. Высовывающие нос типы из 5-й колонны попадают к стенке... Новые налеты авиации.

Корабли и батареи продолжают сильный огонь по противнику. Уничтожены новые колонны и батареи немцев.— Биться, товарищи!

12 час. 02 мин. Погас свет... Начались сильнейшие пожары и взрывы. Пожары тянутся на несколько километров.

Приказ о начале эвакуации.

Моряки, по участкам, обеспечивают прохождение частей армии, посадку на корабли. Снова переходят в контратаки... Упорные, золотые люди!.. Подрывники сквозь огонь идут к важнейшим объектам. Не оставлять фашистам ничего ценного из оборудования.

Над рейдом к 3—4 часам дня темно от дыма. Странные сумерки. Корабли вынуждены сигналить прожекторами и ратьером. Залпы, залпы... Картина напоминает мне «Гибель Помпеи»... Страшные, клубящиеся взрывы в Купеческой гавани... Отряды моряков продолжают биться...

— Вас отрежут!

— Пробьемся. Наше дело выигрывать час за часом,— обеспечивать эвакуацию.

Новые контратаки.

Читаем радиоперехват. Радио Берлина: «Балтийский флот окружен. Его коммуникации под ударами немецких морских сил и авиации. В Кронштадт не прорвется ни один корабль».

Морские летчики продолжают работу, хотя условия на новом аэродроме, к северу от Минной гавани, тяжелейшие. Один летчик, налетев на провода, разбился. (Летчик Полторак). В городе бушуют пожары. С проводниками к гаваням отходят последние отряды. Упорно стоит заслон морских курсантов. Товарищ Иоселев раскрыл группу диверсантов. Диверсанты стреляли в затылок по начсоставу. Диверсантов тут же уничтожили.

28 августа. Сырой день. Корабли оттянулись к островам Нарген и Вульф, но многие продолжают действовать на внутреннем рейде и в гавани. Там идет посадка и последние подрывные работы.

В 13 час. 25 мин. караван с Таллинского рейда тронулся. В поле моего зрения пока до 50 единиц. На корабле сосредоточенное спокойствие. Противник бьет по рейду, и снаряды его все ближе и ближе к Вульфу. Немецкий наблюдательный аэростат выдвинулся на новое место и просматривает сейчас весь наш выход на прорыв.

Я долго гляжу на Таллин... «Мы вернемся, Таллин!»

На берегу белые немецкие ракеты. Около четырех часов «юнкерс» кружит над рейдом и городом. Начинаются подрывные работы на Наргене и Вульфе. В 16 час. 40 мин. наш отряд начал движение. Поставлены караваны. Ряд падений тяжелых снарядов в относительной близости к нам. Ясно, что противник уже перекрывает тяжелой артиллерией выходы караванов. Огромные взрывы на Вульфе. Снова вой и свист снарядов — противник бьет, подтянув батареи, очевидно, на Вимси. Но пока не подбит и не уничтожен ни один корабль. Появляются «юнкерсы». Обостренное внимание... Вскоре огромный взрыв за нами.

Катера ставят завесы. Видны всплески по нашему курсу. В море видны первые шлюпки, наполненные людьми, очевидно, уж кто-то подорвался. Справа по борту от нас проходит шаровая мина. Видны две пустые шлюпки, круги. Стоит «Верония», рядом с ней несколько других судов. Проходим дальше.

Около 8 часов вечера. С эстонского берега бьет немецкая артиллерия. Вой и разрывы снарядов. Виден остов полузатонувшего катера. С визгом рвутся новые и новые снаряды. Мы на минном поле. Видны две, потом три мины. Батарея с полуострова Юминда бьет по нашему проходящему каравану. Осторожно, в последнюю минуту, отворачиваем от мин. Воздушный налет. Небо зловеще серое. В одном месте просвет. Видно, как садится багрово-раскаленное солнце. Впереди взрывы. Вверх взвивается гигантский столб белого дыма и пара. Вижу, как впереди быстро тонет разломанный надвое корабль. Это эсминец «Яков Свердлов». Артиллерия противника бьет по скоплению судов. Мы буквально пробираемся сквозь мины и разрывы. Да, это значительнее, грандиознее и трагичнее, чем Ледовый поход Балтфлота в 1918 году.

29 августа. Утро. Веду записи непрерывно. Непрерывные тревоги. Слышны взрывы. Атака торпедных катеров противника. Бьем главным калибром. Один катер утопили. Отражаем воздушную атаку. Число воздушных налетов даже не удалось подсчитать... Пике на нас... Еще! На одном транспорте пожар. Видно, как один «юнкерс» садится на воду, другой «юнкерс» зачем-то пикирует на маяк и бесцельно сбрасывает бомбы по островочку. Продолжаем поход. Снова отбиваем воздушные атаки. Все это, как у Данте — прохождение по кругам ада.

10 час. 10 мин. утра. Опять налеты. Пикируют на нас. Бьем главным калибром. Бомба упала между нами и «Минском». Снова самолеты.

В 12 час. 05 мин. появились наши ястребки. Иные кричат «ура». Мы почти сутки шли без всякого прикрытия со стороны авиации.

15 час. 25 мин. Виден Кронштадт... Приходим, наконец, в Кронштадт. На минзаге «Марти» выстроена вся команда. Она приветствует флот, героически прорвавшийся из окружения. Капитан 1 ранга Мещерский этим актом приветствия глубоко нас тронул. Это было и чутко и умно.

Я заканчиваю свои записи об этой фазе операций. Я много продумал за дни обороны Таллина. Балтийский флот сделал все, что было в человеческих силах. Совершены сотни актов беспримерного в истории морских войн героизма. Балтийцы не запятнали своей чести ничем... Дрались упорно. История запишет прорыв Балтийского флота в ряды славнейших дел.

* * *

Август 1944 года (Кронштадт)— Перечитываю свои записи о Таллине. Нахлынули острейшие воспоминания. Балтийский флот с неизменным упорством, четвертый год ведет борьбу, беспримерную и замечательную.

Мы побеждаем.

Мы вернемся в Таллин!

Публикация М. Ангарской

Т. ПРИЛУЦКАЯ

Паоло Веронезе

«Сего 18-го дня июля месяца 1573 года, в субботу.

Призванный в инквизицию, перед лицо священного трибунала, Паоло Кальяри Веронец (Веронезе), проживающий в приходе святого Самуеле и спрошенный о его имени и фамилии, ответил так:

На вопрос о профессии.

Ответ. Я рисую и пишу фигуры.

Вопрос. Известны ли вам те причины, по которым вы сюда призваны?

Ответ. Нет.

Вопрос. Представляете ли вы себе, каковы эти причины?

Ответ. Я могу себе их представить».

Так начинается протокол заседания венецианской инквизиции по обвинению художника Паоло Веронезе, а вернее, его живописи, в неблагочестивости и прямом «унижении и осмеянии положения святой католической церкви».

Что же привело к тому, что в Венеции, славной своими демократическими традициями и смелым свободомыслием, темные силы инквизиции обрушились на одного из самых блистательных и прославленных живописцев Италии эпохи Возрождения — Паоло Веронезе?

Ответом на этот вопрос может быть только живопись великого художника, в которой с удивительной яркостью отразились события и настроения его тревожного, но еще полного героического величия времени.

Углубиться в мир живописи Веронезе — это значит вдохнуть аромат его эпохи, затеряться в шумной толпе участников пиров, приобщиться к торжественной строгости патрицианского этикета и вдруг за этим блеском и чопорностью неожиданно ощутить тревожную ноту печали в холодном сумраке ночного пейзажа или в меланхолическом взгляде молодого аристократа.

Веронезе — последний из плеяды прославленных живописцев итальянского Возрождения, «великих венецианцев», чье искусство осталось в веках как чудо преображения жизни в волшебную, праздничную живопись. Подобно своим великим современникам — живописцам Центральной Италии Леонардо да Винчи, Рафаэлю и Микеланджело, художники Венеции наделяли своих персонажей героическими характерами, глубиной и благородством чувств. Драгоценные полотна венецианцев Тициана и Джорджоне — гениальных учителей и предшественников Веронезе — хранят в глубокой звучности своего колорита остроту чувства, трепетного, почти осязательного ощущения живого тепла человеческого дыхания и щедрого богатства природы.

Жизнелюбие этих мастеров возникло не из беспечного незнания трудностей жизни, ее трагических катастроф, а из их духовного преодоления и уверенности в победе гуманистического начала.

В годы, когда гордое свободомыслие Возрождения терпело поражение от католического мракобесия, а национальная гордость итальянцев была растоптана испанскими завоевателями, Венеция осталась единственной надеждой всей страны, одна сохранила свою независимость, богатство, престиж, стойко хранила высокий дух искусства великих мастеров Возрождения.

Начало пятидесятых годов XVI века — период блестящего расцвета Венеции. В среде художников появился Паоло Кальяри, молодой человек, уроженец маленького города Вероны, за которым быстро закрепилось прозвище, ставшее в будущем его славным именем,— Веронезе — веронец. Современники пишут о Веронезе: «Он был полон благородства, изящества и непринужденности, и о нем нет ни анекдотов, ни нескромных историй». Эти же качества — благородство, изящество и непринужденность — в сочетании с глубокой сердечностью чувства присущи и героям живописи Веронезе, в которой, по словам восхищенного Репина, «скрыты граждане его времени в поэтической обстановке, взятой прямо с натуры».

Родился Веронезе в 1528 году. Несколько поколений его семьи занимались каменотесным делом, и юноше предстояло унаследовать традиционную профессию своего рода. Но редкие способности к живописи и встреча с выдающимся архитектором Микеле Санмикели, ощутившим в молодом художнике незаурядный дар монументалиста, мастера декоративной живописи, определили судьбу Веронезе. Он копировал рисунки Рафаэля, стремясь обрести свободу и выразительность линии, изучал гравюры великих североевропейских мастеров Альбрехта Дюрера и Луки Лейденского, открыв у них неведомую итальянцам остроту характеров, увлекательность непосредственного наблюдения жизни. Но не меньше занимало его и утонченное, манерное и изящное искусство художников Северной Италии, процветавшее при замкнутых дворах аристократии.

Уже первые работы Веронезе приковали к нему изумленное внимание венецианцев. В 1553 году он принял участие в живописном украшении Дворца Дожей — центра государственного управления республики Святого Марка. Пышность оформления Дворца Дожей должна была соответствовать гордому политическому престижу Венеции, неповторимости внешнего облика этого сказочного дворца.

В его залах решались судьбы не только Венеции, но и всей Италии. Цикл росписей, заказанный художникам, должен был стать апофеозом города, стойко сопротивлявшегося бедам, обрушившимся на Италию, апофеозом его четкого законодательства и несокрушимой государственной силы. Литературную программу росписей составили крупнейшие гуманисты Венеции. Искусство должно было обращаться к своим современникам на языке привычном и любимом, возвышенном и торжественном — языке аллегории. Справедливая и карающая власть Совета Десяти, державшего в руках всю сложную систему управления и искусной дипломатии Венецианской республики, вызвала в воображении авторов росписей, философов и художников, образ могучего громовержца Юпитера, мечущего свои смертоносные молнии в пороки — измену, взяточничество, казнокрадство.

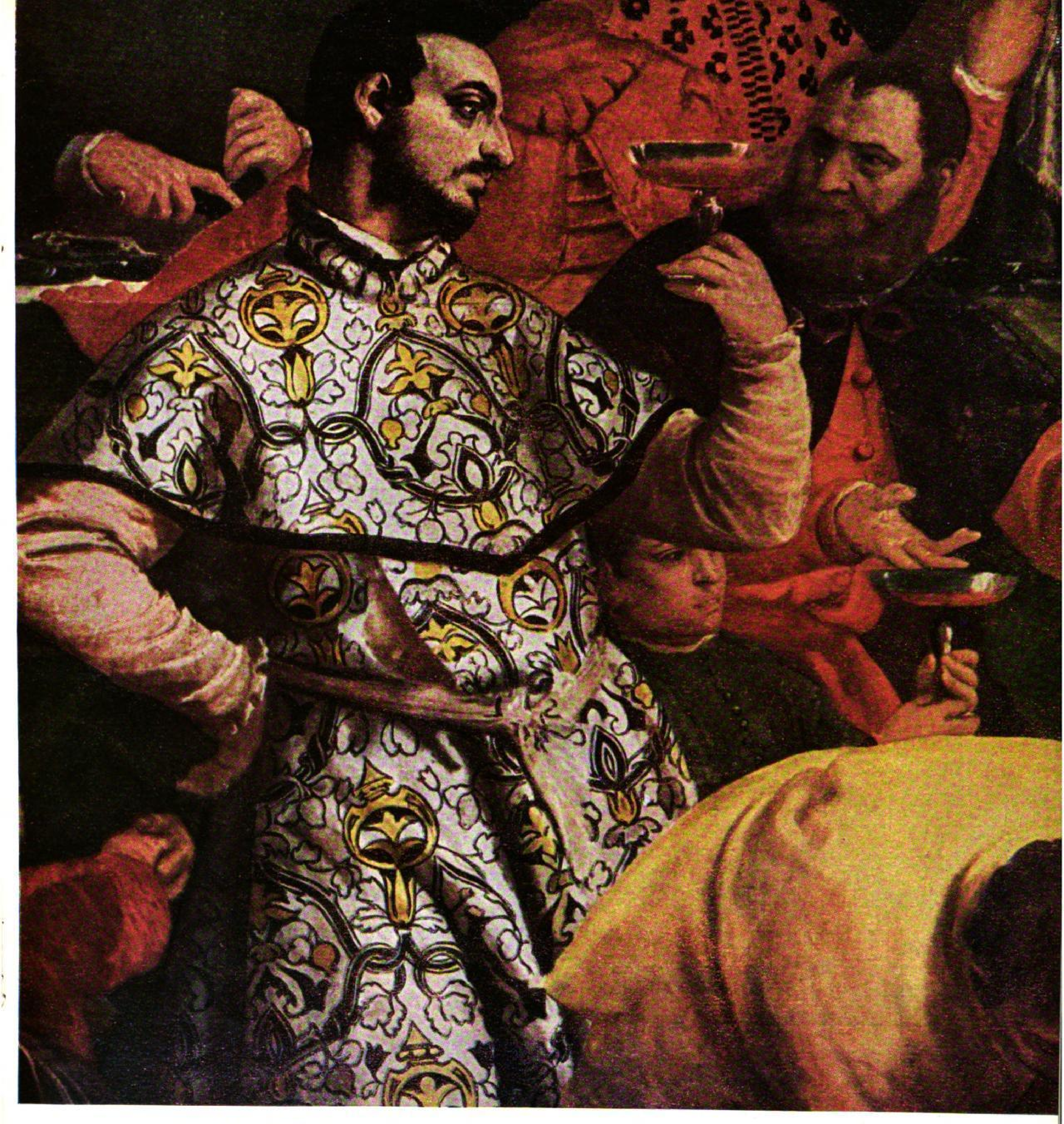
Хотя Веронезе работал над этими росписями в содружестве с другими художниками, можно смело считать его вдохновителем и создателем этого художественного ансамбля. В головокружительных ракурсах нависают над зрителем сильные и прекрасные тела античных богов, роскошные драпировки их одежд на фоне бурных облаков и яркой голубизны неба...

В своей жизни Веронезе не раз еще обращался к декоративной живописи, связанной с архитектурой. Созвучие этих двух искусств, обогащенное скульптурой, породило одно из лучших произведений венецианского искусства XVI века — художественное оформление знаменитой виллы Барбаро, или виллы Мазер. Расположенная в живописных окрестностях Венеции, у подножия Азоланского холма, эта вилла принадлежала семье утонченных философов и гуманистов, братьям Даниеле и Антонио Барбаро — большим друзьям Веронезе. Овеянное легкой меланхолией созерцание природы, изысканные наслаждения, которые может дать музыка, литература и живопись, составляли своеобразную программу художественного оформления этой идиллической виллы гордых и велеречивых венецианцев.

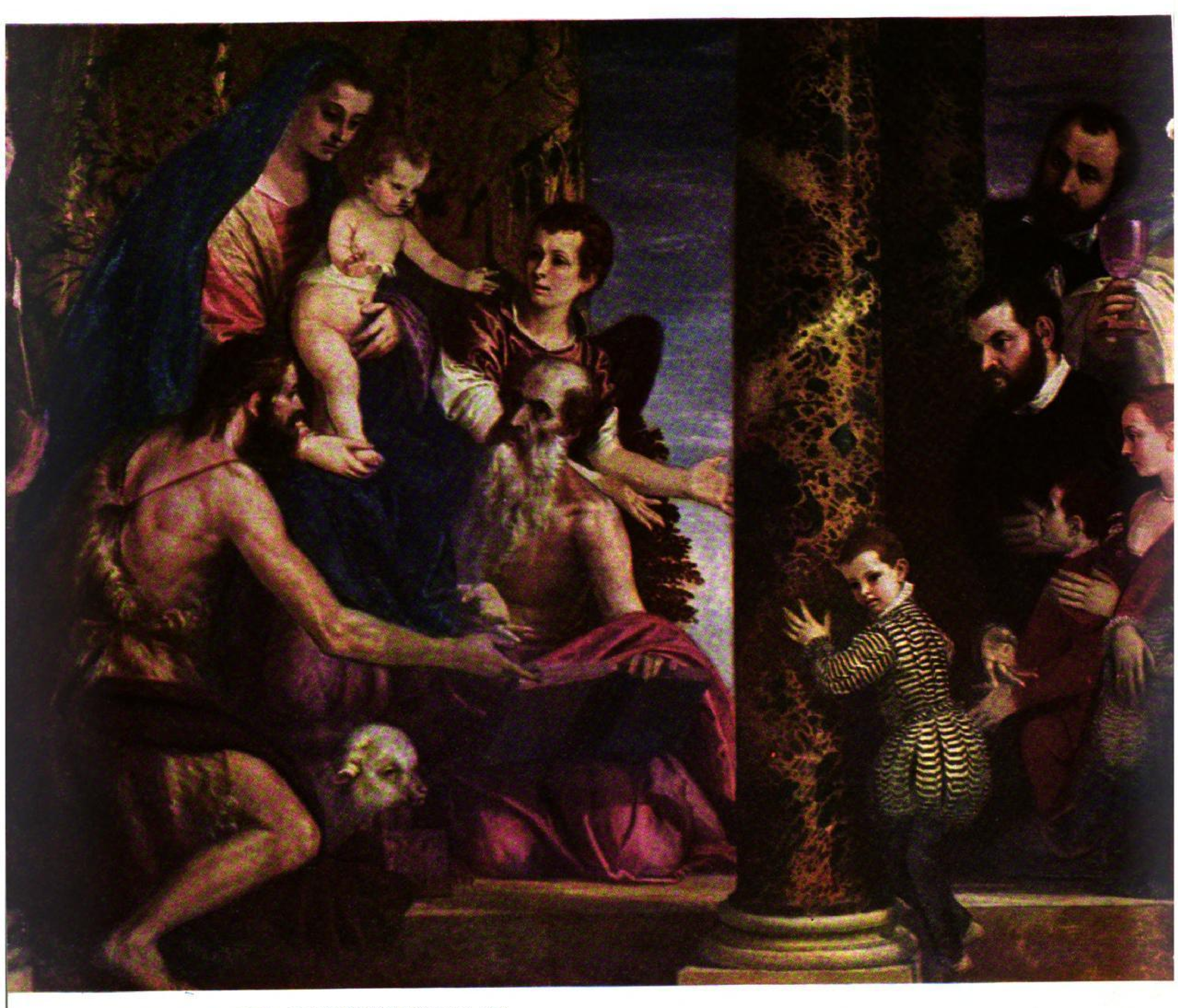
В создании виллы Мазер встретились три крупнейших мастера того времени: замечательный архитектор Андреа Палладио, скульптор Алессандро Витториа и живописец Паоло Веронезе. Сквозь легкие колоннады, между беломраморной скульптурой просматриваются перспективы парка, а из центрального зала расходятся анфилады комнат. Их стены покрыты фресками. На одной из стен Веронезе написал аллею, ведущую к фасаду виллы со скачущими всадниками и движущимися каретами. Художник с шутливым изяществом использует в своей живописи эффекты обмана зрения, изображая на стенах ложные проемы дверей с фигурами входящих гостей и слуг. Под сводами «зала Олимпа», рядом с аллегорическими фигурами античных богов, он поместил хозяйку виллы Джустиниани Барбаро, задумчиво следящую за игрой своих сыновей.

Словно легкие тени живых обитателей виллы, их молчаливые двойники, эти персонажи сопутствовали повседневной жизни, внося в нее едва уловимый оттенок театральности, невинного маскарада, поэтической игры фантазии. Любезный юноша на одной из фресок с поклоном раскрывал двери, приглашая войти в свой мир, мир, где мечта перекликается с живым наблюдением, в мир прекрасной иллюзии искусства. Эти жанровые персонажи росписей виллы Барбаро были посредниками между буднями людей и идеальным бытием олимпийских богов — Венеры и Флоры, Вакха и Цереры, населявших в изобилии своды и стены залов.

Но сколь ни сладостен был скрытый от взоров толпы покой поэтического уединения и самосозерцания загородных вилл, он не мог удовлетворить деятельную натуру живописца. Жизнь Венеции наполнена страстями и событиями. Последняя, но блестящая победа венецианского флота над турками при Лепанто хоть и не помогла восстановить ее

П. Веронезе. 1528—1588. БРАК В КАНЕ. (Фрагмент) 1563. Париж. Лувр.

П. Веронезе. МАДОННА С СЕМЕЙСТВОМ КУЧЧИНА 1571.

Дрезден. Картинная галерея.

П. Веронезе. ВЕНЕРА И МАРС. Начало 1580-х годов.

Нью-Йорк. Метрополитен-музей.

пошатнувшееся торговое могущество, но вызвала народный энтузиазм, подъем веры в свои силы.

В этом городе, где сама природа и архитектура представляли собой праздничное зрелище, полное блеска и ярких красок, вечной игры солнечных бликов на глади каналов и цветных стенах палаццо, государственные торжества и церемонии носили поистине сказочно-пышный характер.

В такие дни из окон и с балконов мраморных палаццо свисали драгоценные восточные ковры, воды Большого канала кипели под всплесками весел ярко украшенных гондол, а по набережной плыла такая веселая, пестрая толпа, что, пожалуй, только живописи, с таким бесконечно богатым чувством цвета, как венецианская, было под силу вместить это бурное ликование жизни.

Этой праздничной Венеции, городу пышных пиров и торжественных процессий, родине певцов и музыкантов, гордых аристократов и ловких проходимцев, знаменитых по всей Италии златокудрых красавиц и практичных купцов, посвятил свои лучшие картины 60—70-х годов Веронезе.

Его знаменитая картина «Брак в Кане» — живая энциклопедия венецианского общества этих лет, его нравов, типов и характеров. Евангельская легенда о чудесном превращении Христом воды в вино во время бракосочетания в Кане отступает в картине перед чисто светским, свободным и смелым повествованием о жизни города, захватившей Веронезе. Сто тридцать восемь персонажей в картине — это сто тридцать восемь неповторимых типов, образующих бурлящую толпу, несмотря на свою почти необозримую многоликость, лишенную хаотичности или монотонности, столь часто сопутствующих многофигурным композициям. Рассматривать картину бесконечно увлекательно.

Среди именитых гостей, пирующих за гигантским столом, мы встретим и турецкого султана Солимана I, и английскую королеву Марию, и императора Карла V. Запомнится красивое и надменное лицо венецианского купца в тяжелых парчовых одеждах, поднявшего бокал с золотым вином. А в центре картины художник разместил группу музыкантов, в которых современники без труда узнавали известных художников Венеции: Тициана, по словам Веронезе, «отца живописи», играющего на огромном контрабасе; мастера народного жанра Бассано, самого автора — элегантного мужчину, играющего на виоле да гамба. Вокруг пирующих суетятся слуги, у их ног дремлют великолепные охотничьи собаки, а сверху, с мраморной балюстрады, с балконов и карнизов дворцов, свесились веселые зеваки. Вдали мелькают фигуры солдат и разносчиков, ведутся громкие споры, подогретые хмелем и общим радостным настроением.

В серии «пиров» Веронезе острая и живая наблюдательность, чувство современности и неисчерпаемая фантазия обретают монументальный размах. Но именно этот пафос земного величия жизни, восторг перед ее радостной и необузданной стихией и навлекли на мастера гнев всесильной инквизиции.

Вернемся к процессу 1573 года. Карлики и шуты, пьяные солдаты и мальчишка с разбитым носом, нищие, собаки, попавшие на «Тайную вечерю», в картине Веронезе показались св. отцам угрожающе антицерковными.

И на эти обвинения Веронезе отвечал с обезоруживающей чистосердечностью и уверенностью в своей правоте: его герои — это сама жизнь. «...Мы, живописцы, пользуемся теми же вольностями, какими пользуются поэты и сумасшедшие, и я изобразил этих людей с алебардами,— как один из них пьет, а другой ест, чтобы оправдать их присутствие в качестве слуг, так как мне казалось подобающим и возможным, что хозяин богатого и великолепного, как мне говорили, дома должен был бы иметь подобных слуг...»

Это столкновение художника с инквизицией вводит нас в тот новый и тревожный период в жизни республики Святого Марка, который наступил в 70—80-е годы XVI века. Усиливалась власть церковной инквизиции, все меньше оставалось возможностей в руках у богатых венецианских купцов после открытия португальцами морского пути в Индию. Стихийные бедствия потрясли своей жестокостью венецианцев. Чума 1575—1577 годов сократила на треть население Венеции; страшные пожары во Дворце Дожей в 1574 и 1576 годах были восприняты почти с мистическим ужасом. Ощущение надвигающейся катастрофы еще не захватило глубоким пессимизмом умы и сердца людей, но заставило их строже и собраннее ощутить ответственность и свою неотъемлемость от судеб всей страдающей Италии.

Художникам открылась большая сложность человеческих характеров, общественных взаимоотношений. Не в идеализации героев, а в силе и мужестве своих современников, в их благородстве и душевной теплоте находит Веронезе тему искусства этих лет.

70-е годы — это время высших достижений его живописи. К шедеврам этой поры относится его знаменитая картина, хранящаяся ныне в Дрезденской галерее, «Мадонна с семейством Куччина».

Непривычно удлиненный формат картины, плавное движение фигур ведут за собой взгляд зрителя, постепенно разворачивая перед ним величавое течение жизни. Композиция картины подобна спокойно льющейся музыкальной фразе, замирающей в ритмичных паузах, полно звучащей в мерных аккордах и непрерывной в чистом голосоведении каждого регистра.

Художник обратился к условной и весьма распространенной теме поклонения Мадонне. Но торжественная церемония, свидетелями которой мы являемся, захватывает нас не столько чудом божественного явления Мадонны, сколько благородством и достоинством семьи венецианских нобилей.

Три прекрасные фигуры — Вера, Надежда, Милосердие. Они бережно поддерживают смертельно больного юного Антонио Куччина в его печальном и взволнованном порыве. Истинная героиня этой картины, величавая мать семейства Дзоанна Куччина,— прекрасная, сильная натура. Она внутренне напряжена, полна забот и печали. Ее зрелая красота жива и многолика, кажется более привлекательной, чем совершенная красота Веры и Надежды. Прелестные образы детей вносят в картину теплоту и сердечность, композиция наполнена печалью и едва уловимым чувством хрупкости счастья.

Работы последних лет жизни Веронезе отличаются особой изысканностью, почти ювелирной драгоценностью отделки. Такова его поздняя композиция Марс и Венера. Блеск золотых украшений, шуршание тяжелого шелка, перламутровые переливы живописи... Необычайно изощренным становится цвет, серебристая дымка объединяет сверкание сочных и ярких тонов и общую благородную тональность. Настроение рассеянной задумчивости, царящее в картине, далеко от апофеоза жизни в ранних вещах Веронезе.

Наряду с поэтически прекрасными картинами, подобными этой, в поздние годы в его творчестве появляются и мрачные, трагические ноты.

Веронезе умер в 1588 году, он последний воспел силу и цельность образов Возрождения, и он же открыл будущим поколениям художников XVII века сложность и остроту понимания современности, ощущение истории как реальной жизни народа во всей радостной и трагической многоликости его судеб.

Вечный Фауст, вечный Ромео

...Есть вечные сюжеты; из поколения в поколение волнуют они умы великих поэтов и композиторов. Такова и легенда о докторе Фаусте: к ней обращались Берлиоз и Вагнер, Лист и Рубинштейн, Шуман и Бойто. Любовь к гетевскому Фаусту пронес через всю жизнь Шарль Гуно.

В связи со 150-летием со дня рождения выдающегося французского композитора мы обратились к исполнителю партии Фауста в последней постановке Большого театра, заслуженному артисту РСФСР А. Масленникову с просьбой рассказать об операх Гуно на русской сцене.

— Гуно больше других приблизился к замыслу Гете. Правда, социально-философский смысл произведения остался за страницами партитуры, зато вальсы, лирические сцены, каватины, речитативы и куплеты Зибеля, баллада Мефистофеля из «Фауста» навсегда полюбились артистам и зрителям.

Помните великолепную музыку «Вальпургиевой ночи» в «Фаусте»? Она была написана еще в Италии, когда юный Гуно посетил остров Капри. А в оперу эти сцены были включены только в 1869 году, через 10 лет после премьеры. Тогда же были заменены речитативами разговорные диалоги, а знаменитый «Хор солдат» первоначально назывался «Хором казаков» и входил в оперу «Иван Грозный», партитуру которой недовольный ею Гуно, требовательно и сурово относясь к своему творчеству, уничтожил.

Успех и популярность «Фауста» росли с годами. Выдающиеся певцы считали честью для себя выступить в операх Гуно; в них проверялись их профессиональные данные, мастерство, выразительность.

Великий композитор сочинил больше 12 опер, множество месс, хоралов, ораторий, романсов... но слава его — это «Фауст» и «Ромео и Джульетта». В 20 лет Гуно стал обладателем Римской премии: ее присуждали лучшим музыкантам, скульпторам, живописцам. Кстати сказать, Гуно великолепно рисовал. Когда его рисунки случайно увидел знаменитый Энгр, он почти всерьез предложил: хотите, через три года вы станете обладателем Римской премии и по живописи? Но Гуно остался верен музыке.

...На русской сцене «Фауста» впервые исполняла итальянская труппа; в 1869 году опера была поставлена Большим театром.

Перечитывая воспоминания Ф. И. Шаляпина, удивляешься дерзости, глубочайшей убежденности и силе, с которыми он, 24-летний певец, восстал против традиционного исполнения Мефистофеля в «Фаусте». С годами он совершенствовал, углублял образ.

Когда появился Собинов, партии Ромео и Фауста считались запетыми: по традиции их изображали слащавыми оперными любовниками. До того, как приняться за партию Ромео, Собинов предпринял поездку по городам Италии, изучал эпоху в картинных галереях и по редким книгам. Ромео — Собинов был прекрасен во всем: его костюм буквально списан с фресок мастеров Возрождения, а пластику движений он подметил в позе юноши на памятнике Леонардо да Винчи. Ромео Собинова — пылкий, страстный, одухотворенный — до сего времени непревзойден.

Советские зрители знают многих исполнителей в операх Гуно. Среди них замечательные певцы: С. Лемешев, И. Козловский, А. Пирогов...

А. Масленников в роли Фауста.

ТРАГЕДИЯ

3

В предыдущей главе мы далеко не исчерпали всей той горечи, какую пришлось испить Маяковскому в годы, когда им были написаны лучшие, самые талантливые произведения. Мы еще скажем, как особенно горьки и тяжелы были последние месяцы, недели и дни его жизни. А сейчас коснемся другой стороны трагедии.

На первый взгляд кажется: Маяковский не был изолирован в литературной среде. У него были товарищи, соратники, друзья. По крайней мере так выглядит это, когда читаешь воспоминания о нем.

В 1963 году вышла объемистая книга «В. Маяковский в воспоминаниях современников». Добрая половина ее авторов претендует на то, чтобы называться «ближайшими» или «самыми близкими» друзьями великого поэта. В той же книге находим мы воспоминания Н. Сереброва (Александра Николаевича Тихонова) — одного из организаторов издательства «Парус», где вышел в 1916 году первый сборник Маяковского, «Простое как мычание». Н. Серебров не афиширует себя другом поэта, и вот что он рассказывает:

«У Маяковского было много врагов. Он называл их «буржуями», «мещанами», «фармацевтами» и «обозной сволочью». Они травили Маяковского в прессе, гоготали на его пьесах, дружески внушали ему, что он исписался, и ехидно спрашивали, когда же он, наконец, застрелится.

Горький не раз его учил, что «в драке надо всегда считать себя сильнее противника». Маяковский не всегда следовал этому совету.

На эстраде и вообще на людях он держался плакатно, а кто знает, сколько ночей он провел без сна, мучаясь от тоски, уязвленного самолюбия и неуверенности в своих силах.

В одну из таких ночей я встретил его в Москве. По высохшему руслу Кузнецкого он накатился на меня сверху, от Лубянки, огромным черным валуном.

Столкнулись на Неглинной.

— Сто лет!.. Почему не заходите?

Пошли вместе шагать по Москве и прошагали до рассвета: то он провожал меня на Пречистенку, то я его на Лубянку.

Москва спала. Во всем городе только и разговаривали мы двое да паровозы на вокзалах.

— К черту! — гудел он, раздавливая американской подошвой Моховую улицу.— Довольно тыкать в меня Пушкиным... Надоело... Слава, как борода у покойника, вырастет у меня после смерти. При жизни я ее брею...

У Пушкина — длинная. Уже столетие, как ее расчесывают... А где мой Белинский? Кто — Вяземский? Друзья?.. У меня нет друзей...

— К черту! — гудел он, протыкая тростью Тверскую.— Легко сказать — плюнуть... Я уж не плюю, а харкаю кровью...»

Да, Маяковский мог завидовать Пушкину. У того был не только Белинский, который при жизни поэта оценил его гений, был не только Вяземский, но и другие искренние друзья и соратники в литературной борьбе — Жуковский, Батюшков, Дельвиг, Кюхельбекер, Рылеев, Пущин, Баратынский, Языков...

Среди друзей Маяковского не было ни одного, кто любил бы его так, как любил Пушкина, скажем, Пущин, который писал из ссылки по поводу гибели поэта: «Кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история и если б я был на месте К. Данзаса, то роковая пуля встретила бы мою грудь: я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достояние России...»

См. «Огонек» №№ 16, 23.

Многие из тех, кто называл себя друзьями Маяковского, и даже из тех, кого он сам относил к друзьям, на деле оказались мнимыми друзьями.

В своем «Толковом словаре» Владимир Даль так объяснил слово «мнимый»: «на одном только мнении основанный, неистинный, неподлинный, призрачный и воображаемый, видимый и обманчивый». Эти определения как нельзя более подходят к тем друзьям Владимира Маяковского, о коих будет здесь речь. Необходимость же поговорить об этих друзьях, сказать о них мнение, основанное на фактах и документах, показать их в истинном, подлинном виде и тем самым освободить от призрачного, воображаемого ореола, видимой и обманчивой славы друзей великого поэта — такая необходимость есть, и вызывается она следующими обстоятельствами.

Некоторые из друзей Маяковского (пока будем употреблять это слово без кавычек) и при жизни злоупотребляли его доверием, а после смерти стали использовать славу великого поэта для собственного возвеличивания, не останавливались перед искажением фактов.

Мы назовем пока одно имя, которое особенно часто связывают с именем Маяковского,— это Осип Брик. Кое-кто изображает дело так, будто Осип Брик был чуть ли не наставником Маяковского, его идейным руководителем. Да, да, это не шутка. Однажды один из близких к Л. и О. Брикам писателей на вопрос, кто такой Осип Брик и какое отношение он имел к Маяковскому, ничтоже сумняшеся ответил: «Осип Брик для Маяковского был тем же, чем Фурманов для Чапаева».

Доверчивый Н. Асеев считал Брика «кладезем премудрости» и говорил, будто «Брик был великолепно оснащен знаниями как теории искусства, так и классиков марксизма». Мудрецом и теоретиком предстает О. Брик в воспоминаниях В. Шкловского: «Брик главным образом все теоретически осмысливал». Можно встретить и такие заявления, будто «единственным советчиком Маяковского, которому он доверял больше, чем себе, был О. М. Брик». В 1958 году в сборнике «Новое о Маяковском» Л. Брик писала: «Осип Максимович был моим первым мужем. Я встретилась с ним, когда мне было 13 лет. Это был 1905 год. В гимназии, в которой я училась, он руководил кружком политэкономии. Обвенчались мы в 1912 г. Когда я сказала ему о том, что Маяковский и я полюбили друг друга, все мы решили никогда не расставаться. Маяковский и Брик были тогда уже близкими друзьями, людьми, связанными друг с другом близостью идейных интересов и совместной литературной работой. Так и случилось, что мы прожили нашу жизнь, и духовно, и большей частью территориально, вместе»[1].

Пришло время сказать, что в этом заявлении правда, а что неправда. Правда то, что двое из них, Л. Брик и О. Брик, «и духовно, и большей частью территориально» (до самой смерти О. Брика в 1945 году) прожили вместе. А Маяковский? В 1916—1917 годах он служил в Петрограде, жил в гостинице и некоторое время в квартире Бриков. В начале 1919 года переехал в Москву и получил комнату в Лубянском проезде. В 1926 году устроил квартиру Брикам в Гендриковом переулке и сам имел там маленькую комнатку. Но работал и большую часть времени проводил в комнате на Лубянке. Неверно и то, будто Маяковский и Брик были связаны «духовно».

[1] Литературное наследство, том 65. Новое о Маяковском. Изд-во АН СССР. Москва, 1958, стр. 101.

Посмотрим, что же на самом деле представлял собою О. Брик? Тот же В. Шкловский, который изображает его теоретиком и мыслителем, сообщает, что ко времени знакомства с Маяковским «Ося Брик не писал и литературу презирал». Л. Брик, к тому времени уже ставшая женой О. Брика, так дополняет это сообщение:

«До этого времени у нас к литературе интерес был пассивный. Правда, в студенческие времена, еще до того, как мы поженились, Ося с двумя товарищами надумали заработать деньги и написали роман под заглавием: «Король борцов». Печатать и продавать его решили выпусками, как Ната Пинкертона: первый выпуск, с соответствующей картинкой на обложке, газетчикам понравился и прошел хорошо, второй вышел с небольшим опозданием и прошел хуже, а третий сдали чуть ли не через месяц после второго. Газетчик посмотрел презрительно и сказал: «Я думал, что это роман, а это плетенка».

В первые годы Советской власти расторопный Брик оказался одним из руководителей издававшейся в Петрограде газеты «Искусство коммуны». В. Шкловский даже утверждает, что именно «Брик издавал газету «Искусство коммуны». Газета имела псевдореволюционный характер, отличалась левачеством и грубым утилитаризмом в вопросах искусства. И, пожалуй, резче всего это ошибочное направление газеты проявилось в публикациях О. Брика.

Маяковский, как известно, напечатал в газете «Искусство коммуны» несколько стихотворений. Но как различны и даже противоположны были его взгляды на искусство и взгляды О. Брика!

В № 1 «Искусства коммуны» на первой странице напечатано стихотворение Маяковского «Приказ по армии искусства» и рядом статья О. Брика «Дренаж искусству». В своем «Приказе» — молодом, задорном, вдохновенно революционном стихотворении — поэт требовал сделать искусство массовым, народным:

Довольно грошовых истин.
Из сердца старое вытри.
Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры.

Он сокрушался, что «книгой времени тысячелистой революции дни не воспеты», говорил об огромной вдохновляющей роли искусства в борьбе за социализм:

Это мало — построить парами,
распушить по штанине канты.
Все совдепы не сдвинут армий,
если марш не дадут музыканты.

А к чему звал, что декларировал О. Брик в статье, помещенной рядом с «Приказом» Маяковского? Вот главные ее мысли: «Для пролетариата идея — ничто, пока она не воплощена, не на пути к воплощению», надо

ПОЭТА

А. КОЛОСКОВ

творить «не идейный чад, а материальную вещь», «не идея, а реальная вещь — цель всякого истинного творчества».

Не менее показателен и другой случай. Опубликовав в № 2 «Искусства коммуны» неверное в своих полемических выпадах против «генералов классиков» стихотворение «Радоваться рано», Маяковский поспешил исправить ошибку и уже через две недели, в № 4 газеты, напечатал стихотворение «Той стороне», где дал ясно понять, что его отрицание «генералов классиков» направлено прежде всего против тех, кто противостоит революции, кто «за целость Венеры... готовы щадить веков камарилью». Стихотворение заканчивалось четко выраженной мыслью:

Когда ж
прорвемся сквозь заставы,
и праздник будет за болью боя,—
мы
все украшенья
расставить заставим —
любите любое!

В том же номере «Искусства коммуны» появилась статья О. Брика «Уцелевший бог». В противоположность Маяковскому он продолжал настаивать на отрицании классического искусства. Брик негодовал, что победоносный пролетарий «боится вступить» в храм красоты и низвергнуть бога искусства. Он возмущался, что «не знающий жалости, революционер с пеной у рта защищает Пушкина, Рафаэля, Микель-Анджело и прочих «святых отцов» искусства». Правда, в статье сказано, что «никто не собирается уничтожать сочинений Пушкина, ни сжигать картин Рафаэля, ни разбивать статуй Микель-Анджело», что «речь идет исключительно об ореоле святости». Но дальше он писал: «надо ежедневно плевать на алтарь искусства»,— сказал Маринетти. Он прав. Слишком много святости, слишком много идолопоклонства в нашем подходе к искусству, слишком мало сознательного отношения и трезвой критики». Одну за другой Брик приводил цитаты из высказываний идеолога итальянского империализма Маринетти о том, что в старой картине можно найти только «тягостную судорогу художника», что «восхищаться старой картиной — это означает: изливать нашу чувствительность в погребальную урну» и т. д.

Позже, когда Маяковский организовал выпуск журналов «Леф» и затем «Новый Леф», О. Брик делается постоянным участником этих изданий, а позиции его в области искусства, с небольшими изменениями во времени, остаются теми же — вульгаризаторскими, антимарксистскими.

В «Лефе» и «Новом Лефе» Маяковский хотел объединить силы, которые помогали бы отстаивать революционную, партийную линию в литературе и искусстве. Но, на свою беду, он много доверял Брику. Ему, Брику, принадлежала роль некоего организатора теоретических сил Лефа, а он подбирал их по собственному образу и подобию. Отсюда такое резкое противоречие между революционной практикой Маяковского и вульгаризаторскими, ликвидаторскими взглядами теоретиков Лефа, как «старого», так и «нового». И снова мы видим О. Брика на «передовых» позициях антимарксистского вульгаризаторства. В статье «Т. н. формальный метод» Брик утверждал, что «нет поэтов и литераторов, есть поэзия и литература», что «история поэзии — история развития приемов словесного оформления». В статье «Не в театре, а в клубе», говоря о неудачных попытках В. Мейерхольда «взорвать» театр изнутри, Брик иронизировал, что его взрывать незачем: «Пусть стоит архивным памятником искусства старины». Он считал, что рабочим достаточно клуба, в крайнем случае им можно дать цирк и эстраду. В статье «От картины к ситцу» Брик утверждал, что «картина умирает», так как «она неразрывно связана с формами капиталистического строя», и доказывал, что в «центре творческого внимания становится теперь ситец». «Станковая картина,— писал Брик,— не только не нужна современной, нашей художественной культуре, но является одним из самых сильных тормозов ее развития». В статье «Противоядие» он требовал изгнать из кино всякую эмоциональность, оставить один голый факт: «Нужно совершенно откровенно говорить, что в кинофильме мы не собираемся возбуждать ни радость, ни печаль, что мы хотим только показать нужные факты и события».

В отдельных своих публикациях Брик прямо противостоял Маяковскому, его литературно-политической линии. Он напечатал в «Новом Лефе» статью о романе А. Фадеева «Разгром», назвав ее «Разгромом Фадеева». Брик резко отрицательно отзывался о романе, а Маяковский вскоре после этого заявил: «Разгром» Фадеева для нас важнее записок фактовички Дункан»,— тем самым открыто опровергнув отзыв Брика и его теоретические установки на голый фактовизм.

В. Шкловский, вспоминая времена Лефа, писал:

Поэзия Лефа вела искусство.
Брик был против прозы и поэзии.
Он говорил так: «Вообще поэзии не нужно».
А что нужно? Газета.
Ему в рабочей аудитории отвечали:
Хорошо, утром газета. А вечером что?
Вечером — вечерняя газета.

Многие знали Брика не только как теоретика формализма, но и как беспринципного делягу. А. В. Луначарский, выступая на диспуте о Лефе, так охарактеризовал О. Брика: «Разве не ясно, с кем мы имеем дело? С человеком, у которого нет никаких убеждений...»

Но вот не стало Маяковского. Осип Брик одну за другой печатает статьи о нем, он изображает великого поэта этаким недоучкой, политическим несмышленышем и бессовестно перекладывает на него собственные грехи.

В статье «Маяковский — редактор и организатор» Брик старательно воспроизводит рядом со своей подписью под канцелярскими бумажками подпись Маяковского, низводит его до роли ходатая по мелким делам и ловко обходит его роль поэта и бойца великой социалистической революции. Цитируя известные слова Маяковского: «Нужно приветствовать новую власть и войти с ней в контакт»,— сказанные им 17 (30) ноября 1917 года, Брик писал: «Однако, Маяковский еще далеко не полностью осознал в то время сущность огромных задач, ставших перед советской властью в деле перестройки культурной, в частности, художественной жизни страны. Потребовался опыт целой творческой жизни, чтобы изжить предрассудки так называемого «левого» искусства». Там же Брик утверждал, будто «в эстетических взглядах Маяковского было больше всего ошибочного», и «прежде всего было непонимание ленинского подхода к культурному наследству», очень сильны ложные принципы «левого» искусства, и будто Маяковский был заражен «мелкобуржуазными анархиствующими взглядами на культуру», что не давало ему «вначале возможности до конца понять сущность и задачи пролетарской революции». Но ведь то же самое говорили о Маяковском недруги поэта.

В другой статье, цитируя те же слова Маяковского: «Нужно приветствовать новую власть...»,— Брик комментировал их так: «Политически все было ясно, но вступить в конкретный деловой контакт с органами советской власти Маяковскому удалось не сразу». Оказывается, «прежде всего нужно было сговориться с наркомом просвещения товарищем А. В. Луначарским», но так как «сговориться» не удалось, разочарованный Маяковский, «не найдя других путей пропаганды «левого» искусства» в Петрограде, уехал в Москву, где вместе с Д. Бурлюком и В. Каменским «пытался разговаривать с народом через голову Луначарского», причем «разговор с народом» (иронизирует Брик) происходил с эстрады «Кафе поэтов» и кафе «Питореска».

На самом деле Маяковскому незачем было с кем-либо сговариваться: он начал работу для Советской власти с первых дней ее существования. «Пошел в Смольный. Работал. Все что приходилось»,— сказано в его автобиографии. И дальше он изо дня в день продолжал сотрудничать с Советской властью. Уже в декабре 1917 года вышла из печати его поэма «Война и мир», а в феврале следующего года — поэма «Человек» и второе, бесцензурное издание поэмы «Облако в штанах». Кроме того, он работал над «Мистерией-буфф», написал три киносценария и снимался в них. А что касается его выступлений перед массовой аудиторией во время пребывания в Москве, то вот они: 30 декабря 1917 года (12 января 1918 года)— в Политехническом музее; в последних числах декабря — в цирке; 2 (15) февраля, 27 февраля, 16 марта, 23 мая 1918 года — в Политехническом музее.

О. Брик, хвастаясь своей близостью к Маяковскому, в ряде статей обнаружил, что он никогда — ни при жизни, ни после смерти поэта,— не понимал его, не сумел правильно оценить его крупнейшие произведения. В дооктябрьской поэзии Маяковского Брик видел «только анархическое бунтарство», а рассматривая произведения последних лет, упрекал поэта, будто он оказался зараженным «какимто краешком» вредной теории «живого человека», будто в ряде глав «Хорошо!» «лирическая нежность почти граничит с расслабленностью». О другом величайшем произведении Маяковского — поэме «Владимир Ильич Ленин» — Брик отзывался так: «Следы «мессианства», которое очень характерно для творчества Маяковского предреволюционного периода, заметны и в поэме «Ленин»... Все эти строки, дающие Ленина как «спасителя», идеалистичны. В них Маяковскому не удалось найти поэтических формулировок для образа пролетарского вождя». Брик упрекал Маяковского в том, что он иногда слишком остро «реагировал на все проявления буржуазности в нашем советском быту», и утверждал, будто ему

было присуще «нечеткое разграничение культурного наследства от культурного эпигонства...» и т. д. и т. п.

Как же можно причислять О. Брика к друзьям Маяковского да еще утверждать, что они были «связаны близостью идейных интересов»?

То же можно сказать о некоторых других, причислявших и причисляющих себя к «ближайшим» друзьям Маяковского.

В своих друзьях Маяковский хотел видеть только хорошее. Он готов был каждому — будь у него хоть крохотный талантик, хотя бы какие-нибудь способности — всячески помогать, и действительно помогал, поддерживал, укрывал от нападок своим авторитетом, собственным именем. А чем они отвечали ему? Сделали ли друзья Маяковского что-нибудь, чтобы запечатлеть разностороннюю деятельность поэта, его образ для потомков? Кто из них позаботился, чтобы застенографировать хоть одно из его выступлений? Кто позаботился записать его голос, его неповторимое чтение стихов? Кто подумал о том, чтобы запечатлеть его в кинохронике? Никто.

Конечно, у Маяковского были и настоящие друзья. Это друзья детства и юности, друзья по партийной работе — М. Т. Киселев, Х. Н. Ставраков, Н. И. Хлестов, И. Б. Карахан, В. И. Вегер. Были хорошие друзья среди грузинских писателей и деятелей искусства — Паоло Яшвили, Симон Чиковани и другие, принимавшие Маяковского в Грузии как своего ближайшего товарища. Были у него любящие мать Александра Алексеевна, сестры Людмила Владимировна и Ольга Владимировна. Но эти истинные друзья, люди, любящие Маяковского как друга, товарища, сына и брата, были нелюбимы в его «ближайшем окружении», в котором главенствующее место занимали Л. и О. Брики. «Он,— писал В. Шкловский об Осипе Брике,— держит славу Маяковского». Но никого не заботили те душевные муки, какие переживал поэт на протяжении многих лет.

4

Теперь обратимся к последним месяцам и дням жизни поэта.

Читатели «Огонька» знают, что Маяковский, полюбив Т. А. Яковлеву, хотел привезти ее из Франции в Советскую Россию. Для этого он намеревался в октябре 1929 года поехать в Париж. Но неожиданно по неизвестным пока нам причинам ему было отказано в разрешении на выезд. Это было тяжелым ударом для него. И не только потому, что лишало возможности встретиться с любимой женщиной и тем самым предупредить разрыв. Но и потому, что такой отказ означал, по сути дела, выражение политического недоверия. Именно так это было расценено в литературных кругах, что не замедлило сказаться на усилении травли со стороны недоброжелателей, тайных и явных врагов поэта. Писать о Маяковском в издевательском тоне стало правилом.

За два месяца до смерти поэта, в январе 1930 года, в журнале «Звезда» появилась рецензия Б. Бухштаба на книгу стихов Маяковского «Слоны в комсомоле». «Лучшее, что можно сказать об этой книге,— это, что в ней есть несколько остроумных строчек... Мы видим великого поэта на грани поэтического разложения»,— писал Бухштаб. Он утверждал, что общественная ценность стихов Маяковского «очень сомнительна» и «более чем сомнительно их художественное значение», что в книжке «вместо стихов — рифмованные статьи». «Художественная неряшливость этого сборника — поразительная для Маяковского»,— бездоказательно утверждал критик, заключив рецензию иронической фразой: «Грустно читать эту книжку». А между тем в этом сборнике в числе других стихотворений были глубоко патриотический и высоко поэтический «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру», одно из лучших сатирических произведений поэта «Служака», очень сильное лирико-публицистическое стихотворение «Маруся отравилась», мобилизующий «Марш-оборона...».

Как стая воронов налетели критические «безответственные губошлепы» на пьесу Маяковского «Баня». Пьеса была поставлена в конце января 1930 года в Ленинграде в театре Народного дома, а в середине марта в Москве в театре Мейерхольда. По свидетельству многих, в чтении автора «Баня» вызывала непрерывный смех, а в театре, как в том, так и в другом, не имела успеха. Постановщики, в том числе Мейерхольд, не поняли пьесы, не сумели раскрыть ее содержания.

Маяковский тяжело переживал неудачу. И. В. Ильинский, один из исполнителей в пьесе «Баня» (театр Мейерхольда), вспоминая о ее премьере, рассказывает: «После спектакля, который был не очень тепло принят публикой, и прием этот, во всяком случае, болезненно чувствовал Маяковский, он стоял в тамбуре вестибюля один и пропустил всю публику, выходящую из театра, прямо смотря в глаза каждому проходящему».

О тяжелых переживаниях Маяковского в связи с неудачной постановкой «Бани» вспоминает и М. Ф. Суханова, артистка театра Мейерхольда: «Еще в первой декаде апреля приходил Маяковский в театр на спектакль «Баня». Он говорил, что спектакль провалился; был беспокойный, мрачный, и глаза, которые так могли смотреть на человека, как будто все видели насквозь,— теперь ни на кого не смотрели. Теперь он и на вопросы часто не отвечал и уходил. Нам казалось, что его расстраивала пресса о «Бане».

Что касается прессы, вернее, критиков, делавших эту прессу, то они весь огонь сосредоточили не на недостатках и ошибках постановки, неумелой или неверной интерпретации «Бани» на сцене, а на самой пьесе и ее авторе. Сим. Дрейден в заметке о постановке «Бани» в Ленинградском Народном доме утверждал, что пьеса сделана халтурно, наспех. Критик, укрывшийся под инициалами В. Б., писал, что «Баня» — «запоздалая демонстрация агитки, прозевавшей ход времени». М. Янковский радовался, что «пьеса Маяковского предстала в красе своих сомнительных достоинств». В. Ермилов напечатал в разных изданиях два отрицательных отзыва о «Бане». Еще до появления ее на сцене, основываясь на опубликованном отрывке, он поспешил сделать вывод, будто «вся фигура Победоносикова вообще является нестерпимо фальшивой» и что «здесь, несомненно, звучит у Маяковского фальшивая «левая» нота». Менее чем за месяц до смерти Маяковского в «Комсомольской правде» появилась рецензия Ан. Чарова, который писал о «Бане», что пьеса «вышла действительно плохая», и что ее «ставить не стоило». А ведь это было опубликовано в газете, которую Маяковский так любил и которой он отдал много сил и таланта!

Маяковский ответил на все эти выпады и клевету одному лишь В. Ермилову:

Сразу
    не выпарить
        бюрократов рой.
Не хватит
    ни бань
        и ни мыла вам.
А еще
    бюрократам
        помогает перо
критиков —
    вроде Ермилова...

Остальные — десятки и сотни статей, статеек, рецензий, сплошь враждебных, ругательных, злопыхательских, клеветнических,— остались без ответа. «Безответственные губошлепы», или, как называл их теперь Маяковский, «критики из-за угла», целились и били в самое сердце поэта. И так вплоть до самой его смерти. Со страниц газет, журналов, книг травля переходила в аудитории, где выступал поэт. Злобные обыватели подавали ему провокационные вопросы, оскорбительные записки.

В этих условиях так важно было дружеское участие. Но тут-то Маяковский и увидел, что настоящих литературных друзей у него нет.

Мы уже упоминали о тех расхождениях, какие были между Маяковским и его соратниками по Лефу. Художник С. Я. Адливанкин, работавший с Маяковским над рекламой, так охарактеризовал положение его в Лефе: «Его поступки всегда носили характер очень принципиальный, в нем не было ничего мелочного, группового. А вокруг него часто создавалась обстановка чисто групповая.

Мне казалось, что Владимир Владимирович одинок среди своих соратников по Лефу. Он как-то был сам по себе, хотя был вожаком, лидером этой группы».

Еще отчетливее это различие между Маяковским и другими лефовцами показано в неопубликованных воспоминаниях Е. А. Лавинской, принимавшей близкое участие в лефовских делах. Описывая одно из собраний Лефа, руководство которым почему-то взяла на себя не имевшая никакого отношения к литературным делам Л. Брик, Лавинская пишет:

«Никогда так наглядно не доходила до моего сознания стена, стоявшая между Маяковским и Бриками. Вспомнилась ходовая Осина фраза: «Самое лучшее, что написал Володя,— это «Нигде кроме, как в Моссельпроме!» А фанатический долбеж Сергея Третьякова, что нужно бросить писать стихи и поэмы, нужно фиксировать факты, нужны и важны только эти всесильные факты и хроника. А разговорчики Брика о том, что ранние вещи были острее (Крученых до сих пор держится этой точки зрения), а сейчас жизнь выдвигает иные требования, если уж стихи, то пусть будут агиткой они, а лирика — боль, сатира — все то, что написано кровью, все это было для Брика просто «занятно». Маяковского нужно было осадить, и на него наседали.

Я, собственно, не помню разницы между точкой зрения Третьякова и Брика, состоявшей в том, что поэмы Маяковского «устарели» и эпохе нужно другое, и пущенной в 1930 году фразой, что «Маяковский исписался». Пожалуй, самое страшное было в том, что и Брик и Третьяков — это свои, это дома, это там, где предполагались самые близкие, потому что вовне недоброжелателей и врагов было достаточно».

Да, конечно, это было самое страшное для Маяковского, который так хотел верить в дружбу, видеть рядом с собой соратников в борьбе за социалистическую литературу.

Оставив Леф, он организует новую литературную группу — Реф (Революционный фронт искусств), в которую вошла часть лефовцев, в том числе Н. Асеев, С. Кирсанов, О. Брик. Но очень скоро Маяковский убеждается: дальнейшее движение с этой маленькой группкой невозможно, распускает ее и вступает в РАПП. Вот тут-то окончательно обнаруживается цена лефовско-рефовских друзей поэта: они все как один восстали против него за то, что он вступил в РАПП без предварительной договоренности с другими участниками Рефа.

«Так вот,— рассказывает об этом времени Н. Асеев,— все бывшие сотрудники Лефа, впоследствии отсеянные им в Реф, взбунтовались против его единоличных действий, решив дать понять Маяковскому, что они не одобряют разгона им Рефа и вступления его без товарищей в РАПП.

Нам было многое тогда непонятно в поступках Владимира Владимировича, так как мы не знали многого, что определяло эти поступки. Главное, что мы не представляли, как горько у него было на душе. Ведь он никогда не жаловался на свои «беды и обиды».

Но Маяковский подал заявление о вступлении в РАПП в феврале 1930 года. А «друзья» его — и рефовцы и лефовцы — фактически взбунтовались значительно раньше. За несколько месяцев до вступления в РАПП, когда еще не было Рефа, Маяковский начал готовить выставку своей двадцатилетней литературной работы. Никто из друзей не пожелал помочь ему в устройстве выставки. Л. Брик в опубликованных ею дневниковых записях, относящихся ко времени устройства выставки, отмечает 29 декабря 1929 года: «В. с утра до вечера в бегах. Полночи клеит с Зиной Свешниковой выставочные альбомы». Дальше она упоминает о каких-то мальчиках, которые придумали дать над витриной с газетами, где печатались стихи поэта, надпись: «Маяковский непонятен массам».

Вот так: какая-то Зина Свешникова, которая никогда не заявляла себя в числе друзей Маяковского, какие-то оставшиеся неизвестными «мальчики» помогали устраивать выставку, которой поэт придавал важное значение.

Для Л. Брик, как видно из ее воспоминаний, выставка Маяковского была просто «затеей». А О. Брик в своих воспоминаниях представляет дело так, будто Маяковский «устал от борьбы», будто ему «захотелось немножко покоя и чуточку творческого комфорта» и он устроил выставку, чтобы добиться «признания»...

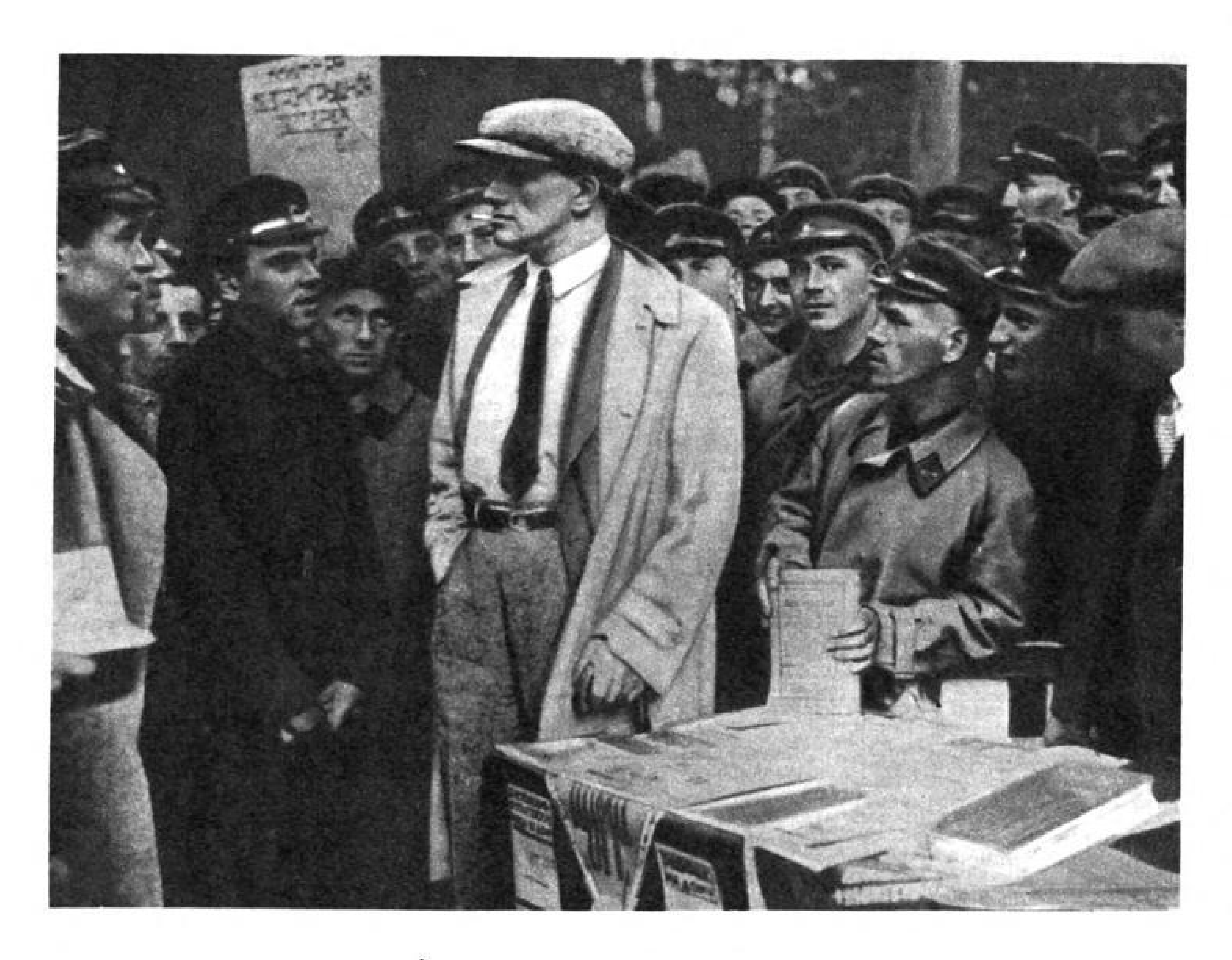
Хотя сам Маяковский говорил, что устроил ее для того, чтобы «показать, что писатель-революционер — не отщепенец, стишки которого записываются в книжку и лежат на полке и пропыливаются, но писатель-революционер является человеком — участником повседневной, будничной жизни [и] строительства социализ-

ма... Показать, что нам отдыхать некогда, но нужно изо дня в день, не покладая рук работать пером».

Видно, и другие «друзья» воспринимали устройство выставки по-бриковски. «Вл. Вл. был обижен, что никто не помогал ему в устройстве выставки, и всю работу приготовления пришлось делать самому,— вспоминал впоследствии шофер Маяковского В. Гамазин.— И если помощниками его оказались несколько молодых энтузиастов — художников и лит. кружковцев, то действительно всю огромную работу по собиранию и разыскиванию материалов — книг, плакатов, газет, архивных дел об участии в революционном движении, фото, афиш — и экспозиции их в нескольких комнатах Клуба Федерации он осуществил сам, собственными руками устанавливал стенды, размещая экспонаты».

печатает 8 февраля 1930 года в «Комсомольской правде» такие строки:

Дезертир,
бегущий с фронта стройки,
мне — не друг,
а враг по крови нам.
И сейчас,
кричащий эти строки,
я руки
такому
не подам.
Ренегат,
предавший
дело класса,
ставший тылом
к будущим годам,
мне не друг!
Готов дыханьем клясться
я руки
такому
не подам!
Хитрый волк,
бежавший за границу
к банкам

В. Маяковский среди красноармейцев. Москва, 1928 г.

А когда Маяковский распустил Реф и вступил в РАПП, так называемые друзья объявили ему бойкот, они перестали встречаться с ним. Семен Кирсанов написал стихотворение «Цена руки». Чтобы понять его характер, необходимо знать следующее. В 1926 году Маяковский опубликовал гневное стихотворение «Взяточники», где, говоря об этой гнусной породе людей, писал:

Я
белому
руку, пожалуй, дам,
пожму, не побрезгав ею.
Я лишь усмехнусь:
— А здорово вам
наши
намылили шею! —
Укравшему хлеб
не потребуешь кар.
Возможно
простить и убийце.
Быть может, больной,
сумасшедший угар
в душе
у него
клубится.
Но если
скравший
этот вот рубль
ладонью
ладонь мою тронет,
я, руку помыв,
кирпичом ототру
поганую кожу с ладони.

И вот Семен Кирсанов, расценивший вступление Маяковского в РАПП как дезертирство,

зажатым городам,
мне не друг,
покуда жизнь хранится,
я руки
такому
не подам!
Спекулянт,
снимавший сливки
с жизни,
мне не друг!
И этим господам,
брезгуя прикосновеньем
к жизни слизи,
я руки
и пальца не подам!
Если ж друг,
вчера нуждаясь
в друге,
а сегодня,
усмехая рот,
и держа
по швам
с презреньем руки —
другу,
мне,
руки не подает,
пусть
оскребки дружбы
копошатся!
Пемзой грызть!
Бензином кисть облить,
чтобы все
его рукопожатья
со своей ладони
соскоблить.

В. Перцов, вместе с другими лефовцами составлявший оппозицию Маяковскому, так комментирует появление этого стихотворения: «Широкий читатель не знал тех обстоятельств, которыми оно было вызвано и против кого направлено (имя Маяковского в нем названо не было), но этот подтекст был ясен современникам поэта (стихотворение было напечатано на «Литературной странице») и, конечно, ему самому».

И в дни выставки и на самой выставке Маяковский по-прежнему, и, может быть, даже еще больше, ощущал отсутствие литературных друзей. Выставка имела успех у читателей. Но писатели отнеслись к ней без внимания, хотя она и была устроена в Клубе писателей. «Литературная газета» сообщала: «На выставке присутствовала, главным образом, молодежь. Из писателей почти никого не было».

В связи с выставкой и двадцатилетием литературной деятельности Маяковского был устроен вечер. Известная грузинская киноактриса Нато Вачнадзе так рассказывает об этом:

«Вечер начался вступительным словом очень юного комсомольца, честно старавшегося объяснить значение поэзии Маяковского для народа. И это — все. Больше не было ни докладов, ни выступлений. Потом вышел сам Маяковский. Он сказал: «Ну, что ж, товарищи, как видно, сегодня не такой день, чтоб я мог говорить вам красные слова. Единственное, что я могу сделать, это прочесть свою новую поэму — «Во весь голос». И он начал читать ее сурово и торжественно...

Зал был наполовину пуст. Группами и в одиночку располагалась в нем молодежь, случайные люди...

В зале нет Кирсанова, нет Асеева, нет даже Крученых. Где-то позади сидит один Осип Брик».

В опубликованных дневниковых записях Л. Брик так отразила свои впечатления этого вечера: «В. переутомлен. Говорил страшно устало. Кое-кто выступил, потом В.. прочел вступление в новую поэму — впечатление произвело очень большое, хотя читал по бумажке и через силу».

А спустя две недели Л. и О. Брик, выдававшие себя за «ближайших друзей» Маяковского, больше того — за членов единой с ним «коммунистической семьи», отправились в длительный заграничный вояж. Перед отъездом Л. Брик посетила семью Маяковских и пожаловалась его матери и сестрам:

— Володя стал невыносим. Я так устала! И мы с Осей решили съездить в Лондон к маме.

Позже друзья Бриков одной из причин трагедии 14 апреля 1930 года выдвигали отсутствие «привычно близких людей», намекая на то, что, будь с Маяковским Брики, ничего бы не произошло. Однако не следует преувеличивать роль Л. и О. Бриков в жизни Маяковского. Он давно, а может быть, и всегда, был им чужим и оставался одиноким среди своих «ближайших друзей».

Е. А. Лавинская, в течение ряда лет наблюдавшая жизнь Маяковского и его «ближайшего окружения», в правдивых и горестных своих воспоминаниях рассказывает:

«...Каким же был одиноким Маяковский в своей среде! Это вывод, основанный и на моих личных наблюдениях и на разговорах с товарищами. Он один нес ношу свою и никогда не мог ее, хотя бы частично, переложить на плечи друзей...

Маяковский в своей среде — это были узколефовские дела, это была любовь к Лиле, у которой, как и у Оси, был вкус на все новое: на стих, на ритм, на голос, на славу больше всего, и не было ни малейшего понимания того, что стихи его действительно кровью писаны».

В последние месяцы и недели Маяковский был сильно переутомлен. Кроме того, он болел гриппом. А между тем нападки на него не прекращались ни на один день и в некоторых случаях имели характер преднамеренной политической дискредитации поэта.

В первых числах апреля 1930 года был отпечатан № 2 журнала «Печать и революция» с портретом Маяковского и приветствием ему от редакции:

«В. В. Маяковского — великого революционного поэта, замечательного революционера поэтического искусства, неутомимого поэтического соратника рабочего класса — горячо приветствует «Печать и революция» по случаю 20-летия его творческой и общественной работы».

Поэт знал об этом, ему сообщили из редакции. Но по распоряжению заведующего Госиздатом А. Халатова портрет и приветствие из отпечатанного уже тиража были изъяты 9 апреля на вечере в Институте народного хозяйства имени Плеханова в Москве во время

перерыва Маяковскому показали вырванный из журнала портрет с приветствием. В ходе самого вечера против поэта были сделаны грубые, откровенно провокационные выпады.

Как рассказывает В. И. Славинский, Маяковский приехал на вечер совершенно больной. На его вопрос: «Как здоровье ваше, товарищ Маяковский?» — он с горечью ответил: «Плохо. Болею. Грипп». По сохранившейся записи Славинского, в этот вечер, отвечая на выпады отдельных слушателей, Маяковский сказал: «Когда я умру, вы со слезами умиления будете читать мои стихи. (Некоторые смеются.) А теперь, пока я жив, обо мне много говорят всякой глупости, меня много ругают... Из всех разговоров и писаний о живых поэтах обо мне больше всего распространяется глупости».

И все-таки многие и многие утверждают, что до последнего дня никто не думал о предстоящей катастрофе. Вот что сообщала 15 апреля 1930 года газета «Вечерняя Москва» о последних днях Маяковского:

«...Кто еще позавчера мог думать, что через день у входа в здание Клуба писателей будут висеть черно-красные траурные флаги, скорбно напоминающие о том, что здесь в конференц-зале лежит тело покончившего расчеты с жизнью Владимира Владимировича Маяковского? Кто мог об этом подумать еще позавчера?

Ничто не предвещало такого конца. 12 апреля утром,— в тот день, которым датирована предсмертная записка Маяковского,— он был в Федерации писателей и вместе с другими обсуждал проект закона об авторском праве. Днем того же числа на заседании в Совнаркоме он отстаивал этот проект.

13 апреля он обсуждал по телефону с Федерацией возможность своей поездки в Ленинград с рядом других писателей,— в ответ на приезд ленинградцев в Москву. На утро 14 апреля у Маяковского было назначено деловое свидание с писателями у него на квартире».

В воспоминаниях Нато Вачнадзе читаем:

«13 апреля я и Шенгелая встретились с Маяковским в садике Дома Герцена, на Тверском бульваре.

Могла ли я думать тогда, что Маяковского на другой день не будет в живых? Маяковский и смерть — разве можно себе это представить?»

И так говорили почти все, кто виделся с ним 13 апреля. И вдруг...

Что же случилось 14 апреля 1930 года?

Как помнит читатель, мы отвергли злостные измышления, будто в основе трагедии Маяковского лежит разлад его с советской действительностью. Мы также отвергли утверждения, будто причиной смерти поэта было предрасположение к самоубийству.

Излагая обстоятельства жизни и деятельности Маяковского, которые помогают понять сущность его трагедии, мы указали на многолетнюю травлю, сопровождавшую напряженную, изнурительную работу поэта; мы также указали, что окружающая среда не была благоприятной для него, что многие из тех, кого он считал друзьями, оказались друзьями мнимыми; мы еще обратили внимание на неустройство личной жизни поэта.

Однако нас волнуют и заставляют задумываться не только различные слагаемые трагедии, но и ее характер. Дело в том, что от самого дня смерти Маяковского и до нынешних дней вокруг его смерти царит атмосфера таинственности, намеков, недомолвок.

В однодневной газете «Владимир Маяковский», выпущенной в Ленинграде 24 апреля 1930 года, была опубликована заметка писателя Николая Никитина под заголовком «Ошибка?». Вот какие раздумья возникли у ее автора в связи со смертью Маяковского:

Говорят — ошибка. Кто знает?
Думаю я — и он не машина, не агрегат же движения, питания, сгорания.
«Способ» скверненший.
Но после драки махать кулаками?
Это тоже, товарищи, не способ...
А что глядели раньше? Кто был около?
Друзья поэта...

Михаил Кольцов в статье «Что случилось» 17 апреля 1930 года писал: «Нельзя с настоящего, полноценного Маяковского спрашивать за самоубийство. Стрелял кто-то другой, случайный, временно завладевший ослабленной психикой поэта-общественника и революционера. Мы, современники, друзья Маяковского, требуем зарегистрировать это показание».

Н. Асеев в опубликованной в 1934 году журналом «Литературная учеба» беседе сказал: «Обычно на всех собраниях, посвященных памяти Маяковского, подавались записки: «Что же такое случилось? Почему? Как объяснить эту непонятную смерть?» И когда я наедине с собой думал над этими вопросами, у меня возникали самые разноречивые предположения».

Тремя годами раньше, в первую годовщину со дня смерти поэта, Н. Асеев напечатал в «Литературной газете» отрывки незаконченной поэмы, где были такие строки, обращенные к Маяковскому:

Ничего, что губы, оледенев,
Обронили октябрьской листвы слова,
Я останусь с тобой наедине:
Расскажи мне: кто в этом виноват?

Ничего, что воском сплылась ладонь,
Ничего, что грозен глáза пожух,
Разбудив молчанье на сотни ладов,
Я ухо к ране плотней приложу.

Я знаю, что, к сердцу свинец неся,
Поднимая стотонную сталь ствола,
Ты нажим гашетки нажал не сам,
Что чужая рука твою вела.

Что какой-то вымуштрованный гипнотизер,
Запропавший за сплывшиеся этажи,
На тебя ненавистный уставил взор
И в безволье крикнул тебе: не дыши!
Что за нами повсюду ведет наган
Неуловимая тень врага,
Что и так и этак в твоем лице
Напоследок песня взята на прицел.

Ничего, что губы, оледенев,
Обронили листвы октябрьской слова,
Я останусь с тобой наедине:
Расскажи мне: кто тебя — наповал?!

Сестра поэта Л. В. Маяковская в письме по поводу статьи Л. Брик «Предложение исследователям» писала: «Удивительно ли, что и сейчас многие и многие спрашивают об обстоятельствах смерти Маяковского. К сожалению, выяснению этих обстоятельств мешает то, что некоторые ценные воспоминания, показывающие тяжелую обстановку, в которой жил мой брат и которая особенно осложнилась в последние годы его жизни, когда он полюбил Татьяну Яковлеву и решил жениться на ней, до сих пор остаются неопубликованными. Я убеждена, что, если бы теперь, пока живы многие, знавшие Маяковского, было произведено тщательное расследование обстоятельств его смерти, это расследование могло бы очень многое разъяснить и, конечно, оно еще раз опровергло бы ложную версию о предрасположении его к самоубийству».

Иногда говорят: чего искать, что расследовать? Маяковский-де сам все объяснил в «Предсмертном письме». Но письмо помечено 12 апреля, а смерть последовала 14 апреля. В то же время известен так называемый «план» беседы Маяковского с В. Полонской, который, по всей видимости, составлен тоже 12 апреля. В нем сказано: «Я не кончу жизнь, не доставлю такого удовольствия худ. театру».

Автор настоящей работы беседовал с некоторыми лицами, оказавшимися на месте происшествия утром 14 апреля 1930 года. Их свидетельства весьма разноречивы. Многое могли бы разъяснить материалы предварительного следствия. Но они не сохранились.

В. Перцов в книге о Маяковском, вышедшей в 1966 году, касаясь смерти поэта, пишет:

«Я не считаю материалы, относящиеся к вопросу о смерти Маяковского, вполне изученными: многое еще не приведено в известность. И вот еще что: будущий историк сможет более уверенно и свободно, чем современник, не нарушая элементарного такта по отношению к живым людям, которые были связаны с поэтом, дать оценку их места и значения в биографии Маяковского».

Для нас тоже не чуждо понятие такта. Многие важные факты пришлось исключить из этой публикации, так как они имеют отношение к «живым людям». Но можно ли дальше молчать, когда речь идет о загадке смерти великого поэта нашей страны?

Маяковский, выступая на обсуждении «Бани» 23 сентября 1929 года, сказал: «Что касается прямого указания, кто преступник, а кто нет,— у меня такой агитационный уклон, я не люблю, чтобы этого не понимали. Я люблю сказать до конца, кто сволочь».

Мы стоим на тех же позициях и считаем, что в раскрытии обстоятельств трагической смерти великого поэта не следует руководствоваться мотивами соблюдения такта. К сожалению, сейчас мы еще не можем сказать, кто преступник, кто сволочь. Мы знаем, что это были враги Маяковского, враги коммунизма. Мы пока еще не можем назвать, кто именно подготовил выстрел, приведший к гибели великого поэта. Но уверены, что время это придет.

Чувство советского патриотизма, глубоко пронизывающее творчество В. Маяковского, с наибольшей силой выражено в поэме «Хорошо!».

Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.

В этом произведении, написанном к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, особенно ярко ощущается неразрывное единство поэта с Родиной:

Это время гудит
телеграфной струной,
это
сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами,
или страной,
или
в сердце
было
в моем.

В. Маяковский неоднократно читал свою поэму в различных аудиториях Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза. Две фотографии, запечатлевшие выступление поэта с чтением поэмы «Хорошо!» в Политехническом музее, помещены на вкладках пятого тома Собрания сочинений В. Маяковского.

Том только что вышел из печати. Поэма «Хорошо!», стихотворения, очерки, статьи и выступления 1926—1927 годов составляют его содержание.

Среди произведений, вошедших в пятый том,— статья «Как делать стихи?», раскрывающая творческую лабораторию поэта. Интересно отметить, что первое отдельное издание этой статьи выпущено в августе 1927 года издательством «Огонек».

Королева мальчишек

О. КУПРИН

Огуль разогревала обед и пела.

— Ты почему такая веселая сегодня? — спросила мама.

— Ничего особенного. Ты же знаешь, я не умею плакать,— крикнула Огуль из кухни и опять запела.

Мама только что пришла с работы со своей трикотажной фабрики. Она устала, и, как обычно, дома все ее настораживало — не случилось ли тут в ее отсутствие чего-нибудь. Прислушалась: на кухне по-прежнему звучала песня, и голос у дочки был звонче обычного. Не к добру.

Смешные люди эти родители: они одинаково пугаются, и когда их чадо сидит слишком грустным и когда его буквально распирает от радости.

— Нет, все-таки что произошло? — спросила мама, входя на кухню.— Признавайся, ты опять сказала учителю, что не любишь Достоевского?

— Сегодня мы говорили о Толстом, а его я очень люблю. Мама, ты знаешь такого писателя — Платонова?

— Не знаю.

— Ну, тогда расскажи, как украли бабушку.

— Ты совершенно невыносимый человек, Огуль. При чем тут бабушка? Ты прекрасно знаешь, как ее украли.

Огуль много раз слышала эту историю. Бабушка, когда была еще маленькой, пасла коз. Однажды в глухой долине к ней подъехал всадник, положил поперек седла и увез далеко-далеко, совсем в другую страну. И взял бабушку себе в жены. Бабушка молодая, а он старый. У него было много других жен, кроме бабушки. Через несколько лет после этого, когда в Туркмению пришла Советская власть, бабушка убежала от мужа и вернулась с двумя дочками домой.

— А бабушка тогда была моложе меня или старше? — не унимается Огуль.— Она была рабыней?

— Моложе. И была рабыней. А ты обязательно станешь прокурором.

— Почему прокурором?

— Потому что любишь задавать вопросы.

— Сначала я хочу стать рабыней. Ты знаешь, меня скоро украдут.

— Не говори глупостей— сказала мама и наконец улыбнулась, а затем добавила:— Очень смешно будет, если у твоего папы украдут дочь.

Огуль расхохоталась так, что было слышно на противоположной стороне улицы. Действительно забавно, если бы у ее папы украли дочь: папа работает в милиции.

И все-таки она схитрила. В тот день в жизни Огультач Ханыевой произошло важное событие. Только рассказывать о нем она сейчас не хотела, она расскажет вечером, когда соберется вся семья.

Случилось вот что. На перемене в школе ее подозвал Керим Агаев. Рядом с Керимом стояли два незнакомых мужчины.

— Подойдет,— сказал один.

— Да, вполне,— кивнул другой.

— Ты завтра поедешь с нами. С директором мы договоримся. От учебы не отстанешь. И Керим поедет.

— Куда?

— Ты будешь сниматься в кино. Такой типаж нам нужен.

Огуль не знала, что такое «типаж», но это в конце концов неважно.

— А что я должна там делать? — спросила она.

— Ты будешь играть рабыню. Тебя будут красть и выдавать насильно замуж.

«Как бабушку», — подумала Огуль.

Когда двое незнакомцев ушли, она обо всем расспросила Керима. Керим тоже учился в девятом классе, но считался опытным киноактером. Он снялся в нескольких фильмах, и много раз его приглашали в студию, когда требовалось дублировать кинокартины на туркменский язык и говорить мальчишеским голосом. Керим рассказал, что новый фильм снимается по рассказу писателя Андрея Платонова «Такыр», что нечего бояться, киносъемки — обычное дело, как тысячи других.

— Совсем необычное,— не согласилась Огуль и задумалась, что с нею случалось редко, но потом сверкнула глазами и добавила: — Мы с тобой уже умрем, а в кино нас еще будут показывать, как артиста Черкасова.

На следующий день съемочная группа уезжала из Ашхабада на восток Туркмении, в пустыню, туда, где среди песчаных барханов, словно проплешины, лежат ровные глинистые площадки, отполированные ветрами, расколотые злым туркменским солнцем на миллиарды трещин — такыры. И ехала в съемочной группе веселая девчонка Огуль, красивая и беззаботная, она еще не задумывалась, что едет не только сниматься в кино, что едет она в детство своей бабушки.

Неподалеку от станции Душак, на большой такырной площадке для съемочной группы разбили лагерь. Стояла сколоченная из листов фанеры столовая и целый аул кибиток.

Вечером помощник режиссера собрал всех.

— Размещайтесь по кибиткам. Пока мы их еще не до конца оборудовали, придется пожить несколько дней так, как жили туркмены в прошлом веке.

И помощник режиссера показал, как надо делать коптилки, выдал на каждую кибитку по плошке и ватному фитильку.

Огуль попала в кибитку с тремя девчонками, тоже школьницами. Раньше они видели кибитки только в кино да на картинках. Все было интересно и необычно. Они уселись на кошме и болтали о всякой всячине до самой темноты. С трудом зажгли коптилку. Маленький огонек тревожно заметался над старой плошкой. По стенам кибитки запрыгали большие черные тени. Огуль стало немного страшно, но она, конечно, не показала и виду. Наоборот, предложила:

— Девчонки, давайте споем.

Но песня почему-то никак не клеилась. Голоса звучали глухо и неприятно. Быть может, мешали черные тени, прыгавшие по стенам, или эта непроницаемая тишина, окружившая их со всех сторон. Девчонки сидели молча, и какое-то неведомое раньше, тревожное оцепенение с каждой минутой все больше охватывало их. Темный войлочный свод кибитки, такой чужой, низкий и неуютный, словно давил на них, заставлял прижиматься плотнее друг к другу.

— Пошли лучше погуляем,— предложила Огуль.

Они вышли. Неподалеку стояла кибитка, где жил Керим. Огуль заглянула внутрь.

— Идите сюда! Здесь лучше.

Они взяли два каких-то ящика, целую охапку поломанных досок, пошли к ближним барханам и разожгли там костер. Прыгнул вверх язык пламени, затрещали доски, приятно потянуло дымом.

— Давайте споем,— предложил кто-то из мальчишек.

— Не получится,— вздохнула Огуль.

Но песня получилась. Потом вторая, третья... Пошли рассказы кто во что горазд. Короче говоря, все было так, как десятки раз бывало у пионерских костров, совсем недавно, каких-нибудь три-четыре года назад. И черный шатер неба весело подмигивал им миллиардами своих звезд.

«Интересно, умела ли петь бабушка? — подумала Огуль.— Нет, наверно, не умела. Она же была настоящей рабыней».

— Огуль, почему ты все время вздыхаешь? — спросил Керим.

— Что ты еще выдумал! Просто очень чистый воздух. Я не вздыхаю, а дышу. Теперь можешь спросить, почему я дышу.

Все засмеялись.

Прошло несколько дней, начались съемки. К тому времени лагерь киногруппы приобрел уже современный вид. Установили передвижную электростанцию. В старинных кибитках висели лампочки под маленькими белыми абажурчиками. У столовой поставили большой щит, чтобы вешать на него экран и по вечерам крутить фильмы.

Полетели дни съемок, удивительные, неповторимые дни, которые словно вобрали в себя часы и минуты из разных эпох. Утром девчонкам долго и подробно объясняли, что они рабыни, послушные и безропотные, их убеждали, что они должны всего бояться. Всего и всех. Их привязывали веревками к седлам, и они бежали за лошадьми по песку и по такыру. Режиссер в мегафон кричал, что они плохо бегут, что они не похожи на рабынь. Стоп. Еще раз. И так десять, а то и больше дублей.

— Плачьте,— говорили им.— Плачьте, вы же рабыни!

— Я не умею плакать при людях. Мне стыдно плакать,— отвечала Огуль.— Я, конечно, постараюсь.

«А бабушка, должно быть, умела плакать»,— говорила она себе.

— Рабыням встать! Вперед! — снова кричал мегафон.

И они опять бежали за этими проклятыми лошадьми, и такыр звенел под ногами злорадным смехом.

— Еще дубль! Еще!

— Рабыням сесть на песок! Плачьте, девочки! Плачьте! Вы же рабыни!

И Огуль заплакала. Быть может, впервые в жизни заплакала так громко и так искренне. Рядом стрекотала кинокамера, слезы катились по щекам. «Бедная бабушка, как она могла так жить, как она все это вынесла?» — повторяла про себя Огуль.

Во время ужина помощник режиссера сказал:

— Сегодня Ханыева плакала лучше всех.

После ужина смотрели кинокартины. Анка-пулеметчица косила белянов из своего «максима», а потом смотрели, как скачет Чапаев в черной бурке... Любовь Орлова пела песню о Волге, и Волга текла на экране, широкая, как Каракумский канал.

Если не было кино, то устраивали танцы. Прямо перед столовой, на ровной такырной площадке. Динамик гремел. Рабыни, уставшие за день, набегавшиеся за лошадьми и наплакавшиеся на пять лет вперед, лихо отплясывали твисты и шейки. А разбойники, словно израсходовав за день пятилетний запас бесцеремонности и грубости, были предельно галантны и вежливы. Огуль не пропускала ни одного танца. От кавалеров не было отбоя. Комплиментами, если бы их записать, можно было заполнить целую тетрадь. Она была красива, эта рабыня из девятого класса. Родители недаром дали ей такое многозначительное имя — Огультач, что означает «королева мальчишек».

Такыр весело позванивал под ногами.

«А бабушка, наверно, не умела танцевать. Конечно, не умела. Она была настоящей рабыней»,— думала Огуль.

Вот какие это были невероятные дни. Тут поневоле голова пойдет кругом: жить одновременно где-то в начале века и в 1967 году, брести по песку за лошадью со связанными руками и отплясывать твист, быть рабыней и королевой... Но все это стоит испытать хотя бы для того, чтобы лучше понять то время, в котором ты сама живешь, посмотреть, как говорится, на него со стороны, с точки зрения собственной бабушки. И тут не надо большой фантазии. Все потрясающе просто. Вот ты в десятый раз бежишь, привязанная, ноги подкашиваются, ужасно хочется пить, а в сторонке, ну совсем рядом, парни и девчонки, свободные от съемок, режутся в волейбол, или корпят над учебниками, чтобы не отстать от занятий в школе, или стоят за спиной у оператора и рассуждают о том, когда наконец ашхабадский «Строитель» войдет в высшую футбольную лигу.

— Рабыням сесть на песок! Плачьте, девочки! Не забывайте, сейчас вы рабыни! — неистовствует мегафон.

Скоро обед. На кухне на газовых плитах готовят вкусную чорбу. Вечером будет кино. Говорят, привезли смешную комедию.

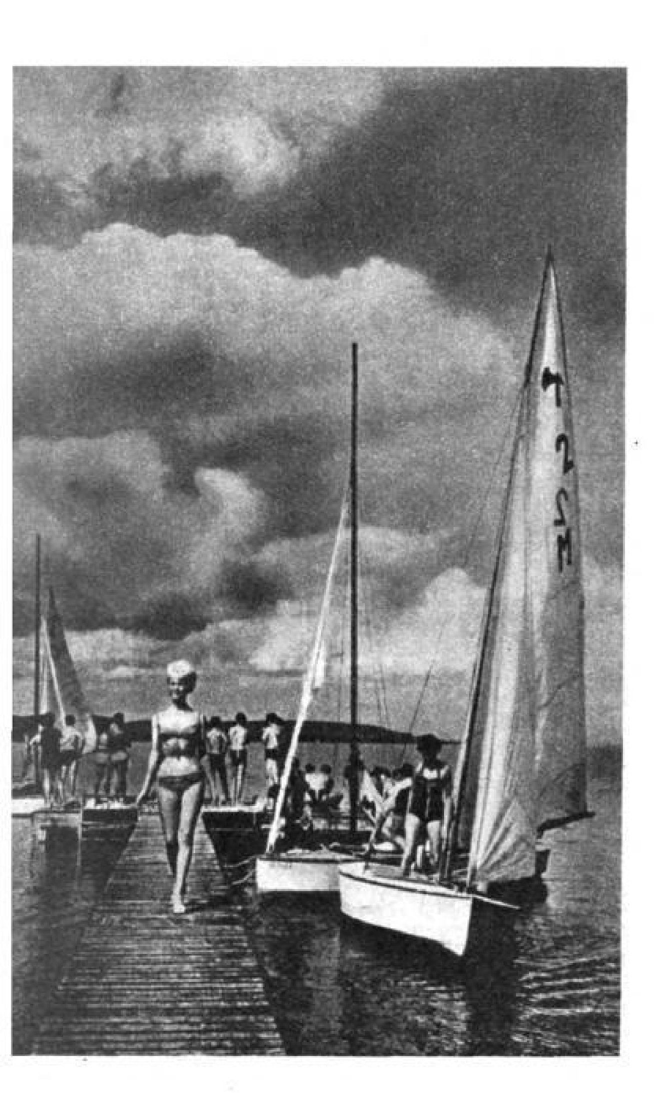
— Плачьте, девочки! Плачьте! Вы же рабыни!

Стрекочет кинокамера. Керим сказал, что на праздники их отвезут домой. Они пойдут на демонстрацию. В прошлый раз, когда они собирались в школе, была такая смешная история...

— Стоп! Перерыв!

После обеда помощник режиссера сказал:

— Ханыева, ты сегодня отвратительно плакала. Что случилось? Услышала бы это мама...

Венгры называют Балатон «венгерским морем». И действительно, Балатон является крупнейшим озером Средней Европы.

Вокруг него расположено 50 курортов, и у каждого из них свои приметы. Сотни тысяч рабочих, крестьян, служащих проводят здесь отпуск. Сюда устремляются они летом в выходные дни. В субботу на шоссе, ведущем из Будапешта к Балатону, появляется нескончаемый поток автобусов, машин и мотоциклов.

Звезда балатонских курортов — Шиофок, расположенный на южном берегу. Курорт славится современными гостиницами и мотелями, огромным песчаным пляжем, широкой сетью ресторанов и кафе. Конкурентом номер один Шиофока по праву считается Балатонфельдвар. Один из привлекательнейших курортов на северном берегу — Тихань.

Достопримечательности Тиханя: сооруженная в XI веке церковь, развалины пятиугольной сторожевой башни и сохранившиеся поныне, вытесанные в скалах кельи. Рассказывают, что в XI веке венгерский король Эндре I во время своего пребывания в Киеве женился на дочери Ярослава Мудрого Анастасии и, возвращаясь в Венгрию, привел с собой и православных русских монахов. Они-то и основали монастырь в Тихане.

Невдалеке от Тиханьского полуострова, в окружении живописных холмов, расположен Балатонфюред, самый старый курорт на всем Балатоне, знаменитый прежде всего своими углекислыми источниками, которые были известны еще римлянам, открывшим их целебную силу.

Многих туристов на Балатон привлекают охота, рыболовство, спорт. В окружающих Балатон лесах водятся олени, косули, дикие кабаны. На крючок рыболовов часто попадаются сом, щука, жерех и карп. Наиболее известен балатонский «фогаш» — серебристый судак, встречающийся только на Балатоне.

На Балатоне

Массовый характер получил на озере парусный спорт. Подсчитано, что воды Балатона ныне бороздят около 500 яхт.

Южнее к озеру примыкает так называемый Кишбалатон (Малый Балатон). Это камышовый лес, заповедник, населенный множеством водоплавающих птиц, в том числе таких редкостных, как белые цапли, бакланы и колпицы.

Неподалеку от Балатонфюреда, на широком горном плато у подножия горы Кабхедь высотою 600 метров, расположено село Надьважонь. В центре села высится Надьважоньская крепость, принадлежавшая некогда знаменитому венгерскому полководцу Палу Кинижи, ратоборцу против турок. Крепость является красивейшим памятником старины. На юге Балатона туристам показывают еще одну крепость — Чиллаг, сохранившуюся с XVII столетия. В свое время она была одним из бастионов балатонской линии укреплений, выстроенной против турок.

На автомагистрали, соединяющей Балатон с Будапештом, лежит бывший «стольный град» страны, в котором когда-то короновались венгерские короли — Секешфехервар. До половины XVI века он назывался «Альба-регия».

В конце Великой Отечественной войны в районе Секешфехервара и озера Балатон происходили последние на территории Венгрии крупные сражения Советской Армии с гитлеровцами. Сейчас о них напоминают братские могилы и памятники советским воинам, отдавшим свои жизни за свободу и независимость советского и венгерского народов.

А. МАРИНОВ

Удивленным взглядом...

Все чаще и чаще в наше время публика смотрит научно-популярный фильм, как картину художественную — с захватывающим интересом.

Причин тому много. Главная из них — развитие науки, стремление человека глубоко проникнуть в суть природы, суть вещей. Когда кино раскрывает последовательно и наглядно человеческие усилия, самый процесс обретает сюжетность, находит увлекательную, часто драматическую форму. Таковы были, например, все картины, рассказывающие о взаимоотношениях человека с неведомым — с космосом.

А вот картина, где человек на первый взгляд идет в мир, привычный с детства, знакомый до мельчайших подробностей. Заботливо клохчущая курица деловито отыскивает цыпленка. Ползет в свой дом трудяга муравей, обремененный непосильной ношей, втрое больше себя...

Видано, видано — сколько раз всеми нами видано все это!

Однако украинская киностудия научно-популярных фильмов заставляет нас посмотреть на подобные картины совершенно новым, удивленным взглядом. Заставляет идти за собой, вернее, вслед за опытом, нужным и интересным человечеству в век открытий нового.

«Язык животных» — так называется эта интереснейшая добрая картина, которой зрители обычно аплодируют не только в конце. Среди действия тоже часто вспыхивают аплодисменты.

Фильм радует прежде всего потому, что его разноцветные и разноголосые герои — птицы, рыбы, пчелы, звери, цыплята, шимпанзе — словно утверждают вечную радость общения между всем живым. А кроме того, зритель чувствует, что создать такую захватывающе интересную картину о жизни животных, о языке животных было невозможно без огромной любви к самим животным. Как и без любви к исследованию, к поиску первопричины — той научной истины, за которой ведут нас в путь молодые киевские кинематографисты. Ведут по скалам и вольерам заповедников, по глубинам морей...

Наука издавна ищет ответа на вопрос: мыслят ли животные? Фильм «Язык животных» и рассказывает о том, как мыслят, как живут герои — каждый на свой лад, как они разговаривают — каждый на своем языке. А они очень выразительно разговаривают!

В инкубаторе полсотни прозрачных яиц, будто только что вынутых из-под курицы. Но электрическая курица пока еще не высидела цыплят. Хотя, если прислушаться внимательно, они уже тихонько лопочут там, в своих белых колыбельках. И ждут материнского зова.

Включен магнитофонный проигрыватель. Раздается призывный материнский голос, и послушные дети сразу начинают дружно проклевывать окошки. С удивленным писком выбираются они на солнышко — сохнуть. И вот уже золотистые шарики окружили со всех сторон черную квадратную коробку. Она вовсе не похожа на маму. Но голос-то мамин! И он говорит, что надо быть с ней рядом. Цыплята старательно выполняют все распоряжения курицы, записанные на пленку.

Кто не слушал рулады соловья? Но только немногие знают, сколько смысла несет в себе каждая трель, какое разнообразие чувств в ней заключается.

«Молчит как рыба» — теперь это сравнение безнадежно устарело. Посмотрите: отлично договариваются между собой, обходясь без кровопролития, огненные морские петухи. А как нежно воркуют перед нерестом, как хорошо знают свои магические слова розовые мормирусы, голубые индонезийские скалярии!

А вот дельфины. Это существа-загадки. Кажется, будто они хорошо понимают человеческую речь. Человек, правда, пока еще не умудрился понять дельфина, но тот, кто умеет с ним дружить, обретает верного и нежного друга.

Кто знает, вслух размышляют авторы картины, может быть, будущие гости Земли с Юпитера или Сатурна смогут общаться с землянами на языке дельфинов?.. Во всяком случае, надо человеку учиться многообразному и многозвучному языку природы!

Научно-популярный фильм «Язык животных» — настоящее произведение киноискусства. Сценарист Ю. Аликов написал, а режиссер Ф. Соболев поставил картину, ничего не придумав, а живописуя огромный труд, наблюдений ими в Институте зоологии АН УССР в Киеве, в Сухумском обезьяньем питомнике, во Всесоюзном институте экспериментальной медицины в Колтушах, Институте морфологии АН СССР в Москве...

Фильм этот адресован детям. Однако ни малейшего заигрывания, сюсюканья нет в дикторском тексте. Серьезно и просто, иногда с мягким юмором следует за съемочной камерой (оператор Л. Прядкин) голос артиста А. Консовского.

Нет, недаром картина получила премию на Всесоюзном фестивале в Ленинграде! Ее ждет большой и заслуженный успех.

Н. ЗЫБИНА

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «ЯЗЫК ЖИВОТНЫХ».

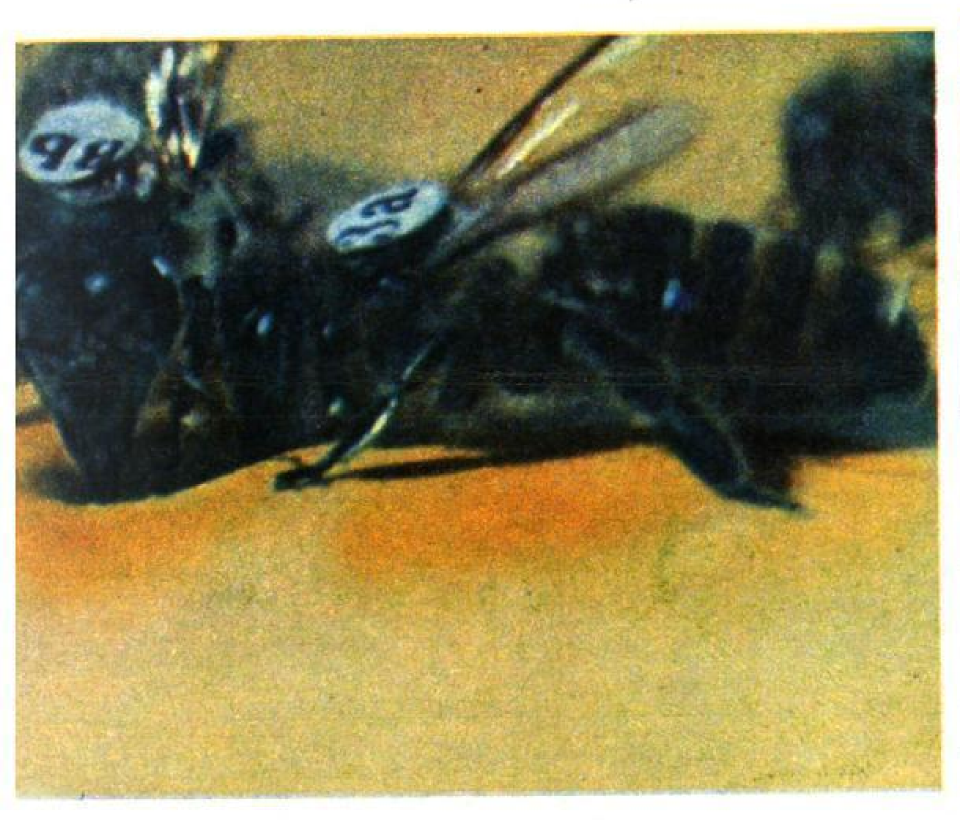

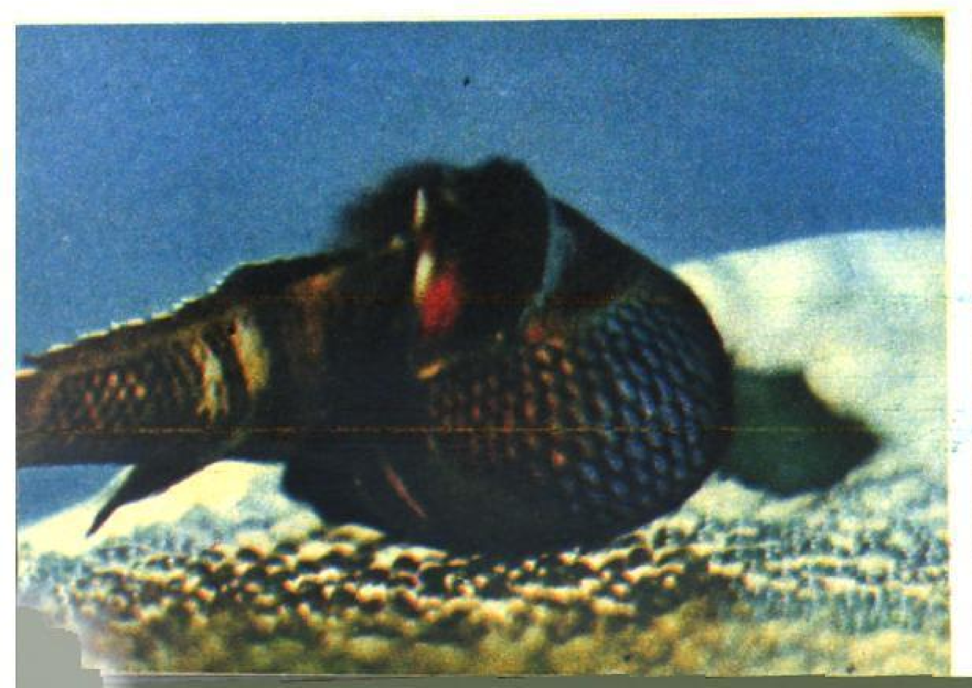

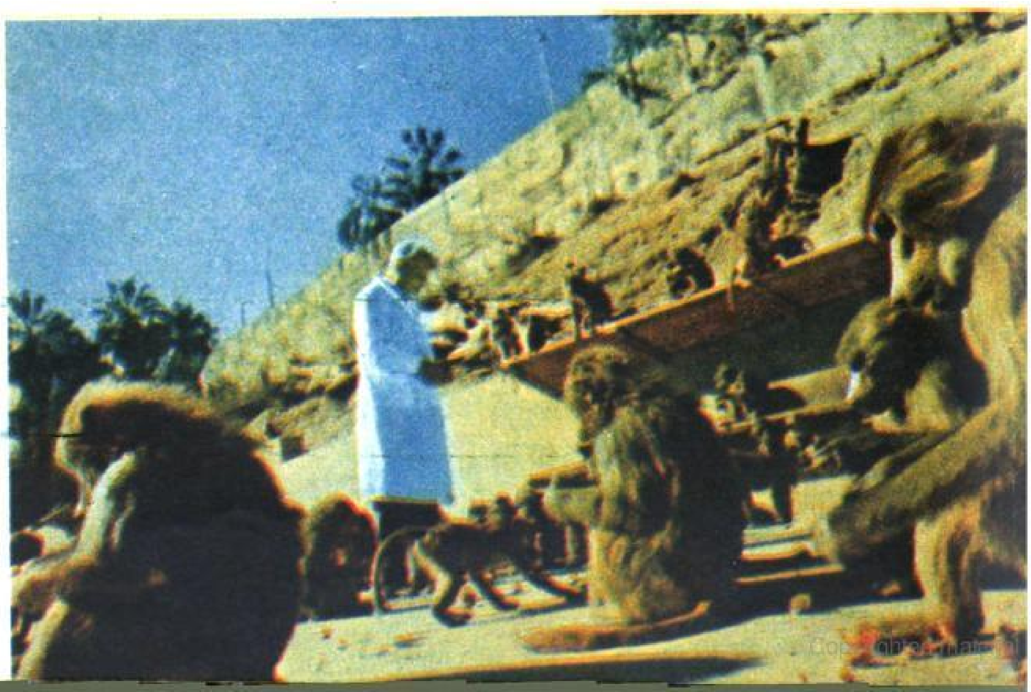

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «ЯЗЫК ЖИВОТНЫХ».

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

Стефан ЕЖЕВСКИЙ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Продолжение. См. «Огонек» № 25.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Директор Островский был в этот день очень взволнован. Его только что посетили двое из Высшей контрольной комиссии, а такие посещения, как известно, никогда не вызывают прилива энтузиазма... Вдобавок еще телефонный звонок из «Кожэкспорта»... Оттуда сообщили, что половина заказанных французской фирмой бумажников была возвращена из-за плохого качества. После того, как оба инспектора побывали в кабинете главного бухгалтера и были приблизительно установлены потери, понесенные предприятием, он вызвал к себе начальника отдела кадров Маевского, чтобы на нем сорвать свое плохое настроение.

— Послушайте, мой дорогой, я должен вас лично поблагодарить за эту великолепную секретаршу, которую вы мне подсунули...

— Товарищ директор...— в наименее подходящий момент прервал кадровик.

— Что товарищ?! Что товарищ?! — вспылил директор, поднимаясь с кресла.— Вы себе выискиваете в городе каких-то девчонок и сажаете у меня в секретариате.

— Простите меня...— вспылил Маевский.

— Это вы меня простите! — Островский уже кричал, к радости почти всех сотрудников, собравшихся за дверью.— Мне нужна секретарша! Девушку для развлечения я сам себе найду, без вашей помощи. А эта Гражина уже пятый раз в этом месяце не выходит на работу! Если вы не можете найти мне секретаршу, то сами садитесь в приемной.

— Товарищ директор,— ледяным тоном процедил кадровик.— Пани Масс представляла медицинское освобождение и пропустила не пять дней, а три, считая и сегодняшний. У нее были великолепные рекомендации. Я помню, сама товарищ Щиборова звонила по этому поводу.

— Ну и пусть она ее возьмет себе, а у меня чтобы завтра же была настоящая секретарша.

— Я позволю себе заметить, что не позже как два дня тому назад вы очень хвалили пани Масс.

— Я изменил свое мнение и имею на это основания!

— Но вы не имеете основания так относиться ко мне. Я работаю начальником отдела кадров уже десять лет, и никто мне никогда не делал замечаний.

Тем временем Гражина Масс, длинноногая платиновая блондинка, спокойно пила кофе в кафе лодзинского «Гранд-отеля», даже и не догадываясь, что ее отсутствие на работе привело к такому острому обмену мнениями между директором и начальником отдела кадров. Но даже если бы она знала об этом, то не приняла бы близко к сердцу, потому что врач Здислав, один из многих ее поклонников, подарил ей когда-то, в момент хорошего настроения, пачку справок об освобождении от работы. Понятное дело, бланки были с печатями и снабжены подписью пана доктора.

В кафе вошел элегантно одетый мужчина. Даже человек не слишком наблюдательный мог заметить, что вошедший интересуется столиками, занятыми представительницами прекрасного пола. Пожилой мужчина был похож на иностранца. Гражина оживилась. Она послала незнакомцу одну из своих разящих улыбок и начала обмахиваться журналом «Кроссворд». Иностранец занял ближайший свободный столик. После этого вступления флирт Гражины с незнакомцем развивался по давно испробованной схеме. Они обменялись еще несколькими улыбками и многозначащими взглядами, потом иностранец встал и сел рядом с ней. Он обратился к ней по-немецки, на что последовал ответ на том же самом языке.

Справедливости ради следовало бы заметить, что знакомство Гражины с немецким языком ограничивалось знанием слов пятидесяти, то есть запасом, значительно меньшим, чем употребляют повседневно самые примитивные народы. Однако это не мешало пожилому мужчине. Он явно был доволен своим новым знакомством. Иностранец заказал себе сардельки с хреном, булку и пиво, а перед Гражиной появилась порция венгерского торта.

Разговор продолжался довольно-таки долго. В конце его новый знакомый пани Масс записал на вырванном из книжки листке номер комнаты в отеле, которую он занимал, и вручил его Гражине, после чего встал, поклонился и, уходя, видимо, по ошибке забрал со столика вчерашний номер «Экспресса». Никто из присутствующих в кафе не заметил, что к флирту Гражины внимательно приглядывался какой-то седой человек, похожий на адвоката или судью на пенсии. Через несколько минут этот человек заплатил за кофе, скрупулезно пересчитал сдачу и не спеша пошел к раздевалке. Здесь он старательно застегнул плащ, поправил шляпу и вышел на улицу. У ближайшего перекрестка задержался на минутку перед витриной магазина мужской одежды, после чего лениво огляделся вокруг и вошел в ближайшие ворота.

Через несколько минут из ворот быстро выбежал молодой человек в коричневом плаще «болонья». Никто бы не узнал в нем солидного пенсионера, который еще так недавно попивал кофе в «Гранд-отеле».

Молодой человек потратил не больше минуты на возвращение в отель, где он направился прямо в кабинет директора. Тот приветствовал его весьма развязно:

— Хо-хо! Поручик Ковалик! Приветствую, приветствую! Давно вас не видел. Догадываюсь, однако, что не симпатия ко мне привела вас сюда. Чем могу служить?

— На этот раз меня интересует приезжий, который занял номер 302.

— Будет исполнено. Вы хотите посмотреть книгу регистрации прибывших?

— О, не беспокойтесь, пожалуйста, пан директор,— усмехнулся Ковалик.— Ваш портье и так хорошо меня знает. Достаточно будет позвонить по телефону.

Вице-директор набрал номер и через минуту проинформировал поручика:

— Генрих Бруннер, промышленник из Бремена, живет на улице Энтегаса, 4. Приехал к нам первый раз.

В это время Гражина Масс все еще сидела в кафе за тем же самым столиком. Рядом с ней сидел невысокий блондин, с которым она, по-видимому, находилась в приятельских отношениях. Молодой человек так громко рассказывал старый непристойный анекдот, что слова его достигли ушей двух пожилых женщин, сидящих за соседним столиком. Возмущенные, они демонстративно встали и вышли из кафе. Вскоре молодой человек простился с Гражиной, а его место занял высокий интересный брюнет.

Флирт с брюнетом затянулся почти до четырех, после чего Гражина вместе с поклонником вышла из кафе.

Тем временем поручик Ковалик, простившись с директором, спустился вниз, занял свободное кресло в холле и развернул газету, целиком погрузившись в чтение. Могло показаться, что он даже не заметил Генриха Бруннера, вернувшегося в начале пятого. Бруннер был нагружен проспектами различных экспортно-импортных объединений и сразу направился в свой номер. Ковалик вскочил с кресла и пошептался о чем-то с миловидной девушкой, сидящей около доски с ключами. За время этой короткой беседы поручик успел узнать, что Бруннер поручил разбудить себя в шесть часов вечера и заказал билет первого класса на скорый поезд до Варшавы, отходящий в семь. Он просил также забронировать ему номер на сегодняшнюю ночь в каком-нибудь варшавском отеле, сообщив, что своего номера в лодзинском «Гранде» он не освобождает, поскольку собирается послезавтра вернуться.

Напрасно, однако, Ковалик в этот день ждал Гражину в отеле. Она больше не появилась... Зато ровно в шесть пятнадцать в холл спустился Бруннер с чемоданчиком в руке, оставил портье ключ, взял билет и еще раз подтвердил, что вернется. Ему сообщили, что в Варшаве его уже ждет номер в гостинице «Бристоль» на Краковском предместье. Немец педантично записал в элегантной книжечке название отеля и улицы.

Как только Бруннер исчез за дверями, поручик поднялся на третий этаж и остановился перед дверями 302-го номера. Он осмотрелся в пустом коридоре и вынул из кармана ключ, которым без труда открыл двери. В комнате пробыл только две минуты. Он не нашел ничего интересного, кроме вчерашнего номера «Экспресса», лежащего в корзинке для мусора. На первой странице газеты была сделана небольшая вырезка, по-видимому, Бруннеру попалась какая-то заметка, особенно заинтересовавшая его. Содержание этой заметки Ковалик пока не мог выяснить.

Выйдя из отеля, поручик сел в ожидающую его «Волгу» и поехал на Фабричный вокзал.

В момент, когда он вошел на перрон, скорый до Варшавы уже отходил. Ковалик продемонстрировал спринт, достойный тренированного спортсмена. Несмотря на предостерегающие окрики дежурного, он бежал за удаляющимся поездом и наконец вскочил на ступеньку последнего вагона.

Ему пришлось пройти несколько вагонов, прежде чем в одном из купе первого класса он заметил одиноко сидящего Бруннера. Немец дремал... Ковалик разместился в соседнем купе, где уже сидели две старушки, и через минуту громко храпел, возбуждая нескрываемое возмущение спутниц. Они, конечно, не знали, что молодой человек, который занял место около окна и своим поведением так бесцеремонно нарушал элементарные права хорошего тона, последние три ночи не сомкнул глаз.

Приехав в Варшаву, Бруннер направился прямо в отель. Вслед за ним, как тень, поспешил Ковалик. В то время, как немец успел получить ключ от забронированного для него номера, Ковалик получил ответ: «Мест нет». Он не был сражен холодным приемом.

— Я Ковалик. Министерство иностранных дел заказало для меня номер.

— Ах, вот как! — На лице портье появилась улыбка, предназначенная исключительно для высокопоставленных гостей.— У нас есть только один свободный номер на втором этаже.

— Дайте, пожалуйста, ключ.

— Анкету для прибывающих мы пришлем уважаемому пану в номер.

— Все равно.

Ковалик махнул рукой и направился вслед за портье в приготовленный номер.

Через десять минут невысокий незаметный мужчина постучался в двери.

— Привет,— обратился он к Ковалику, совершенно не удивленному этим визитом, и уселся в плаще на кровать.

— Это вы следите за этим немцем?

— Да,— подтвердил Ковалик.— Однако, черт его знает, зачем он приехал в Варшаву.

— В настоящий момент он звонит по телефону. Нас известят, если он покинет номер. А пока позвольте мне представиться.— Прибывший поднялся с кровати.— Моя фамилия Варга.

— Ковалик.— Поручик пожал протянутую руку.— А этим немцем мы заинтересовались только сегодня. Он приехал из Бремена, официально — представитель одной из крупных импортных фирм. Мы обратили на него внимание потому, что в кафе он подсел к одной девушке, подозреваемой в связях с разведывательным центром в ФРГ. По этому делу мы уже имеем подтвержденную информацию. Два инженера из научно-исследовательского химического института передали ей интересные записи, касающиеся эксперимента большого экономического значения.

— Что это за особа? — спросил Варга, вынимая из кармана пачку «Гевонта».

— Полусекретарша, полупроститутка, но в сумме очень неглупый агент.

— Вы уверены, что этот ваш представитель из Бремена действительно завязал с ней контакт? А может, он просто искал дамского общества.— Варга закурил сигарету.— Я хотел вас только по-приятельски предупредить, что этим вопросом занялся доктор Лах из нашего министерства, а вы уже, вероятно, слышали о нем достаточно?

— Лах? — повторил протяжно поручик, а на лице его можно было прочитать, что новость отнюдь не из радостных.

Варга аккуратно стряхивал пепел в хрустальную пепельницу, неотъемлемую принадлежность всех номеров представительного отеля столицы.

— Да, коллега, доктор Лах выразил желание поговорить с вами. И я советую вам хорошенько подумать над тем, что вы ему скажете.

Ковалик явно растерялся.

— Если речь идет об этом немце, то ничего конкретного. Однако мы считали своей обязан-

ностью не терять его из виду, поскольку он искал общества именно той, которая является агентом.— Поручик оправдывался, забыв, что он разговаривает пока еще не с доктором Эмилем Лахом.— Кроме того,— добавил он,— я обратил внимание на то, что немец как бы случайно взял со столика кафе вчерашний номер «Экспресса».

— А что, черт возьми, могло интересовать его в «Экспрессе»?

— Мне кажется, скоро я буду это знать,— ответил Ковалик

— Интересно, откуда?

— Просто потому, что Бруннер вырезал себе какую-то заметку с первой страницы, а остаток газеты выбросил в корзину для мусора в своей комнате. Мне осталось только достать этот номер «Экспресса».

— Вы без разрешения проводили обыск в его комнате?

— Товарищ,— ответил обиженный Ковалик,— за кого вы меня принимаете? Мы договорились с прокурором...

— Ну, ваше счастье,— сказал Варга.

Он подошел к телефону и набрал номер.

— Говорит Варга. Пришлите, пожалуйста, в «Бристоль», в номер 220, вчерашний номер «Экспресса».

— Скажите только, чтобы прислали лодзинский вариант,— вмешался Ковалик.

Варга искоса посмотрел на коллегу из Лодзи и уточнил поручение.

Потом он отложил трубку и спросил:

— Вы давно уже следите за этой агенткой?

— Около пяти недель.

— А эти инженеры из химического института имели контакт с Бруннером?

— Нет. Хотя... Вскоре после прощания немца с девушкой один из них появился в кафе и очень долгое время сидел с ней.

— Ну, посмотрим, что из всего этого выйдет. Во всяком случае, помните, что я вас предупредил. С доктором Лахом шутки плохи.

— Не думаю, чтобы все было так уж плохо.— Ковалик сделал выразительную мину.— В конце концов чему быть, тому не миновать,— добавил он философски.

В этот момент кто-то постучал в дверь. Это был молодой человек, который молча вручил номер «Экспресса» и вышел. Ковалик быстро выхватил газету из рук Варги и начал проглядывать первую страницу.

Внизу, с левой стороны, где в экземпляре Бруннера была вырезана заметка, были напечатаны два коротких сообщения. Оба информировали о несчастных случаях. В первой говорилось, что шестидесятилетняя Геновефа Гвоздь попала под мотоцикл на улице Счастливой, в тяжелом состоянии была доставлена в больницу. Из второй можно было узнать, что Ян Гурский, проживающий в Лодзи, покончил жизнь самоубийством, выбросившись с одиннадцатого этажа отеля «Столица».

— Признайтесь, эти известия нельзя назвать сенсационными,— хмыкнул с издевкой Варга.— Но это уже не наше дело. Во всяком случае, нужно выяснить, почему судьба этих людей заинтересовала торговца из Бремена. Однако вы уверены, что именно эти заметки вырезал Бруннер?

— Пожалуй, эти. Я сильно сомневаюсь, чтобы он вырезал для себя сообщение о землетрясении в Чили.

Ковалик явно пытался иронизировать.

Зазвонил телефон. Варга подошел к аппарату. Разговор закончился быстро.

— Ваш подопечный, видимо, не задержится здесь долго,— проинформировал он Ковалика.— Уже сегодня он уезжает из Варшавы..

У Ковалика в этот день было не слишком хорошее настроение. Как оказалось, Бруннер имел в Варшаве только несколько телефонных разговоров с представителями экспортных фирм исключительно на торговые темы, а потом после полуночи выехал в Познань. Естественно, расшифровка его невинных телефонных разговоров требовала нескольких дней, а сейчас не оставалось ничего другого, как сопровождать его в новом, неожиданном путешествии.

Окончательно Ковалика несколько оживило то, что в Познани непредвиденно оказалась и пани Масс.

Настроение его поправилось только тогда, когда в холле отеля появился молодой брюнет с чарующими усиками, дружелюбно приветствующий его:

— Ну, наконец-то ты приехал! Не сердись, старик, что тебе пришлось подождать. Пойдем выпьем кофе и поговорим.

Оба пошли в кафе, которое было расположено так удачно, что позволяло наблюдать за входящими и выходящими из отеля. Они заняли столик около окна, что представляло дополнительную возможность просматривать улицу перед отелем.

— Телефон уже прослушивается,— шепнул брюнет.— Что мы должны делать дальше?

— Если он выйдет из отеля, вы должны постоянно сопровождать его. Меня он может узнать. Нужен еще один человек, который займется его приятельницей.

Однако Ковалику с его коллегой не пришлось даже допить кофе, так как Бруннер вместе с Гражиной вышел из отеля.

Ковалик бросил на столик 10 злотых и выбежал на улицу. Им не повезло, потому что пара разделилась, усаживаясь в два такси. Не было времени, чтобы подумать. На стоянке была еще только одна свободная машина. Ковалик сел в нее и приказал ехать за Бруннером.

К немалому своему удивлению, он снова оказался на вокзале. Около кассы в такое время не было толпы. Проклиная все на свете, Ковалик встал в очередь за Бруннером, который, однако, не обратил на него внимания и громко попросил кассира дать билет до Вроцлава.

Поезд отходил через десять минут. Поручику не оставалось ничего иного, как также купить билет. Прежде чем занять место в поезде, он послал совершенно невинно звучащую телеграмму во Вроцлав.

В продолжение всего путешествия Ковалик старался не показываться Бруннеру на глаза. К счастью, на Вроцлавском вокзале немца уже ждали два местных сотрудника, а Ковалик мог ближайшим поездом вернуться в Лодзь.

Не успел он отдохнуть после трудного путешествия, как его разыскал курьер, вручивший в запечатанном конверте приказ сейчас же выехать в Варшаву.

Доктор Лах чувствовал непреодолимое желание провести долгую исчерпывающую беседу с поручиком Янушем Коваликом из Лодзи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Доктор психологии Эмиль Лах ничем не напоминал человека, профессионально занимающегося борьбой со шпионажем.

Низкий, округлый, с лысой, как колено, головой, среднего возраста мужчина, одетый с несколько провинциальной элегантностью, он выглядел скорее как аптекарь из маленького городка или адвокат из провинции, чем крупный ас разведки.

Он пользовался заслуженным авторитетом психолога, и, если бы захотел посвятить себя научной карьере, многие учебные заведения готовы были предложить ему кафедру. Несмотря на это, у Лаха было много противников, явных и скрытых, как среди начальства, так и среди коллег, а его методы работы возбуждали часто бурный протест. Не раз доходило даже до серьезных конфликтов. Справедливости ради нужно, однако, признать, что в конечном итоге деятельность Лаха приносила отличные результаты, а его парадоксальные предположения почти всегда находили подтверждение на практике.

Итак, не следует удивляться тому, что скромный работник из Лодзи поручик Януш Ковалик, ожидавший в секретариате вместе с каким-то странным типом с торчащими ушами, чувствовал огромное волнение. Когда, однако, он увидел приветливо улыбающегося толстяка, сидящего за столом и сосущего мятную конфетку, неуверенность прошла.

— Садитесь, дорогой, садитесь! — весело воскликнул Лах, усаживая посетителя в мягкое кресло около столика в углу кабинета. Он поставил на столик бутылку коньяку и достал из шкафа две рюмки. Потом подсунул коробочку с мятными конфетами и, наконец, сам уселся. Через минуту секретарша принесла кофе.

— Вы уже, наверно, привязались к этому Бруннеру и сердитесь на меня, что я вас лишил его общества. Но так было нужно, дорогой. Бруннером теперь займется кто-нибудь другой. Дело осложнилось. Но вы, дорогой, уж меня простите, я должен особенно поблагодарить за то, что вы обратили внимание на вырезанную из «Экспресса» заметку.

— Я не имею понятия, пан доктор, почему немец в такой степени заинтересовался известием о несчастном случае шестидесятилетней Геновефы Гвоздь.

— Плохо, дорогой, плохо. Может быть, конфетку? Великолепно помогает думать.— И, не ожидая ответа, Лах отправил леденец себе в рот.

— У меня не было возможности что-либо выяснить...— Ковалик начал оправдываться.

— А жаль, жаль, потому что если бы вы поинтересовались этим, то имели бы возможность сделать очень поучительные выводы. Прежде всего, вместо того чтобы забивать себе голову какой-то несчастной старушкой, вы бы лучше обратили внимание на так называемый прыжок самоубийцы с одиннадцатого этажа. Я не сомневаюсь, что если бы вы, дорогой, заинтересовались этим случаем, то узнали бы, что Ян Гурский — вовсе не Ян Гурский. Давайте поговорим более подробно о самых интересных аспектах всего дела.— Доктор сладко цедил слова, но Ковалик уже чувствовал, что такой тон не сулит ничего доброго.

— Сейчас я вам представлю, дорогой, поручика Любича из следственного отдела милиции.— Доктор встал и направился к двери.— Он ведет дело так называемого Яна Гурского. Вам следовало бы поговорить с ним лично.

Он отворил дверь в секретариат и попросил Любича войти. Посетитель вошел в комнату своим акстиным шагом. В его поведении не было и следа неуверенности или беспокойства. Доктор усадил его в собственное кресло и пододвинул коробочку с конфетами.

— Благодарю, я лучше закурю.— Любич вытащил из кармана коричневую сигарету.

— Не выношу дыма,— жестко сказал Лах,— я считаю табак очень вредным.

— Я не могу думать без никотина.

— Лучше использовать для этой цели мятные конфеты, намного полезнее,— заметил доктор.

— У каждого свой вкус.

— Вообще-то я пригласил вас сюда по более существенному делу, чем спор о достоинствах мяты и никотина.

— Не сомневаюсь.

— Итак, к делу! — В голосе доктора прозвучала нетерпеливая нотка.— Кроме изложенного в отчетах, вы располагаете еще какими-нибудь подробностями по делу Гурского?

— Я прислал вам полное описание дела.

— А какое ваше мнение, кто и зачем убил этого Вольского?

— Убил его, без сомнения, человек, использующий фамилию Гурского. Если бы, однако, мы знали, кто он и для чего он совершил это убийство, то я считаю, что разговор со мной был бы совершенно излишним.

— Действительно, многого я от вас не узнал.

— Я изложил вам все, что до сих пор удалось установить. Известна личность убитого, известно, что кому-то нужно было создать видимость смерти Яна Гурского. Можно предполагать, что человек, использующий фамилию Гурского, совершил убийство. Вероятно, сейчас он выступает под фамилией Тадеуша Вольского, и в настоящий момент мы разыскиваем человека, использующего документы Вольского.

— Несчастные Вольские,— бросил резко Лах.— Людей, носящих такую фамилию, в Польше по крайней мере несколько тысяч.

— Действительно,— согласился Любич,— но мы ищем Тадеуша Вольского, сына Леонарда и Милианы Вонхаль, родившегося 25 марта 1918 года в Бежанове, Краковского воеводства. Как я установил, ни один другой Тадеуш Вольский не родился в этот день в Бежанове от этих же родителей.

— Вы не обижайтесь, коллега.— Лах первый раз, к удивлению Ковалика, прислушивающегося к разговору, употребил слово «коллега» вместо «дорогой».— Я временами несколько докучлив, но это не опасно. Те, кто меня знает лучше, к этому привыкли, а сейчас слушайте внимательно.

Доктор Лах встал и начал прохаживаться по кабинету.

— Моя гипотеза выглядит следующим образом: Генрих Бруннер, выступающий как представитель импортно-экспортной фирмы из Бремена,— западногерманский агент. Он приехал к нам с поручением, характера которого мы еще не знаем; установил контакт с Гражиной Масс и узнал, что некий Ян Гурский совершил самоубийство. Из этого следует сделать вывод, что интерес пани Масс к смерти Гурского имел связь с ее шпионской деятельностью. Возникает вопрос: какова была эта связь? И тут я выдвигаю следующую гипотезу: обратим внимание на тот факт, что Гурский — это вовсе не Гурский, а убийство было инсценировано, чтобы все, а особенно шефы пана Бруннера, считали человека, использующего эту фамилию, погибшим. Следует предполагать, что Гурский также был западногерманским агентом. Итак, по неизвестным для нас причинам так называемый Гурский решил покончить с собой. Может быть, он боялся провала, может, его подвели нервы, а возможно, просто хотел присвоить себе большую сумму денег, которой в тот момент располагал. В конце концов эти мотивы для нас не имеют значения... Однако мы хорошо знаем, что уже ненужный шпион должен быть уничтожен. Что же мог сделать Гурский в такой си-

туации? Решил умереть... Но, как известно, люди умирают с неохотой. Поэтому пан Гурский пришел к выводу, что роль покойника может с успехом сыграть кто-нибудь другой. И поэтому погиб Тадеуш Вольский. Наверное, они имели внешнее сходство. Таким образом, он выкинул Вольского из окна, подсыпав ему предварительно в водку солидную порцию снотворного, и с этого момента чувствует себя совершенно свободным и в безопасности, не допуская возможности, что мистификация будет раскрыта. Во всяком случае, он уверен, что ее не могут раскрыть его шефы. Что вы об этом скажете?

— Это все выглядит достаточно правдоподобно,— сказал Любич, подумав минутку,— но вы, пан доктор, должны признать, что, принимая такую версию, мы должны одновременно предположить, что Гурский уже давно удрал за границу.

— Не обязательно,— воспротивился Лах.— Не следует забывать, что на Западе шпион-дезертир будет чувствовать себя в меньшей безопасности, чем здесь. Поэтому нельзя исключить и то, что Гурский остался в стране на то время, пока все не утихнет.

— Ну тогда, если мы уже знаем, кто шпион,— вмешался Ковалик,— и коль скоро он не будет развивать никакой деятельности, мы должны переключиться на Бруннера, который предпримет в этом направлении какие-то шаги. Идя его следом...

— Я понимаю ход ваших размышлений, дорогой,— прервал его доктор,— вы только забываете об одном: Бруннер ведь ничего не знает о мистификации.

В этот момент в кабинет вошла секретарша и подала Лаху какой-то листок. Лах просмотрел донесение и нахмурился.

— Ну что ж, дело осложнилось. Бруннер прямо из Вроцлава выехал в Германию.

— Но у нас есть еще под рукой пани Масс,— подсказал Ковалик.

— Ну и что из этого? — Лах явно недооценивал Венеру лодзинского полусвета.

— Ее нужно будет только прижать,— предложил Ковалик.

— Вы уж меня простите, мой дорогой, но я не понимаю, что вы имеете в виду.— Лах холодно посмотрел на Ковалика.— И лучше будет, если не пойму.

Он встал с кресла и начал быстро ходить по кабинету, что-то фальшиво напевая под нос. Вдруг остановился и хлопнул пухлыми ладонями.

— Ага, есть! Ну, скажем, послезавтра в прессе должна появиться обширная статья на тему тайного убийства в отеле «Столица». Следует проследить за тем, чтобы вечерние газеты на первой странице насколько возможно раздули эту историю. Крупные заголовки! Сенсационные названия! «Кто подлинный убийца?», «Почему Тадеуш Вольский должен был умереть?» Короче говоря, что-нибудь в этом духе. И, естественно, ни одного слова о шпионском характере дела. Я буду не я, если на это не клюнут. Нам останется только наблюдать, а пан Бруннер не преминет нанести нам еще один визит... А теперь за работу. Коллега Любич, вы будете вместе со мной вести это дело на месте. Я сейчас договорюсь, чтобы вас временно отдали в мое распоряжение. А вы, дорогой,— Лах обратился к Ковалику,— сейчас же возвращайтесь в Лодзь и займитесь Гражиной Масс.

Когда Ковалик вместе с Любичем вышел из кабинета доктора, Лах еще сидел, углубившись в отчеты об убийстве Тадеуша Вольского. Каждую минуту он открывал лежащую на столе тетрадь и исписывал страницы мелким четким почерком.

Уже смеркалось, когда он старательно запер документы в сейф и подошел к телефону. Майор Яруга сразу согласился принять его.

Майор Леон Яруга высоко ценил доктора Эмиля Лаха, из чего, однако, не следовало, что он всегда соглашался с его методами. Совсем наоборот: майор имел диаметрально противоположные правила, отличающиеся от взглядов Лаха, и, несмотря на несколько лет близкого сотрудничества, постоянно чувствовал себя ошеломленным необычными, как ему казалось, замыслами Лаха. После бурных дискуссий он, однако, подчинялся логике и аргументации доктора, но бывал скорее удивлен, когда методы, предложенные Лахом, приносили положительные результаты. Несомненно, Яруга был способным и опытным офицером контрразведки, отличным организатором, но тем не менее он доверял только старым, проверенным методам. Ожидая сейчас в своем кабинете доктора, он приготовился к бурному разговору и решил не складывать слишком легко оружия.

Когда Лах объяснил ему подробно, как развивалось дело до сих пор, и высказал свое мнение относительно роли Бруннера, майор был приятно удивлен тем, что на этот раз его мнение полностью совпадает с мнением доктора.

— Дело мне кажется вполне ясным,— объявил он с нескрываемым удовольствием.— Как только мы завлечем Бруннера обратно в Польшу, необходимо задержать эту Гражину Масс. Не сомневаюсь, что она расскажет немало интересного.

— То же самое предлагал наш молодой работник из Лодзи, поручик Ковалик.

— Видимо, рассудительный парень.— В голосе майора чувствовалось одобрение.— И что же вы ему на это сказали?

— Я отсоветовал ему излишнюю поспешность.

— Это почему же? — удивился майор.— Ведь другого выхода нет!

— Бруннер вернется сюда быстрее, чем вам это кажется, майор! Он начнет устанавливать новые контакты и любой ценой захочет разыскать дезертира.

— И не найдет его, потому что парень, если у него хоть что-нибудь есть в голове, уже давно удрал и спрятался так, что его сам черт не сыщет.

— Возможно. Но не стоит исключать ту возможность, что все обстоит совершенно иначе.

— На чем вы обосновываете свои пророчества, доктор? Я говорю пророчества, потому что это нельзя даже назвать гипотезой.

— А вы не предполагаете, пан майор, что Гурский может чувствовать себя безопаснее у нас, чем там, где его черт не сыщет? Ведь в Польше у его шефов связаны руки, в то время как на Западе они могут его открыто преследовать, даже с облавой.

— Но Гурский ведь сделал все, чтобы его начальство не узнало правды. На это вы не обратили внимания, пан доктор?

— Гурский не новичок, и он должен предполагать наихудшее.

— Это вы так думаете... Итак, что же это за гениальный ваш план?

— Не знаю, гениальный ли, но, во всяком случае, единственно приемлемый. Подождать приезда Бруннера и через него и пани Масс выследить всю сеть и убийцу. Я считаю, что если Гурский остался в нашей стране, то после информации, которая вскоре появится на страницах всех газет, он всполошится. Ведь сведения, появляющиеся в нашей прессе, тщательно собирают в Западной Германии. Известие о гибели Вольского может привести к какому-нибудь необдуманному шагу с его стороны.

— Вы понимаете, какую ответственность мы берем на себя, оставляя агентку на свободе?

— Я вполне отдаю себе в этом отчет... Но я также знаю, что только таким образом мы можем обнаружить остальных агентов и ликвидировать всю сеть одним ударом.

— Вы, полагаю, понимаете, что в конце концов ответственность за все несу я?

— Да, я знаю об этом и, если вы не примете моего предложения, прошу передать дело кому-нибудь другому.

— Ну хорошо,— буркнул Яруга.— Действуйте по собственному усмотрению.

— Благодарю вас, майор! Попрошу только, чтобы мне откомандировали в помощь поручика Любича из следственного отдела милиции.

— Хорошо. Желаю успеха.— Майор встал, давая понять, что считает разговор оконченным.

В тот самый день Гражина Масс вернулась на работу, показав в отделе кадров медицинское освобождение о том, что она страдает несварением желудка.

Начальник Маевский долго рассматривал освобождение и наконец со злорадным удовлетворением уведомил Гражину, что ее перевели из кабинета директора в старые склады на улице Волчанской.

Продолжение следует.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Полные надежд восемь ведущих гроссмейстеров начали четвертьфинальные матчи претендентов. Теперь этот важный этап борьбы позади. Впереди полуфиналы, в которых М. Таль встретится с В. Корчным, а Б. Спасский — с Б. Ларсеном. Кто-то из них в будущем году сядет за один столик с чемпионом мира Т. Петросяном? Кто это будет? Ответить на этот вопрос сегодня мы не можем. Но познакомиться поближе с участниками полуфинальных встреч вполне в наших силах. В какой-то степени это и будет ответом на животрепещущий вопрос.

Их было восемь — осталось четверо. Мы расскажем вкратце о каждом четвертьфинальном матче и приведем один из решающих фрагментов спортивной борьбы или ту партию, которую претендент сам считает своим лучшим спортивным достижением.

История любит повторяться

Не дожидаясь купального сезона, Б. Спасский и Е. Геллер еще в апреле встретились на берегу Черного моря — в Сухуми. В этой встрече предпочтение Геллеру отдавали такие знатоки, как Корчной. И что же, одесский гроссмейстер проиграл с таким же счетом, как и в предыдущем матче со Спасским,— 2,5—5,5. История любит повторяться. Но можно ли на этом основании делать вывод, что в Сухуми настоящей борьбы не было? Нет. Никак. Мы видели после матча Б. Спасского. «Боря, как это вам опять удалось так легко победить Геллера?» — спросили мы, и Спасский ответил: «Что вы, что вы! Это было совсем нелегко. Пришлось изрядно понервничать и по-настоящему поработать».

Как стратег Геллер на этот раз превосходил своего противника, но в тактическом отношении явно уступал ему. В четвертой партии у Геллера были все шансы уравнять счет, но Спасский его перехитрил, и счет вместо 2:2 стал 3:1 в пользу Спасского. Это и было началом конца для Геллера.

Посмотрите на эту шахматную трагедию Геллера.

Е. ГЕЛЛЕР

Б. СПАССКИЙ

Спасский рискованно, азартно вел атаку и пожертвовал ладью. Правда, для того, чтобы полностью отбить атаку, Геллеру надо точно провести защиту. Последовало:

30. Фf2 — h4 Kd5 — f6
31. e5 : f6 e7 : f6
32. Фh4 — h7 + Kpg8 — f8
33. Kg5 — e4 Фe8 — e5
34. Cc1 — f4 Фe5 — d4 +
35. Kpg1 — h1 Лc8 — c6?

Решающая ошибка. Правильно было 35...Лd8! 36. Ch6 C : h6 37. Ф : h6 + Kpe7 38. K : f6 Лa1, и атака белых совсем отбита.

Какая чертовская игра эти шахматы: одним неудачным ходом можно проиграть партию, матч, первенство мира. Но, может быть, именно поэтому шахматы так «чертовски» красивы?

36. Cf4 — h6 Cg7 : h6
37. Фh7 — h8 + Kpf8 — e7
38. Ke4 : f6 ...

Вот в чем дело, в чем существо ошибки, допущенной Геллером, сыгравшим ладьей на c6. Король черных попал в окружение. Любопытно, что Спасский все это должен был установить очень быстро — он играл в цейтноте — и на самом деле установил за несколько считанных секунд.

38... Ch6 — f4
39. g4 — g5! ...

Разумеется, только не 39. Л : f4? из-за 39...Лa1 + и выигрывают черные.

39... Kpe7 — e6

Попытка к бегству. Но при таких прогулках королем в центре доски можно простудиться даже в солнечном Сухуми.

40. Фh8 — e8 + Kpe6 — f5
41. Фe8 : f7 Лc6 — c7

Партия была отложена в этой безрадостной позиции для Геллера. Его лишняя ладья — бесполезное утешение, тогда как его король находится в матовой сети. В случае 41...Kp : g5 42. Ke4 + Kph5 43. Фh7 + Ch6 44. Лf5 + черные получают мат.

42. Фf7 : c7 Kpf5 : g5
43. Фc7 — e7! Фd4 — e3

Или 43...Ф : f6 44. Лg1 + Kpf5 45. Фe4 мат.

44. Kf6 — e4 + Kpg5 — h5
45. Фe7 — h7 + Cf4 — h6
46. Фh7 — d7 Ch6 — f4
47. Ke4 — f6 + Kph5 — g5
48. Kf6 — d5 Черные сдались.

Находясь в нокдауне, Геллер проиграл затем еще одну партию, шестую, в которой Спасский сокрушительно сильно провел наступление. Он очень аккуратно выполнил стоящую перед ним спортивную задачу: победил в трех партиях, играя белыми, и пять свел вничью.

После своего заслуженного успеха Б. Спасский имел возможность немного отдохнуть от шахмат. Но все же он с интересом следил за другими матчами и прежде всего за поединком Б. Ларсен — Л. Портиш.

— Боря, с кем вам приятнее было бы играть? — спросили мы.

— Оба гроссмейстера очень приятные люди, но работа предстоит трудная и с тем и с другим, так что все равно, кто мне из них попадется,— ответил он.

Что же, с такой оценкой можно согласиться.

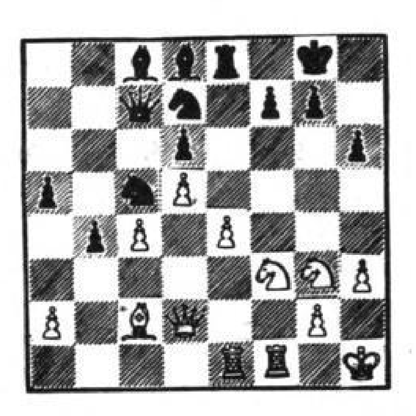
Решающий удар

У Таля очень приятные воспоминания о Югославии. В 1959 году он стал там претендентом на титул чемпиона мира. Как правило, на территории этой прекрасной страны Таль выступает удачно, поэтому экс-чемпион мира охотно согласился сыграть четвертьфинальный матч с С. Глигоричем в Белграде, а для того, чтобы публике не было скучно, Таль в первой же партии атаковал своего партнера и доатаковался до... проигрыша.

Во второй встрече у «ворот» рижанина были тоже весьма опасные моменты. Но экс-чемпион мира с большим терпением и с несвойственной ему осторожностью ждал праздника на своей улице и дождался: в шестой партии Талю, играя черными, удалось уравнять счет. А на финише он показал мощную игру и набрал 3,5 очка из четырех.

Решающий удар Таль нанес своему сопернику в девятой партии. Экс-чемпион мира считает эту встречу лучшим своим достижением. Приводим заключительную часть поединка:

С. ГЛИГОРИЧ

М. ТАЛЬ

34. e4 — e5! ...

Югославский гроссмейстер пожертвовал качество, надеясь своими конями занять сильнейшие позиции на c5 и e5, после чего белым было бы трудно прорваться. С тонким позиционным чутьем Таль отдает свою центральную пешку именно на поле e5, куда собирался пойти конь черных. Смысл маневра Таля заключается в том, чтобы не допустить блокаду и оживить активность белых фигур.

34... Kd7 : e5
35. Фd2 — f4 Лe8 — e7
36. Kf3 — d4 Ke5 — d3
37. Cc2 — d3 Kc5 : d3
38. Лe1 : e7 Фc7 : e7
39. Фf4 — e4 Kd3 — e5
40. Kd4 — c6 Ke5 : c6
41. d5 : c6 Фe7 — e5

После прорыва 34. e5 эта позиция получилась почти форсированно. Глигорич вынужден был пойти на многочисленные размены и перейти к окончанию, в котором материальное преимущество Таля должно сказаться. В этот момент встреча была отложена, и знатоки правильно поставили диагноз: в день доигрывания матч окончится... Таль не долго продумал и записал ход.

42. Фe4 : e5 d6 : e5
43. Лf1 — d1 Cd8 — c7
44. Kg3 — e4 Kpg8 — f8
45. Ke4 — d6 Cc7 : d6

Приходится расстаться со своим слоном, иначе следует 46. Kb5.

46. Лd1 : d6 Kpf8 — e7
47. Лd6 — d5 a5 — a4
48. c6 — c7 b4 — b3
49. a2 : b3 a4 : b3
50. Лd5 : e5 + Kpe7 — d6
51. Лe5 — b5 Kpd6 : c7
52. Лb5 : b3 Kpc7 — c6
53. c4 — c5 Cc8 — e6
54. Лb3 — c3 Ce6 — d5
55. Kph1 — g1 ...

Все остальное элементарно просто. Всю подготовительную работу Таль провел очень четко.

55... f7 — f5
56. Лc3 — a3 Kpc6 — b7
57. Лa3 — g3 g7 — g5

Теперь белым проще нападать на пешки черных.

58. Лg3 — e3 Kpb7 — c6

Или 58...Ce4 59. Л : e4 fe 60. Kpf2 и белые выигрывают.

59. Лe3 — e7 Kpc6 : c5
60. Лe7 — h7 g5 — g4
61. h3 : g4 f5 : g4
62. Лh7 : h6

Глигорич сдался и первым поздравил Таля с выходом в полуфинал.

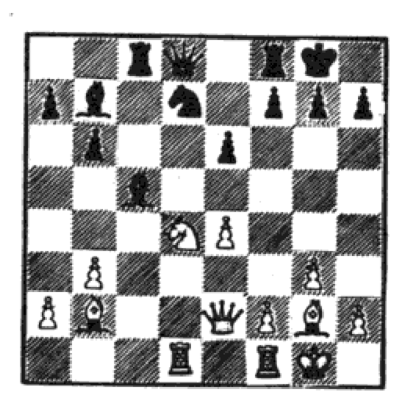
Старость — не радость

Е. Геллера и С. Глигорича, конечно, нельзя считать стариками. Но все же оба они не смогли удержать натиск своих младших партнеров — Б. Спасского и М. Таля. На что же тогда было надеяться 56-летнему С. Решевскому? Да, в таком возрасте трудно стать чемпионом мира, особенно если твой соперник — В. Корчной.

Решевский не сумел справиться с Корчным ни в дебюте, ни в середине игры, ни в эндшпиле. Характерна в этом смысле шестая партия. Ее Корчной считает лучшим своим достижением, и в ней советский гроссмейстер окончательно обеспечил себе победу. (В последних двух встречах Корчного уже устраивала ничья.)

Вот как протекала шестая партия:

С. РЕШЕВСКИЙ

В. КОРЧНОЙ

17. b3 — b4! Сc5 : d4

Приходится расстаться со слоном, ибо в случае 17... С : b4 18. Фb5 у белых решающее позиционное преимущество.

18. Лd1 : d4 Фd8 : e7
19. Лf1 — d1 Кd7 — f6
20. b4 — b5! Лf8 — d8
21. Фe2 — d3 Лd8 : d4
22. Фd3 : d4 h7 — h6
23. f2 — f3 Лc8 — c7
24. Фd4 — d8 + ...

Опираясь на преимущество двух слонов, Корчной переходит в окончание. Решевский всю жизнь славился своим упорством в защите трудных позиций. Но при внешней простоте Корчной демонстрирует такую высокую технику, что и искусство защиты Решевского не помогает.

24... Фe7 : d8
25. Лd1 : d8 + Крg8 — h7
26. Сg2 — e5 Лc7 — c1 +
27. Сg2 — f1 Сb7 — c8
28. Сe5 — b2 Лc1 — c7
29. Лd8 — f8 Сc8 — b7

Угрожало 30. Сe5

30. Сf1 — d3 Лc7 — d7
31. Сd3 — c2 Лd7 — d2

Быстро проигрывает. Лучше было, конечно, 31... Лc7.

32. Лf8 : f7 Лd2 : c2
33. Сb2 : f6 Крh7 — g6
34. Лf7 : b7 Крg6 : f6
35. Лb7 : a7 ...

У Корчного достаточно богатый урожай: две лишних пешки. Тут можно было бы опустить занавес, но Решевский еще медлит.

35... g7 — g5
36. Лa7 — h7 Крf6 — g6
37. Лh7 — b7 Лc2 : a2
38. Лb7 : b6 Крg6 — f6
39. f3 — f4 g5 : f4
40. g3 : f4 Крf6 — f7
41. Лb6 — b8 Черные сдались.

Итак, впервые в своей успешной и долголетней практике Решевский проиграл матч. Но что же, он может утешать себя тем, что Корчной — один из самых оригинальных шахматистов нашего времени. Каково-то теперь придется Талю? При несколько ничьих счет лишних встреч Корчного и Таля катастрофический для рижанина — 1 : 8! Но тренер Таля — мастер А. Кобленц — настроен оптимистически и считает, что у его подопечного есть шанс отомстить Корчному за все нанесенные ему раны.

Полуфинал Корчной — Таль представляет большой интерес в спортивном отношении. Несомненно одно: в творческом смысле он принесет шахматному миру много любопытного.

Не говори гоп, пока не пере-Портиш!

Б. Ларсен удивил шахматный мир потрясающими успехами: пять первых призов в сильнейших по своему составу турнирах. Не удивительно, что датский гроссмейстер стал верить в свою звезду. Ничего плохого в этом, конечно, нет, кто же станет упрекать Б. Ларсена за присущий ему оптимизм. И все же за последние месяцы шахматный мир удивляется, как это Ларсен знает, что именно он встретится в финале с Т. Петросяном.

При таком «точном» расписании Ларсен считал четвертьфинальный матч с Л. Портишем приятной курортной поездкой в Югославию. Он даже решил отправиться на матч с Портишем без тренера. Стартовал Ларсен отлично: 2,5 — 0,5 после трех партий. В совершенно равной позиции в четвертой партии Ларсен уже не считал Портиша серьезным противником и отклонил ничью, предложенную венгерским гроссмейстером. Портиш, очевидно, обиделся и замотовал Ларсена в эндшпиле.

М. Ботвинник после этой партии сказал: «Этот срыв может дорого обойтись Ларсену». Так и случилось. Портиш продолжал упорно сражаться и в седьмой партии уравнял счет: 3,5 — 3,5. У венгерского гроссмейстера имелись отличные шансы на выигрыш в восьмой и девятой партии, и в этом случае могла разразиться одна из самых больших сенсаций последних лет.

При счете матча 4,5 — 4,5 нельзя было не вспомнить, как три года тому назад Таль в матче с Ларсеном в последней, десятой партии вырвал у него победу в красивейшей партии. Но на этот раз десятка оказалась счастливым числом для Ларсена: нервы венгерского гроссмейстера не выдержали.

Ларсен победил, но несомненно, что матч заставит его серьезно задуматься и в будущем более осторожно афишировать свои предстоящие успехи. Любому спортсмену полезно не забывать поговорку: не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

Возвращаясь к драматическому матчу Ларсен — Портиш, мы приводим заключительную десятую партию.

Б. Ларсен — Л. Портиш

1. e2 — e4 e7 — e5
2. Кb1 — c3 Кb8 — c6
3. Сf1 — c4 Кg8 — f6
4. d2 — d3 Кc6 — a5
5. Кg1 — e2 Кa5 : c4
6. d3 : c4 Сf8 — e7

Энергичнее было 6...Сc5.

7. 0—0 d7 — d6
8. b2 — b3 0—0
9. Кe2 — g3 c7 — c6

Можно было обойтись без этого ослабления.

10. Сc1 — b2 Фd8 — a5

Неудачная экскурсия. Уже в дебюте чувствуется, что у Портиша плохой день.

11. Фd1 — e1 Фa5 — c7
12. a2 — a4 Сc8 — e6
13. Лa1 — d1 a7 — a6
14. Фe1 — e2 Сe6 — g4
15. f2 — f3 Сg4 — d7
16. Крg1 — h1 Лa8 — b8
17. Кg3 — f5 Сd7 : f5
18. e4 : f5 Лf8 — e8
19. Лd1 — d2 Лb8 — d8
20. Лf1 — d1 Кf6 — h5
21. Сb2 — a3 Кh5 — f4
22. Фe2 — f2 Фc7 — a5

В третий раз ферзь попадет на это поле. У черных тяжелая позиция. Можно было ожидать в решающей схватке бой не на жизнь, а на смерть, но фактически Портиш проиграл сражение без борьбы — приятный сюрприз для Ларсена.

23. Кc3 — e4 d6 — d5
24. Сa3 : e7 Лe8 : e7
25. Фf2 — h4 Лe7 — d7
26. g2 — g3 Кf4 — e2

Л. ПОРТИШ

Б. ЛАРСЕН

Дело в том, что на 26... de Ларсен приготовил решающий удар 27. Ф : d8+! Ф : d8 28. Л : d7 и черные теряют все на свете.

27. f5 — f6 Фa5 — b4
28. Фh4 — g4! Черные сдались.

Итак, Борис Спасский узнал имя своего соперника: Бент Ларсен! Предстоит увлекательнейший поединок двух выдающихся молодых талантов в расцвете своих сил.

Любопытно, что два полуфиналиста — В. Корчной и М. Таль — вернулись из Белграда и Амстердама в тот же день, в тот же час. По дороге Шереметьево — Москва они вместе с представителем нашей шахматной Федерации обсуждали сроки и место их предстоящего матча. В Корчной предложил Вильнюс. М. Таль, улыбаясь, предложил играть на далеком острове Кюрасао. Почему? Экс-чемпион мира сказал: «Это — единственное место, в котором мне удалось выиграть партию у Корчного!» Друзья быстро договорились: их матч начнется 25 июня в Москве.

Очень приятное и увлекательное зрелище ждет шахматную Москву!

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

15 МОЛОДЫХ ОТВЕЧАЮТ: «ДА, ТРИЖДЫ ДА!»

Под таким заголовком в «Огоньке» (№ 6 за 1968 год) был опубликован репортаж-интервью, в котором рассказывалось о молодых работниках сферы обслуживания, об их заботах.

Гульнара Чалаташвили и Наташа Асташкина в своих интервью говорили о том, что в Тбилиси нет специальных школ, где готовили бы парикмахеров. Ф. Думбадзе, министр бытового обслуживания населения Грузинской ССР, пишет по этому поводу в редакцию:

«О вопросах, поднятых в «Огоньке», шел у нас разговор на заседании коллегии министерства и на собраниях работников парикмахерских.

Да, у нас много наболевшего, нерешенного... Правильно критикует нас «Огонек»: до недавнего времени подготовка мастеров-парикмахеров велась у нас по старинке.

Поэтому совсем недавно в Тбилиси открыли специальное профессионально - техническое училище, которое готовит мастеров бытового обслуживания 22 специальностей, среди них есть две группы парикмахеров. В нынешнем году вступят в строй два учебно-производственных комбината в Тбилиси и Кутаиси, следовательно, намного улучшится подготовка квалифицированных специалистов для нашей отрасли. Одновременно в городах и районах организуются курсы повышения квалификации парикмахеров с участием лучших наших мастеров и известных модельеров — парикмахеров Москвы, Ленинграда, Киева и Риги, которых мы пригласили.

Такие же меры принимаются для подготовки квалифицированных мастеров и других профессий. Остро ощущается нехватка специалистов с высшим, особенно с высшим техническим, образованием. В Грузии нет специального вуза, который готовил бы кадры для предприятий службы быта. Однако полагаем, что нам будет выделено определенное количество мест во вновь создаваемых технологических институтах бытового обслуживания других городов страны».

В репортаже «15 молодых отвечают: «Да, трижды да!» говорилось о плохой механизации труда почтальона, о непригодной и грубой спецодежде и обуви. Начальник Главного почтового управления Министерства связи СССР О. Макаров сообщает:

«...Учитывая важность предложений Тани Мосевцовой, высказанных при ответе на вопрос «Нравится ли вам ваша профессия?», и пожелания других почтовых работников... Коллегия Министерства связи СССР и Президиум ЦК профсоюза обязали министров связи союзных республик, начальников областных, краевых и республиканских (в АССР) управлений связи, а также председателей республиканских, областных и местных комитетов профсоюза работников связи проверить, обеспечены ли почтальоны и другие связисты массовых профессий форменной и специальной одеждой, обувью»...

Сейчас разрабатываются новые костюмы для связистов. При этом учитываются пожелания и предложения, высказанные участниками Всесоюзного слета. В частности, будет предложена новая разносная сумка почтальона, которая отвечала бы требованиям современной эстетики, была бы легкой, прочной, эластичной и не изменяла бы своих свойств при разности температур.

Намечаются также меры по механизации доставки почты.

Из Таллина пришло письмо директора городского треста столовых, ресторанов и кафе Л. Марка. В адрес этого треста были высказаны критические замечания. Семья лучшего молодого официанта тов. Демьянова не имела своей жилплощади, жила у родных. Тов. Марк сообщил редакции, что «...в декабре 1967 года тов. Демьянов получил комнату во вновь строящемся районе Таллина «Мустамяэ». Однако, судя по письму тов. Марка, горисполком Совета депутатов трудящихся Таллина мало еще заботится о нуждах работников сферы обслуживания. А как заботятся о них в Донецке? В нашем репортаже говорилось о том, что работникам городского транспорта некогда и негде пообедать. В. Миронов, заместитель председателя горисполкома, сообщает: «В 1968—1970 годах на конечных станциях трамваев и троллейбусов будет организовано до двадцати буфетов с горячими обедами. Увеличится продолжительность обеденного перерыва для троллейбусных бригад». А для трамвайных? Оказывается, «..этот вопрос решить сложнее. Необходимо строить вторые оборотные кольца». Неужели нельзя найти другой выход?

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ ● ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

— А этим звонком я пользуюсь в дни получки...

Рисунок В. Шкарбана, Н. Станиловского.

— Если научиться хорошо играть в домино, можно стать пенсионером?

Рисунок Н. Калитина и Н. Станиловского.

Туристы по Репину.

Рисунок А. Шварца.

ЗАГАДКА ЧАСОВ

В Аргентине был убит броненосец, в утробе которого обнаружили ручные часы, изготовленные в прошлом веке. Как только часы почистили, они стали исправно работать.

●

СВЕТОФОР ОРАТОРА

На заседаниях британского общества за безопасность движения перед трибуной стоит светофор. Оратор начинает речь при появлении зеленого света. Желтый свет напоминает ему, что нужно закругляться. При красном же свете выступающий должен немедленно покинуть трибуну.

●

ИСКУССТВЕННЫЕ СЛЕЗЫ

В парижских магазинах появились в продаже носовые платки, пропитанные особым веществом, вызывающим слезы. Такие платки покупают присутствующие на похоронах богатых родственников и ожидающие посещения налоговых инспекторов...

●

ОПАСНАЯ ПРИЧЕСКА

Высокая прическа отдыхающей на берегу моря англичанки Мэри Барнес, по-видимому, показалась чайкам похожей на разрушенное птичье гнездо. Разгневанные птицы с громкими криками набросились на женщину, и только когда она прикрыла волосы платком, чайки оставили ее в покое.

●

ДЛЯ ТЕХ, КТО ПРОИГРАЛ

В витрине одного парижского магазина по продаже конины, находящегося недалеко от ипподрома, такая реклама: «Вам не повезло на скачках? Входите к нам! Получите сладостное мщение!»

ПЕС-ЭКВИЛИБРИСТ

На полуострове Лабрадор все жители знают пса Джорджа, который с успехом выполняет поручения своего хозяина-торговца. Собака разносит клиентам молоко в бутылках, пиво. Единственным недостатком Джорджа является страсть перескакивать через все встречающиеся препятствия. Однако до сих пор он не потерял и не разбил ни одной бутылки.

●

КОНТРОЛЬ НАД СКОРОСТЬЮ

В Гватемале не хватает регулировщиков движения, поэтому там введен особый вид контроля. Перед выездом из города каждый водитель получает талон, на котором обозначено время его отъезда. При въезде в другой город шофер обязан остановиться и показать регулировщику этот талон. Если он проехал путь быстрее, чем следовало, с него берется штраф.

●

ЧТО УМЕЕТ ДЕЛАТЬ КЕНГУРУ?

Видимо, многое! Необходимо только терпение и время на их обучение. В Мельбурне открыта первая в мире школа, где дрессируют этих животных. Ученики после окончания курса обучения нянчат маленьких детей, играют в футбол с ребятами, подстригают специальной машинкой газоны.

●

В СЕТКЕ ЧЕРЕЗ ЗАЛИВ

Двадцатидвухлетняя жительница Австралии первой переплыла через сорокакилометровый залив Порт Филипп. Ей понадобилось для этого тринадцать часов. Ее конкурентами были мужчины. Заплыв осложнялся тем, что залив этот полон акул, и участникам состязания приходилось плыть в специальных проволочных сетках.

— Взгляните на затылочек.

Рисунок В. Воеводина.

Ц. СОЛОДАРЬ

Вот заселен микрорайон.
А где же зелень?
Где озон?
Есть! Микропарк, гляди, разбили,
Вокруг — цветы, кусты, газон.

Все это дело, не слова.
Пришла весна —
Шумит листва.
Стройнеют сосны, клены, липы,
Переливается трава.

Осенний близится сезон,
А некто крайне изумлен:
«Какой же это парк
Без тира?
Да будет тир сооружен!»

Прораб решителен и скор:
Десяток сосен — под топор!
Воздвигнут тир,
И перед тиром
Сосновый высится забор.

Настал весны желанный срок,
А некто вдумчиво изрек:
«Озон, друзья, хорош под пиво —
Соорудим
Пивной ларек!»

Всем ясно, что напрасен спор:
Четыре липки — под топор!
И щит рекламный
«Пиво — раки»
Уже ласкает кружкой взор.

На парк снежок декабрьский пал,
А некто горестно сказал:
«Парк ущемляет шахматистов —
Для игр настольных
Нужен зал!»

Вершат строители дела,
Запела весело пила —
И тень
Построенного зала
На пни кленовые легла.

И вот опять пришла весна,
Прорабу снова не до сна:
Киоск для справок
Нужен в парке —

И снова сносится сосна.
Исчез газон, исчез озон,
Как удручен микрорайон!
И все в киоск
Бегут за справкой:
«Куда же парк переведен?!»

Без слов.

Рисунок В. Шкарбана.

●

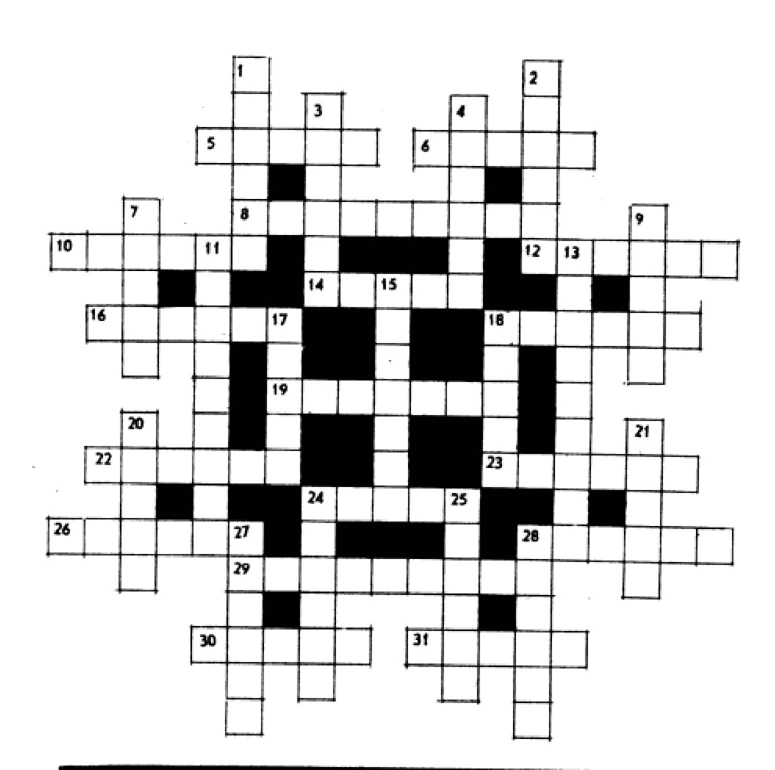
ВМЕСТО ПИСТОЛЕТОВ — ПЕРЬЯ

Еще есть уголки на земном шаре, где дуэли не запрещены. Мужчины племени сака, проживающие на Малакском полуострове, практикуют такой вид поединка. Противники вооружаются большими павлиньими перьями, садятся в центре трехметрового круга и начинают щекотать друг друга. Тот, кто засмеется первым, считается побежденным.

●

САМЫЕ ОПАСНЫЕ ПРОФЕССИИ

Бразильское страховое общество, обработав обильный статистический материал, опубликовало список опасных профессий. На первом месте — футбольные судьи, за ними следуют водители такси, брачные посредники, судебные исполнители, комиссары полиции, боксеры, репортеры газет, частные детективы, железнодорожные кондукторы.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Украинский народный танец. 6. Тихоокеанская промысловая рыба. 8. Русский писатель. 10. Цветок. 12. Отрезок, соединяющий точку окружности с центром. 14. Оттенок звучания. 16. Гора с кратером. 18. Передвижной цирк. 19. Круглое сооружение с куполом. 22. Приток Вислы. 23. Высокая пальма. 24. Древнерусский щипковый музыкальный инструмент. 26. Созвездие южного полушария неба. 28. Столбец типографского набора. 29. Сплав металла с ртутью. 30. Порт в Турции. 31. Хлопчатобумажная ткань.

По вертикали:

1. Картина В. Г. Перова. 2. Вид керамики. 3. Сорт яблок. 4. Народный поэт Латвийской ССР. 7. Река в Иране. 9. Смесь материалов, подлежащих переработке в металлургических печах. 11. Персонаж комедии А. Н. Островского «Доходное место». 13. Прибор для измерения силы электрического тока. 15. Многоместный автомобиль. 17. Опера В. В. Беллини. 18. Спортивное оружие. 20. Хищная ночная птица. 21. Роман А. Барбюса. 24. Твердая горная порода. 25. Государство в Европе. 27. Минеральная вода. 28. Периодическое издание.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

4. Владивосток. 5. Лопасть. 10. Бемоль. 11. Клещ. 12. Левкой. 15. Дегейтер. 16. Авдотка. 18. Петрарка. 20. Паллада. 21. Интерьер. 22. Вобрик. 24. Плуг. 26. Лекция. 27. Грейдер. 28. Лепешинская.

По вертикали:

1. Ваниль. 2. Кишлак. 3. Портал. 6. Пшеница. 7. Регенератор. 8. Волейбол. 9. «Воскресение». 13. Сенегал. 14. Ташкент. 17. Отвертка. 19. Ренклод. 23. «Кармен». 25. Горынь. 26. Логика.

На первой странице обложки: Ашхабадская школьница Огультач Ханыева (см. в номере очерк О. Куприна «Королева мальчишек»).

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Вечерний клёв.

Фото З. Голубчина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора); Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Очерка — Д 0-15-33; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — [illegible]8; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00426. Сдано в набор 4/VI-68 г. Подписано к печ. 18/VI-68 г. Формат бум. 70 × 108⅙. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 108 200 экз. Изд. № 1181. Заказ № 1589.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

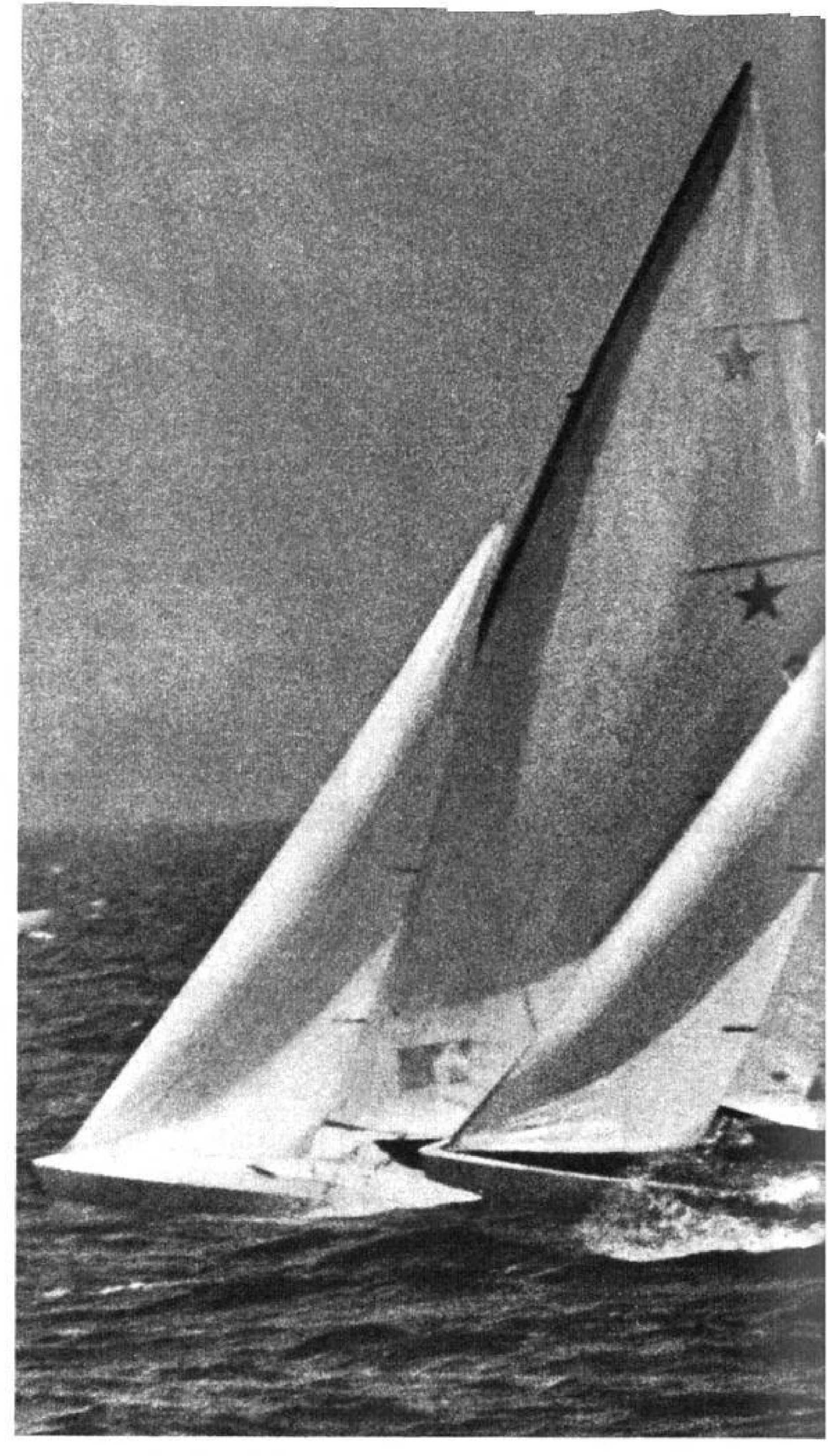

ОЛИМПИЙСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Интервью «Огонька»

И. ЛАВРОВ,
старший тренер сборной команды СССР

Фото В. САЛЬМРЕ.

КУРС — НА

Если использовать морскую терминологию, то яхты всех пяти олимпийских классов заканчивают лавировку для того, чтобы выйти на полный олимпийский курс.

В чем характерная черта нашей подготовки к Олимпиаде в Мехико? Еще за год до решающих стартов мы определили вероятных участников олимпийской регаты, которая состоится в Акапулько. Почему мы решились на такой шаг? Потому что, как показал токийский опыт, яхтсмены должны иметь время для настройки своих судов, для испытаний парусов. Это очень важно и требует много времени. Поэтому еще в октябре 1967 года в Одессе, на матче олимпийских команд, были отобраны экипажи всех олимпийских классов, а также вторые и третьи номера сборной, которые должны в любой момент вступить в строй при каких-либо непредвиденных обстоятельствах. А для того, чтобы таких обстоятельств было поменьше, яхтсмены берут один старт за другим и в своих водах и в зарубежных.

Да, наши яхты не застаиваются в эллингах и у причалов. Олимпийский сезон мы начали еще в разгар зимы гонками в Сочи, затем наши яхтсмены состязались на генуэзской регате, на соревнованиях в Сен-Ремо, а рулевой олимпийской «пятерки» Константин Александров после второй гонки на черноморской регате в Севастополе отправился в Швейцарию на чемпионат Европы.

Свой рассказ о тех, кто будет выступать на олимпийской регате в Мексике, я и начну с класса «5,5», или, как его еще называют, формульного. Дело в том, что «пятерки» строятся по определенной формуле, и судостроители пытаются, не выходя из ее жестких рамок, создавать яхты самой высокой гоночной кондиции. Трудно совместить несовместимое: построить судно, которое хорошо бы ходило и в слабые и в сильные ветры. На олимпийской регате в Японии нам не удалось получить такую «пятерку», и Александров выступал на яхте, рассчитанной на слабые ветры. Но Тихий океан, вопреки прогнозам метеорологов, преподнес яхтсменам сюрприз: гонки проходили при ветре сильном, почти штормовом, и в результате Александров оказался на тринадцатом месте. Это было тем более обидно, что за два года до этого наша «пятерка», созданная известным судостроителем А. Киселевым, с Александровым на руле заняла четвертое место на чемпионате мира в Англии. Ну что же, теперь конструкторы яхт вместе с олимпийским экипажем (рулевой — четырнадцатикратный чемпион СССР К. Александров, матросы — К. Мельгунов и В. Александров) постарались учесть все ошибки, допущенные в прошлом. И это им удалось на чемпионате мира в Швейцарии. Экипаж советской яхты «Надежда» вселил во всех нас надежду, завоевав серебряную медаль. Это самый большой успех К. Александрова за все годы его выступлений.

В другом олимпийском классе — «Дракон» — на XVIII Олимпийских играх Юрий Шаврин занял девятое место. Этот замечательный гонщик хорошо выступал и после Японии, но теперь у него появился серьезный молодой соперник — Юрий Анисимов. Этот архангельский спортсмен вместе со своими товарищами В. Афанасьевым и В. Ружниковым добился больших успехов и будет представлять советских «драконистов» в Мексике.

Если в классе «Дракон» на место в олимпийской команде с одинаковым правом могли претендовать два спортсмена, то в «Звездном классе» лидеры бесспорны. Тимир Пинегин и его бессменный помощник Федор Шутков еще на олимпийской регате 1960 года в Неаполе завоевали золотые медали. На чемпионате Европы 1964 года они также были первыми, а в Японии только неожиданно налетевший тайфун, переломивший мачту яхты, лишил яхтсменов успеха. После этого Пинегин и Шутков не раз оказывались призерами крупных международных соревнований. В нынешнем сезоне они выиграли генуэзскую регату, а затем и черноморскую.

Большие надежды возлагаем мы на экипаж «Летучего голландца». Эта маленькая яхта-швербот быстроходнее килевых яхт. Легкая (ее вес — 120 килограммов, в то время как «пятерка» весит до 2 тысяч килограммов), обладающая великолепными глиссирующими качествами, яхта требует высокого мастерства от своего экипажа. На Олимпийских играх 1960 года А. Шелковников занял шестое место. На следующей олимпийской регате в Японии он был пятым. Но в Мексике у руля «Летучего голландца», видимо, займет место другой яхтсмен — Л. Рвалов. Ему и его шкотовому В. Пильчину удалось выиграть за последнее время ряд крупных соревнований.

И, наконец, пятый олимпийский класс — «Финн». На этом швертботе-одиночке на Олимпийских играх будет выступать В. Манкин, который в 1967 году был первым на всех внутрисоюзных соревнованиях и занял второе место на чемпионате мира. Но на черноморской регате его главные соперники В. Козлов и В. Дырдыра не захотели посчитаться с его столь большими успехами и боролись с ним до конца за первое место. В последней гонке В. Дырдыра обошел признанного лидера и стал победителем регаты...

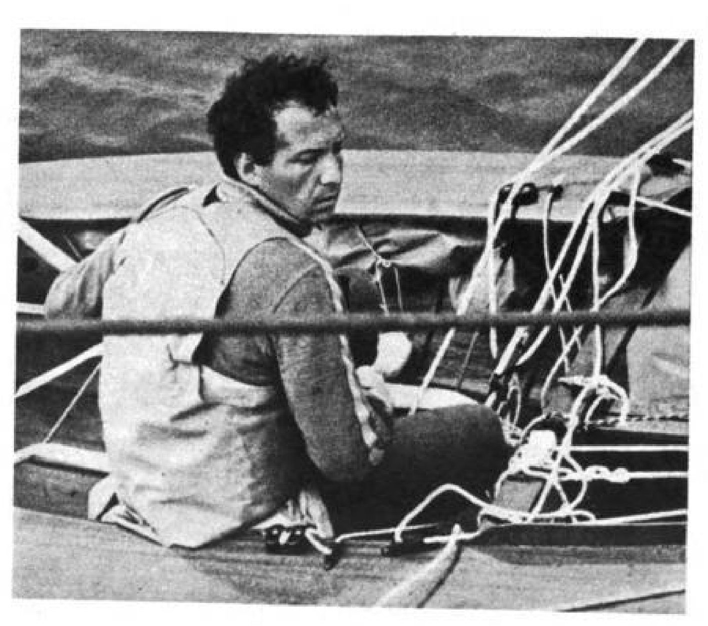
Теперь яхты с черноморской волны перекочевали на балтийскую. В Таллине 15 июня открылась традиционная регата, и яхтсмены снова испытали свои силы в лавировке и на полных курсах. Лучшие выступят также на чемпионатах Европы — в Италии («Звездный класс»), Голландии («Финн»), Финляндии («Дракон»), Венгрии («Летучий голландец»). А там не за горами и Тихий океан в районе Акапулько.

Л. Рвалов и В. Пильчин ведут свой «Летучий голландец» к победе.

«Звездники» взяли старт.

Акапулько

И руль и парус в одних руках. Да, нелегко приходится В. Манкину — хозяину яхты класса «Финн».

Т. Пинегин и Ф. Шутков на борту «Звездника».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663